«МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!»

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЦДУ РАН

МОСКВА
Вест-Консалтинг
2018

Под редакцией канд. филол. наук Л. И. Колодяжной
Технический редактор к. хим. наук. Е. П. Ткачевская

«Мы сохраним тебя, русская речь!»: *девятый альманах произведений участников Литературного объединения Центрального дома ученых Российской академии наук —*
М.: «Вест-Консалтинг», 2018 — 312 с.

ISBN 978-5-91865-521-4

В сборнике представлены произведения поэтов и прозаиков ЛИТО ЦДУ РАН, посвященные двум темам «Мы сохраним тебя, русская речь!» и «Кредо». Сборник составлен по материалам двух концертов ЛИТО, состоявшихся в Доме ученых РАН в январе и в мае 2018 года.

В оформлении обложки использована картина
Кузьмы Петрова-Водкина «Портрет Анны Ахматовой».

© Адлина Л., 2018; Божор Н., 2018; Большаков А., 2018; Бочина Е., 2018
© Буренко С., 2018; Гашунина Г., 2018; Геронимус В., 2018; Гиршгорн В., 2018
© Гланцева И., 2018; Ильина И., 2018; Калиничев В., 2018; Колобова Г., 2018
© Колодяжная Л., 2018; Лепилина Т., 2018; Новикова М., 2018; Ольхов Б., 2018
© Плиско Л., 2018; Поляк Г., 2018; Познякова Н., 2018; Поляков Вас., 2018
© Саницкая Л., 2018; Селезнев Е., 2018; Скавронская М., 2018; Скорикова Т., 2018
© Сорокина Н., 2018; Соснова М., 2018; Ткачевская Е., 2018
© Хатина Т., 2018; Чернова Т., 2018; Шведов Н., 2018; Шорр Б., 2018
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Л. И. Колодяжной.....9

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!!
И
КРЕДО

Сергей Буренко
Проза: Творчество Наума Коржавина.....16

Лариса Адлина
Стихи: Латинский парик; Эхо поэтического слова; Триолет о триолете; Тень и солнце Аполлинера; Под шелест интереснейших страниц; И всё же — Cogito; Человек человеком богат; Была, не была; Куда летит метеорит?; В любой росинке искра есть; Сонет дачный; Зачем на даче перископ?; Здравствуй, мама!; Если полюбить; Родная речь 20

Наталья Божор
Стихи: **Циклы:** Неповторимый ветер; Твоим огнём;
Проза: Пушкин (Юрий Тынянов); На миг очарованьем (Евгений Баратынский); Болдинская осень (Александр Сергеевич Пушкин); Кавказский пленник (Михаил Юрьевич Лермонтов).....31

Александр Большаков
Стихи: Бродя Москвой; О поэзии; В Кисловодске; Архыз; Радуга.....42

Елена Бочина
Стихи: Новая весна; Дай Бог; Пантомима; Неутолённая жажда; Русские хлебы; Протуберанец: Киммерийское (диптих); Конфетти; АкваМариновый цвет; Лирика; Импрессия 45

Галина Гашунина
Проза: Эпизод из далёкого детства; Отсвет очень важных слов.....56

Василий Геронимус

Стихи: Яблонный звон; Сны о прошлом; «Вьюга мрачно смеётся, задиристо плачет…»; «Гораций учил попеченью о малом…»; «Ядро вдохновения огнеопасно…»; «Сколько грусти в просторах заснеженных диких полей!..»; «Обмакнувши перо золотое в глухие чернила…»; «Отзвенели в саду соловьиные трели…»; «Едет поезд во мрак осенний…»; «Здравствуй, вечный Есенин, печальник избы!..»; «Несмотря на глухую осеннюю слякоть…»; «Цепи логики рушить упрямо и храбро…»; «Несмотря на глубокий томительный ступор…»; «Как горазд крючкотвор за компьютером щёлкать…»; «Подниматься к вершинам, смеяться, сиять».....61

Вадим Гиршгорн

Проза: Выполнить долг инженера; Инквизиция; Самое большое; Наш живой язык; Маяковский и «Комсомольская правда»; Такая близкая и понятная мне Марина; Рецензенты; Об особенностях городской лексики 75

Инга Гланцева

Стихи: «Россия старая и новая…»; «Речь и речка — родные слова?..»; «Слова, родней которых нет…»; «Столько слов ненужных и пустых…»; «Смысл и звук рождают слово…»; «Прямо в сердце попала пуля…»; «Начало письма — восклицательный знак…»; «Дождь бормочет по-стариковски…»; «Кармен, мятежная душа…»; «Я б хотела быть цветами…»; «Не пожелай никому зла…»; «Война на экране. Больно и страшно…»; «Слова, что удалось найти…».....90

Ирина Ильина

Стихи: Я — там, но не успела к ужину; Богопрестольный свет; На другом берегу; «Ни конкурсы, ни парады…»; Для себя познающей души; По дорожкам, по тропинкам; Что я могу??; Примет ли?..; Ещё февраль; «Сама с собой, сама с собой…»; «Я не ищу себе учителей…»; «Я просто не верю, не верю, не верю…»; Я — поэт; «Мне проще говорить стихами…»; Писать стихи…; Люблю нанизывать на жизнь…; Я снова ухожу в стихи; Строчка; Слов беззвучных…; Поэзии счастливое крыло; Мне почему-то…; Поэзии бездонный праздник; «Молчу — стихами, думаю — стихами…»; «Стихи вплывают к нам из смуты…»; «Исконные слова не терпят камуфляжа…»; «Может, и живём мы так сурово.....98

Виктор Калинчев
Проза: и стихи: Я служил в ВДВ. Первый ночной прыжок. Воспоминание; Дорожные заметки; «Поэт стихами платит за грехи…»; «В стихах — запах «дурман-травы»…» 111

Галина Колобова
Стихи: «Я рисую странные картины…»; Бизнес и Базар; «У каждого в жизни есть свой марафон…»; «Я бегу, я бегу, я бегу…»; Я — русская; Песня; Держава; «Давай поговорим о Прозе…»; «Мне некому читать свои стихи…».....116

Людмила Колодяжная
Стихи: «Жизнь — еще порадует угрозами…»; Мне мало надо; По льну пустой страницы строку я протяну; Время любить; «Я верю неясной еще мечте…»; «Сохрани мой обрывок речи…»; «Речь звезд — пытаешься сберечь; Непривычно — речь звучит, тиха; Горечь речи смягчалась — тишины венцом; «Помогут Музы узелок связать…»; Где речь перетекала в шепот; Голос Осени; Подари свою мне речь, Тайновидец Даниил; Памяти поэта Алексея Вознесенского.....123

Татьяна Лепилина
Стихи: Художник; «Пишу портрет. Тому уподобляюсь…»; Июльский полдень; Театральное; Вода; «Мы в окно смотрели ночью на Луну…»; Робость; Кафе «Оранжевый рай»; О профессиональной лексике; Провокационное.....135

Маргарита Новикова
Стихи: Горизонт; Оживший вулкан; Стихоплетение; Предвкушение; Волшебный напиток..... 146

Борис Ольхов
Стихи: «Я стою у окна, с высоты этажей…»; «Я о Тебе не знаю ничего…»; «Запомнил навсегда я этот вечер…»; «Я хотел целовать твои губы…»; «Сегодня ночью Ты ко мне пришла…»; «Ты в летнем платье хороша…»; «Ничего на свете нету слаще…»; «У нас уже давно не средний возраст…»; «В мелькании дней, в быстротечности лет…».....150

Людмила Плиско
Проза и стихи: Исповедь; Что я люблю; Всё время бегу; Кредо; Призванье женщины; САНКТ — ПЕТЕРБУРГ. Ночной клуб-кабаре «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»; Надежда Теффи; Николаю Гумилёву; Встреча с Маяковским в Париже; Одесса. Гамбринус; Короткое слово «ПОКА!».....159

Нина Познякова
Стихи: «В моем саду улыбка розы…»; Вероника Тушнова; «Вот и октябрь, зовет Пречистенка…»; Поэтическое слово; Мольба; Сумерки.....173

Галина Поляк
Стихи: «Не претендую я на безупречность…»; «Слова. Без них общенья нет…»; «Наш русский язык, наша русская речь!..».....178

Василий Поляков
Проза и стихи: Врач Берле начинает и выигрывает; К 222-й годовщине небывало рискованного эксперимента Эдуарда Дженнера; Рецензия.....180

Людмила Саницкая
Стихи: **Цикл:** ПЕСЧИНКА-СЛОВО «Пока слагаются слова…»; «Архаика родного языка…»; Муза; Рассвет; «Как я пишу? Да так, как я пишу…»; «А всё-таки не зря прошел он, день…»; Угомон; «Боже правый, кому это нужно…»; «Почти неизбежно прискорбно…»; «Не так уж мало мне дано…»; «Мои молодые стихи…»; «Нет, никогда звучание строки…»; «Входит осень в стихи…»; «Прибежище и труд стихотворенья…»; Строка; «Песчинка-слово, спугнутое ветром…»; «Во сне ли, наяву — в словесной мгле…»; «Хочу быть деревом узорным…»; «Мы — люди Слова…»; «Волосы цвета платины…».....194

Евгений Селезнев
Стихи и проза: «Служа науке, что ещё желать…»; Сомнения; Писатель; Творец; «Мысль возможно лишь оспорить…»; «Я мыслю, значит существую…»; «Раздумье суеты не любит…»; «Произнесённые слова…»; «Читаю чаще по ночам…»; «Осенний дождь — унылый часослов…»; «Кто властелин судьбы?..»; «Любимым говорите больше слов…»; «Всё чаще слово заслоняет дело…»; «Язык, он, как известно, без костей…»; Внук; «Мир говорит на языках…».....204

Мария Скавронская

Стихи: «Сегодня вышел альманах…»; Аз и буки; «Льются поэзии строки сакральные…»; «Пруд, затянутый ряскою…»; Девясил; У истока Волги; «Чем мерить жизнь? Прожитыми годами…»; Весна на Волге; «Найди, мудрец, такое средство…»; «Мне бы опыт, мне бы этот опыт…»; «Наши годы — и опыт, и бремя…»; «Засветились Божественным светом…»; «От березки пахнет Троицей…»; Хлеб наш насущный; «Слышишь звон? Он над речкой, над лесом…».....218

Татьяна Скорикова

Стихи: В храме; Муза; из цикла «Поэтическая мозаика»; В. Набокову; На кончике пера; «Сердцу ведома строка…»; «Порой мне кажется: строка…»; из цикла стихов, посвященных Анне Ахматовой; Мысль и слово; Русский язык; Поэзия; «Стих остаётся частицей тепла…».....227

Наталия Сорокина

Стихи: Русское слово; И было слово; Цивилизации уходят; Космос вокруг нас.....239

Маргарита Соснова

Стихи: «В главной роли была не однажды, над сценой парила…»; «Пою источник жизни — страсть!..»; «Загадка: что такое «Я»?..»; «Что это значит: быть самим собой?..»; ««Куда» и «я» — предмет единый…»; «Всё те же мы, советские девчонки…»; Аристос; «Трое — внутри; Личинки; Влюбленность в Жизнь; «Мы все — творцы, материя истории…»; «Живут столетья бессловесно…»; «Словом, фразой, душу убивают…»; «От восторга и страдания — звучание…»; «Найти себя и облачиться в знаки…»; «Листу доверяя глубинное, главное…»; «Мысле-образ — дитя, одиночка…»; ««Добро» и «зло» — слова… за ними…»; «В поэте двойное чувство…»; «И пронзает всё стих, словно нож…»; «Есть волшебники, маги, строки…»; «Кто «начинает жить стихом»…»; «Люблю «ронять слова»…»; «Из бури и сомнений ты рвешься к Идеалу…»; «Муза, музыка, музыкально!..»; Музы ходят хороводом…»; «Чей дар, такое чудо — Слово?..» 242

Елена Ткачевская
Стихи и проза: «Не обижать! Не обижаться…»; «Жить — просто, если просто жить, быть рядом с лесом или садом…»; «Слова свои сбирай по крохам…»; «Я — из плоти живой, из ребра…»; «В лес иду — не гость случайный…»; «Закольцованность формы приводит к сближенью событий…»; «Очень долго не знала — кому же сказать, что пишу стихи…»; «Закрывала души проталины…»; «Этот город старинный, тихий, совсем небольшой…»; «Находит дрожь и ускоряюсь я невольно…»; «Мир, по сути, — не сложен, скорее, — прост…»; Вослед шагам стихотворения; Имперские интонации; Нескончаемый поиск слова 257

Татьяна Хатина
Стихи: У портрета Есенина; Встреча Анны и Марины; Комарово Анны Ахматовой; Тарханы; Николай Рубцов; По картине Александра Болотова «Осенний дождь»; Снег в апреле; По картине Ивана Крамского «Лунная ночь»; Осень в городе; Печали тонкая игла; Лето на даче; Колокольчик лета; Кувшинки; По картине Исаака Левитана «Вечерний звон».....275

Татьяна Чернова
Стихи: Только раз и оглянулась; Таруса (диптих); Океан; Не хозяйкою в дому — не женой; От ягоды сок; Невольница; Единственный (сны); А жизнь подобная реке; Какие загадки нас гонят по свету 285

Николай Шведов
Цикл «Саянские элегии»: Емеля; из дневника Емели; Емелин сон; ***Стихи:*** Лыжня; Второй триолет сестры; Картой краплёной играют дожди.....293

Борис Шорр
Стихи: Свой век прожил…; Дочери — семнадцатилетней; Дочери-невесте; Твой дом; Народная мудрость; Мне шестьдесят; Плетусь за прогрессом; Лет своих не считаю…; К 80-летию; Вечерняя наша любовь; Не хочу; Ты любишь меня?; Рифмы; Если б я могла говорить…; Стрела и песня (Генрих Лонгфелло — с английского); На баррикаде (Виктор Гюго — с французского); Лореляй (Генрих Гейне — с немецкого); Мои годы (Сократ Ханян — с армянского); Кемерово — март 2018; Русское слово.....299

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятый сборник ЛИТО ЦДУ РАН посвящен двум темам: МЫСОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ и КРЕДО. Такие же названия были у двух концертов Лито, прошедших в январе и мае 2018 года. Эти же темы отражены в произведениях авторов СБОРНИКА, членов Литературного объединения Центрального дома ученых.

«Мы сохраним тебя, русская речь»

Это — строка из знаменитого стихотворения Анны Ахматовой — Мужество, написанного поэтом в 1942 году, в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны.

Приведем текст стихотворения:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём —
Навеки!

О великом русском слове, о русской речи писали многие поэты и писатели.

Вспомним, что писал Михаил Ломоносов в 18 веке:

«Язык российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе.

Слово РЕЧЬ звучит и в Серебряном веке, в стихотворении Осипа Мандельштама:

«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма, За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда… Так вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима, Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

Эти строки были написаны поэтом в 1931 году, когда стихи поэта почти перестали печатать…

А тема русского Отечества ярче всего звучит в письме Пушкина к Чаадаеву в 1836 году:

«Клянусь честь, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал…»

И еще — о СЛОВЕ.

Стихами о Слове начинается Евангелие от апостола Иоанна:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

Эту мысль передает в стихотворении СЛОВО поэт Николай Гумилев. Его стихотворением Слово мы завершаем первую часть ПРЕДИСЛОВИЯ»

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому, что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что слово это Бог...»

Кредо

Часть произведений этого сборника посвящена теме КРЕДО,

Это слово означает; верую. Верую — слово многозначное. В нем есть все, что касается отношения к жизни — вера, любовь, смысл бытия, жизненное призвание, творчество.

Мы надеемся, что наши авторы — поэты и прозаики раскрывают в представленных здесь произведениях свое отношение к этим проблемам.

Но, вначале вспомним строки великих наших поэтов:

1780-е годы Гаврила Державин в стихотворении «Бог» высказала

«Я царь, я раб, я червь, я Бог…»

Великий Пушкин, вторит Державину в стихотворении «Поэту»»

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный…»

Владимир Маяковскйй в 1920 году излагает в стихотворении свое кредо, кредо поэта:

«Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!..»

А Осип Мандельштам в 1922 году говорить в стихах о своей жизненной позиции — позиции бескорыстия:

«Я все отдам за жизнь,
мне так нужна забота
и спичка серная
меня б согреть смогла…»

Такое же бескорыстие звучит в стихах Хлебникова и Цветаевой

Велимир Хлебников

«Мне мало надо!
краюшку хлеба,
да каплю молока,
да это Небо,
да эти облака…»

Марина Цветаева

Пересмотрите все мое добро,
смотрите, или я ослепла —
где золото мое, где серебро,
в моих ладонях — горстка пепла…

И это всё, что плачем и мольбой
я выпросила у счастливых,
и это — всё, что я возьму с собой
в край целований молчаливых…

В конце предисловия приведем стихотворение Владимира Набокова, которое так и называется «Кредо»

Слышишь иволгу в сердце моём шелестящем?
Голубою весной облака я люблю,
райский сахар на блюдце блестящем;
и люблю я, как льются под осень дожди,
и под пёстрыми клёнами пёструю слякоть.
Есть такие закаты, что хочется плакать,
а иному шепнёшь: подожди.

Если ветер ты любишь и ветки сырые,
Божьи звёзды и Божьих зверьков,
если видишь при сладостном слове «Россия»
только даль и дожди золотые, косые
и в колосьях лазурь васильков, —
я тебя полюблю, как люблю я могучий,
пышный шорох лесов, и закаты, и тучи,
и мохнатых цветных червяков;

полюблю я тебя оттого, что заметишь
все пылинки в луче бытия,
скажешь солнцу: спасибо, что светишь.
Вот вся вера моя.

Людмила Колодяжная, руководитель Лито ЦДУ РАН.

12 июля, 2018

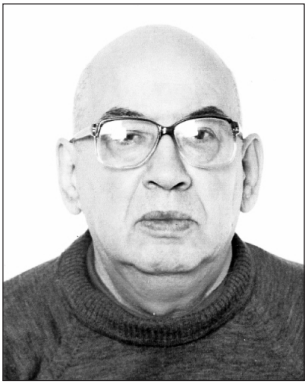
МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

И

КРЕДО

Об авторе

Сергей Буренко



Пишет литературно-историческую прозу

Творчество Наума Коржавина

Н. Коржавин (Н. Мандель) родился в1925 году. Учился в Лит. Институте. В 1947 был арестован и сослан в Сибирь. В 1956 году реабилитирован. Я знал стихи Н. Коржавина и его самого с детства. Он был знакомым (или приятелем) моего старшего брата и я присутствовал на их встречах. Его стихи я узнавал с голоса моих родных и они, мне очень близки…

Еще в мальчишеские годы,
Когда окошки бьют, крича,
Мы шли в крестовые походы
На Лебедева-Кумача…

Сейчас многие и не помнят, кто такой был Лебедев-Кумач. А это был автор текстов казенных советских песен, и он мне был всегда неприятен. Конечно, в то время я разделял взгляды своих родных — коммунистов, комсомольцев двадцатых годов.

Эволюция взглядов Н. Коржавина от полного принятия истории и идей коммунизма, до отказа от Сталина и возврата к «ленинским нормам» мне понятны, но у него это порыв, страсть, искренность, и талант.

Очень важна для него историческая тема, особенно декабристы. Вот, например, «Зависть»

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.
И какие бы взгляды вы
Не старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского…

(1944 г.)

Это трагическое ощущение малочисленности его друзей по сравнению с декабристами.

Следующее стихотворение с эпиграфом из когда-то знаменитого П. Когана, автора стихов песни «Бригантина»:

«Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал…»

Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным,
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы
И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал…

Во все периоды творчества автора стихи общественного звучания перемежались личными, особенно в молодости.

Предельно краток язык земной,
Он будет всегда таким.
С другим — это значит: то что со мной,
Но — с другим.
А я победил уже эту боль,
Ушел и махнул рукой:
С другой… Это значит: то что с тобой
Но с другой
(1945)

Встреча-случай. Мы смотрели.
День морозный улыбался,
И от солнца акварельным
Угол Кудринки казался.
Снег не падал. Солнце плыло…
Я шутил, а ты смеялась…
Будто все, что в прошлом было,
Только-только начиналось.
(1945 г.)

Через несколько лет вдруг всплывают две строчки:

В наши трудные времена
Человеку нужна жена…

Вообще у Коржавина афоризмы возникают непроизвольно. Годы проходят, а темы прежние. Вот «Вариации из Некрасова»

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд…
Но кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят.
(1960 г.)

В том же году появилось в своем роде программное стихотворение — «Инерция стиля» — о творчестве поэта:

Стиль — это мужество. В правде себе признаваться!
Все потерять, но иллюзиям не предаваться —
Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало…
Правда конца — это тоже возможность начала.
Кто осознал пораженье — того не разбили…
Самое страшное — это инерция стиля.
(1960 г.)

«Иван Калита» опять история, но как она современна!

Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл.
Но — не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.
Ты в Орде по-пластунски лазил.
И лизал из последних сил.
Покорял ты тверского князя,
Чтобы Хан тебя отличил.

(1954 г.)

Это злая сатира на советских авторов русской истории. А князья типа Ивана Калиты времен Татаро-монгольского ига похожи на полицаев, служивших немецким оккупантам в 40-х годах.

Очень трудно комментировать длинные стихотворения автора, такие как «Генерал» или «Братское кладбище в Риге». Там есть удачные строки, но… С собственно поэмами еще хуже. Поэма «Танька» о судьбе коммунистов в советское время довольно длинна и сейчас интересна немногим. Но там есть яркий рефрен:

Было б красное знамя…
Нельзя обобщать недостатки
Перед сонмом врагов
Мы не в праве от боли кричать

Люди так верили. Это время прошло? Но стихи Н. Коржавина останутся

Вообще, аудитория стихов автора относительно невелика. Но это — квалифицированная аудитория.

Об авторе

Лариса Адлина

Лариса Леонидовна Адлина — поэт, прозаик, художник, учёный, активный член литературной студии Центрального Дома Учёных РАН и постоянный участник её авторских творческих вечеров почти с начала века. Пишет стихи, рассказы, эссе и очерки. Член Союза писателей России и Союза профессиональных литераторов (московское отделение, секция прозы). Стихи и малую прозу начала писать ещё в школьные годы, была редактором школьного литературного журнала «Первые шаги». После технического ВУЗа окончила аспирантуру и Университет искусств, отделение станковой живописи и графики. Свою первую книгу оформила своими иллюстрациями.

Работала научным сотрудником в Москве и в заполярье, в ПечорНИИпроекте — канд. техн. наук. Последнее место работы — физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры физики моря.

Но это не мешало участвовать в работе литературных объединений, например студии «Московитянка» при ЦДЛ, студии «Луч» при МГУ и других.

Награждена почётной медалью «60 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954–2014» и дипломом «За верное служение отечественной литературе (2014 г.), наградным знаком «Союз писателей России» (2014), памятной медалью Союза писателей России «М. Ю. Лермонтов» и дипломом (2013 г.).

Рассказы, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в книгах «Ожидание радуги», «Детское прикосновение», в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» (том 6), в журналах, сборниках, всех литературных альманахах ЦДУ РАН и многих др.

Латинский парик

Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус.
(В. Г. Белинский)

Век новый с призраком свободы
речь нашу делает иной,
привносит *гаджетам* в угоду
смысл чуждый, странный, наносной.

Слов непонятных много стало!
Шифрованная речь вокруг
там, где и русских слов немало!
Подобный раньше был недуг —

Тогда язык французский очень
Во всех салонах был любим,
Но победил гусарский росчерк,
Когда вдруг стал необходим.

Язык английский — моды ради —
в наш говор варварски проник,
стал выглядеть, как встарь, в наряде
чужим был пудреный парик.

Не лучше было б для Отчизны
убрать крутые латинизмы —
взять за косицу парика
и снять с родного языка?!

2014-2017

Эхо поэтического слова

Стихотворного дерева веточки
в мире слов возникали ростками.
Строчки складно звучали веками
и они — древней памяти весточки.

Может первые рифмы и знания,
рек истории сложные броды,
скрыты в текстах былин? В них народы
собирали легенды, сказания…

Может голос ушедшего племени
в богатырских балладах?
В них кредо —
правый бой и в итоге победа…
Слово устное — в записи времени.

И напевность, и мудрость послания,
как в подарок ядро от ореха.
В нём из прошлого тайное эхо,
эхо в будущее, в назидание.

Кто поднял эстафету заветную
от сердец тех далёких, горячих?
Есть пророки времён настоящих —
тот, кто в рифмах находит вселенную!

Если память — есть эхо спешащее,
отражение дней и сомнений,
то поэзия —
лира стремлений!
Эхо слова над миром парящего,
слова — вечного и предстоящего!

Весна, 2017

Триолет о триолете

Таинственный мир триолета —
две рифмы, пять искомых строк.
Тройной повтор, как эхо строг —
таинственный мир триолета.
Знаток найдёт заветный слог,
Найдутся грани самоцвета…
Таинственный мир триолета —
две рифмы, пять искомых строк.

2017

Тень и солнце Аполлинера

Всё отдал я солнцу!
Всё, кроме тени моей.
(Гийом Аполлинер)

Он всё солнцу отдал, тень осталась одна
и в Париже бродил среди меркнущих звёзд.
Тень от строчек стихов шла за ним допоздна —
Он всё солнцу отдал, тень осталась одна.
Гасли в речке огни, освещавшие мост,
На заре путь поэта, казалось, был прост!
Он всё солнцу отдал, тень осталась одна
и в Париже бродил среди меркнущих звёзд.

2018

Под шелест интереснейших страниц… (Таинственный свет воспоминаний)

Свет абажура вспомнился недавно
и долгий, зимний, радостный досуг,
в лучах стол круглый — остров яркий, главный,
где собирался весь семейный круг.

Был разговор негромкий, но задорный
под шелест интереснейших страниц,
слог лёгкий разговорный, стихотворный…
Мираж далёких лет, любимых лиц.

Вверху под шёлком тёплый свет ютился,
стремился вниз, сверкая на лету,
а вне стола он сонно золотился
оранжевым оттенком в темноту.

На стенах тайные движенья томны,
дрожала от тепла тень бахромы…
Жаль только — больше ничего не помню!
Лишь знаю —
в круге света были мы!

Февраль 2015-2018

И всё же — Cogito

Cogito, ergo sum
(Декарт*)

Древнего Декарта славный ум
Подарил нам фразу непростую.
«Cogito» —
а дальше: «ergo sum» —
Мыслю — это значит существую.

Весточка веков, далёких дум.
Познаю, дышу, пишу, рисую…
Вот оно что значит: «ergo sum».
Я живу,
я в мире существую!

Эта фраза — времени ответ,
Не найти подобную, другую.
В ней намёк есть, может быть, совет
Строчку смыслом наполнять любую.

Светит ночью и в часы тоски,
«Cogito» сквозь темень неживую:
Книги и мечты,
латынь, стихи —
Мыслю —
это значит существую.

День теплом и мудростью согрет!
Лишь в моменты встречи или страсти
У любви — больших раздумий нет —
Так не просто существует счастье.

Можно жить — как эхо дум чужих,
Про Декарта никогда не слыша,
В мудрости не видя слов худых,
Просто выбираться выше, выше…

И не ведая про древний ум,
Жизнь пройти удачную, большую.

---

* *«Когито эрго сум» — Мыслю, следовательно существую (лат.) Декарт.*

Можно принимать латынь как шум,
А не мыслей рыбку золотую…

Всё же
«Cogito» и «ergo sum»
Это —
«Мыслю — значит существую».

2002-2008-2017

Человек человеком богат

Алтайская пословица

Многогранна пословица эта,
словно голос земли и набат.
«Человек человеком богат» —
возглас мудрости мира и света.

Над Алтаем крылами взмахнула,
чтобы все повторяли стократ:
человек человеком богат,
от степей и равнин до аула.

Чтобы верили в счастье простое —
посмотри, рядом друг твой и брат…
«Человек человеком богат» —
изреченье судьбы золотое.

Верность, смелость
в жару, в снегопад…
Человек человеком богат!

2017

Была, не была…

Проявится осень летом
Грибным безобидным ликом,
Обрадует ярким цветом,
В росе — пожелтевшим бликом,

Вдруг холод срывает листья,
Готовит зимы тревогу.
Петляет тропинка лисья
И трудно найти дорогу.

В истории те же лики,
О мирной Земле — тревога.
И тени грозы велики,
И к вечной зиме дорога.

Страна в этом мире молний
Могла бы смирить пучину,
Унять пересуд вороний,
Уменьшить угроз лавину.

Вопрос: «Быть, не быть?!» — не труден —
С подтекстом: «Не быть» — фатальным.
Ответ только: «Быть!
И будем!»
Была, не была!
О главном:

Желающим мир неволить,
Возможно их пыл умерить, —
Самим здесь решать и строить,
Самим в свою святость верить.

27 июня 2015

Куда летит метеорит?

Шальные гости Млечного пути
Преследуют планеты на лету.
Кометы сквозь густую темноту
К Земле случайно могут подойти.

Горячим могут снизойти дождём,
Багровый отсвет, оставляя вслед,
И будет мир нечаянно задет,
Упавшим вдруг космическим огнём.

Летит к Земле большой метеорит,
Спешит без ясной цели, наугад,
Объятий притяженья был бы рад
Он избежать и отложить визит.

Зачем, куда летит метеорит?
Он это никому не говорит…

1 июня 2017

В любой росинке искра есть

Откуда падает роса?
Она не падает, а зреет.
Чем шире света полоса
над горизонтом голубеет,
тем больше капелек взойдёт.
Тепло земли её питает,
растит, прозрачность придаёт,
и тайной влагой наполняет.

В любой росинке искра есть,
не просто мира отраженье,
запрятана живая весть —
с зарёй начало пробужденья.

Заглянет сонный луч в росу,
подарит голубую просинь.
В саду и в поле, и в лесу
струится лето плавно в осень.

2006-2017

Сонет дачный

Если сбросить тесный городской наряд
и принять чудесный облик дачный,
взор сменить на более удачный —
на лесной, садовый,
даже звёздный взгляд, —

то найдёшь грибной и ягодный парад,
словно день —
волшебный сон прозрачный,
сложишь урожай в проём чердачный —
всё, что дарит райский яблоневый сад.

Каждый год встречает легендарный цвет
яблочного яркого восхода.
Соблазняют снова тайны плода,
с Евы до Ньютона им замены нет.

Потому и важен свой цветущий сад,
Дарит он особый, сокровенный взгляд.

Июнь 2017

Зачем на даче перископ?

Зачем обычной даче перископ?
Чтоб сохранить мог тыкву, хрен, укроп
хозяин, а верней хозяйка,
которым урожай свой жалко.

Пусть в непогоду ливней череда,
поможет дома перископ всегда.
Зеркальное увидит око
и за калиткой, и далёко!

Событий за оградой — океан,
каких в глазок не видел капитан.
Соседи ходят и не знают —
за ними тайно наблюдают.

Сад с баней, огород, плодов запас
и в целом мире нет богаче нас!
Есть даже перископ на даче
для разных дел и для удачи.

2017

Здравствуй, мама!

Здесь по давней привычке, упрямо,
Слыша только вокруг тишину,
В сад входя, говорю: «Здравствуй, мама!»
И на окна с надеждой взгляну.

Повторю это: дому, калитке,
Солнцу, снегу, любому дождю,
незаметной в траве маргаритке…
И замру, и ответ подожду.

Словно голос родной мне ответит,
Встретит в ласковом нашем саду…
Но лишь отблеск в окне тихо светит
И дорожка скрипит на ходу.

Год за годом всё время упрямо
В сад входя, говорю:
«Здравствуй, мама!»

2016

Если полюбить…

Может человек
Вдруг счастливым быть
В самый грозный век —
Стоит… полюбить.

Мир весь пополам
Разделить легко:
Счастье — светлый храм,
Бури — далеко.

Сложен путь и прост
Быть наедине,
Тайны книги звёзд —
Каждому вдвойне.

Строить вновь ковчег,
Мир спасая плыть,
И обнять весь век,
Если — полюбить!

2017

Родная речь

Пыталась изучать науки,
Век новый — новая глава.
От тайн других, где краски, звуки
Загадка нежности звала
Домой, —
                там дочки подрастали.
В их детский взгляд на волшебство,
В косички будто бы вплетались:
Лес, луг, природы торжество,

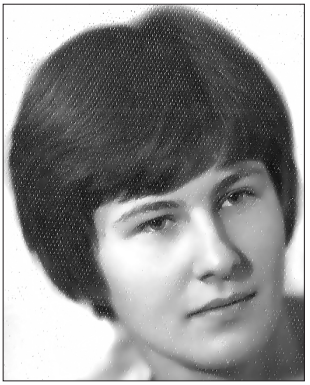
Огромный мир и разноцветье
Своей страны, её простор,
Луч солнца первый на рассвете,
Стихов волнующий узор.

Нет в жизни радостней науки, —
Детей растить, учить, беречь!
Теперь стихи напишут внуки.
На все века — родная речь.

2014

Об авторе

Наталья Юрьевна Божор родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. По специальности — филолог.
Автор поэтических книг «Стихов быстрокрылая нежность» (2007), «Звёздный остров» (2010), «Планета Грёз» (2014), «Города из ракушек» (2016), «Берег Надежды» (2017).



Наталья Божор

НЕПОВТОРИМЫЙ ВЕТЕР

* * *

Любить
Тебя
В рассветной
Тишине
И целовать
Твои
Твои
Глаза
И плечи
И уходить
В неповторимый
Ветер
Так
Дивно
И отрадно
Будет
Мне

* * *

Стихом
Жива
Любовь
Моя
К Тебе
Тем
Сумрачным
Надзвёздным
Океаном
Пьянящим
Ветром
И лесным
Дурманом
И Родником
На солнечной
Земле

* * *

Эоловы
Струны
Звездой
У реки
Рассветны
И чисты
Твои
Родники
Июньские
Ветры
Как рифмы
Легки
Эоловы
Струны
Звездой
У реки

* * *

Любовь
Даёт
Мне
Силу
Жить
Плыть
По волне
Лазурно
Осиянной
И Облаком
Рассветным
И медвяным
Тебя
Обнять
И трепетно
Любить

* * *

Декабрьским
Утром
Моё
Сердце
Пряно
И ветер
Не смолкает
У ветвей
Пишу
Страницы
Дивного
Романа
Любви
Твоей
И Верности
Моей
А Солнце
Поднимается
Румяно
Цепляясь
За макушки
Тополей
Пишу
Страницы
Дивного
Романа
Любви
Моей
И Верности
Твоей

ТВОИМ ОГНЁМ

* * *

Тот
Ветер
Вьюн
И Хмель
Приветствую
Улыбкой
Заснеженный
Апрель
Играет
Мне
На скрипке
В глазах
Твоих
Капель
Весенняя
Метель
Заснеженный
Апрель
Играет
Мне
На скрипке

* * *

Душа
Моя
Полна
Твоим
Огнём
Стихом
Рассветным
Белым
И безбрежным
Тем
Родником
Задумчивым
И снежным
И Облаком
Где будем
Мы
Вдвоём

* * *

Любовь
К Тебе
Благословенной
Болью
Тем
Колоском
Затерянным
В траве
Сентябрьским
Ветром
Обагрённым
Кровью
Стихом
Любви
В рассветной
Синеве

* * *

Так
Долго
Шли
К Тебе
Мои
Стихи
Звездой
Рассветной
Рифмы
Мотыльки
Июльским
Ветром
В Поле

У реки
Звездой
Рассветной
Рифмы
Васильки

* * *

Твой
Аромат
Проникает
В моё
Сердце
Полное
Печали

ПУШКИН
(Юрий Тынянов)

Текучий роман Юрия Тынянова «Пушкин» (1935–1943) обрывается годом смерти писателя.

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан…

Екатерину Андреевну Карамзину (Вяземскую) юный Пушкин любил той любовью, которая сродни болезни. Бывать у Карамзиных, в китайском домике, становится для Поэта утолением жажды.

Александр Сергеевич Пушкин пишет поэму «Руслан и Людмила» (1817–1820). Создавая образ Людмилы, Пушкин думает о Екатерине Карамзиной, воссоздаёт её прелесть и молодость.

На такой *благодатной* почве протекает увлечение Пушкиным трагической актрисой Екатериной Семёновой. *Пушкин смотрел и слушал без отрыва. Понимала ли великая артистка всё, что играла? Порою казалось, что она играет в чарах какого-то сна…*

Голос Семёновой вязал и чаровал. Не смысл был у слов, а власть и жизнь… Он шёл в театр, чтобы опять — в который раз? — увидеть трагедию русскую — Екатерину Семёнову, услышать её голос, без которого не было и не могло быть завтрашнего дня…

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.

Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

1815 год. Царскосельский Лицей. Лекция профессора Кошанского о достоинстве слога.

— …Слог плавный и нежный, гармонический, слог обработанный, иногда затаённый и колкий, всегда живой, слог живописный, размашистый, огневой!.. Слог шёлковый, слог бархатный… жемчужный!

Лицейское братство… Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин… Первая пушкинская публикация, стихотворение «К другу стихотворцу» (1814) опубликована в «Вестнике Европы».

В 1817 году, в Лицее, Пушкин пишет «В альбом Пущину», «Разлука» (Кюхельбекеру), «Дельвигу».

О милый друг, и мне богини песнопенья
Ещё в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел…

«Воспоминания в Царском Селе» (1814), написанные Пушкиным в Лицее, высоко оценил Г. Р. Державин.

На последнем курсе Лицея Н. М. Карамзин и П. А. Вяземский ввели Пушкина в литературное общество «Арзамас». В «Арзамасе» имена менялись на шутливые прозвища. Жуковского звали *Светлана*, Вяземского — *Асмодеем*, Батюшкова — *Ахиллом*. Дядюшка Пушкина, Василий Львович, имел ни с чем не сообразное имя *Вот*. Пушкина признали *Сверчком*.

Замечательно стихотворение Пушкина «Жуковскому» (1818):

Когда к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,

Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле…

На литературных вечерах Пушкин читал песни «Руслана и Людмилы». Когда Пушкин закончил поэму, Жуковский подарил ему свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

1820 год. Юг. По приказу императора, благодаря просьбе Карамзина, близости Карамзина к государю, Пушкин был выслан на юг, в Екатеринослав. Эпиграммы Пушкина «тем ужасны, что смешны».

…Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Руководил этой поездкой герой Отечественной войны 1812 года генерал Раевский.

Младшему брату Лёвушке Пушкин писал: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посреди семейства почтенного Раевского. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть… Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, счастливое полуденное небо, прелестный край: горы, сады, море…»

Юная Мария Раевская бежала вдоль берега моря, а Пушкин, догоняя её, целовал следы её ног...

Курчавый маг... Пушкин Легенды.

Инфанта, знай: я на любой костёр готов взойти,
Лишь только бы мне знать, что будут на меня глядеть
Твои глаза…

2018

НА МИГ ОЧАРОВАНЬЕМ

(Евгений Баратынский)

У поэта пушкинской эпохи Евгения Баратынского изумительное стихотворение «Разуверение». Написанное языком *Петрарки и любви*, «Разуверение» скорее вздох, утешение.

Евгений Баратынский — поэт печали, сумерек. Лирика Баратынского — философская лирика.

Евгения Баратынского можно назвать *очарованным странником*. «Разлука» поэта благоуханна, полна красотой и чарой.

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!..

Элегия «Весна» славит радость жизни, опережая томную грусть поэта.

При всей задумчивости, строгости поэзии Евгения Баратынского в его творчестве («Моя жизнь») сквозит дух экзотики.

…Люблю пиров весёлый шум
За полной чашей райской влаги,
Люблю забыть для сердца ум
В пылу вакхической отваги.

Евгений Баратынский верен *правде чувства*. В «Евгении Онегине» А. С. Пушкин, призывая Баратынского, написал:

…свои права
Передаю тебе с поклоном…
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

Достоверны и убедительны стихотворения Баратынского «К Кюхельбекеру», «Послание к барону Дельвигу», «Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

Стихотворение «В дни безграничных увлечений» сродни пушкинскому «Демону». «Муза» Баратынского предваряет пушкинскую «Красавицу».

С Александром Сергеевичем Пушкиным Баратынского познакомил Антон Дельвиг. Быть может, Посвящение Пушкину рождалось Баратынским на вечерах у Плетнёва и Жуковского.

НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви — для вдохновенья.

Е. А. Баратынский
1826

2018

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

(Александр Сергеевич Пушкин)

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса -
Люблю я пышное природы увяданье
В багрец и в золото одетые леса…

Волею судьбы в сентябре 1830-го Александр Сергеевич Пушкин приезжает в село Болдино Нижегородской губернии, принадлежащее его семье, и проводит здесь осень. Своему другу и издателю П. А. Плетнёву поэт писал из Болдина:

«Вообрази: степь да степь; езди верхом, сколько душе угодно, пиши, сколько вздумается — никто не помешает! Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов».

В Болдине А. С. Пушкин завершает «Евгения Онегина», работает над «Маленькими трагедиями», пишет лирические стихотворения, поэму «Домик в Коломне»… «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», написанные болдинской осенью, изданы в Санкт- Петербурге в октябре 1831 года.

Причудливый и пёстрый мир «Повестей Белкина» сродни сказкам Гофмана. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. В. Гоголя, как и в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина, вымышленный рассказчик. Возможно поэтому «Повести» затаённы, недосказанны.

Почему Сильвио выстрелил в простреленную картину? («Выстрел»); как живёт Дуня в Петербурге? («Станционный смотритель»); почему *метель* погубила Владимира и соединила Марью Гавриловну с Бурминым? («Метель»). Судьба или *Владыка Случай*?

Роман «Капитанская дочка» (1833–1836) завершён Пушкиным за несколько месяцев до гибели Поэта на дуэли. В 1834 году издан труд Пушкина «История Пугачёвского бунта» («История Пугачёва»). В «Капитанской дочке» два непримиримых класса — дворяне и крестьяне.

Встреча молодого Гринёва с *Вожатым* — пучина, на краю которой — Поэт. Заячий тулуп, пожалованный Петрушей Гринёвым Емеле Пугачёву в дороге, — тот хрупкий мостик, соединяющий дворянина и *разбойника*.

«…Ибо и дворянский сын Гринёв Пугачёва — любил, — пишет Марина Цветаева в статье «Пушкин и Пугачёв» (1937). — Любил — дворянской благодарностью, чувством не менее сильным в дворянине, чем дворянская честь. Любил сначала благодаря, а потом уже вопреки…»

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой…

Капитан Миронов, защищая Белогорскую крепость, и его жена, Василиса Егоровна, погибают от руки *самозванца*. Но Пугачёв дарует Гринёву жизнь; Пугачёв освобождает Марью Ивановну, брошенную в темницу предателем Швабриным.

Несметны дары Любви…

2018

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

(Михаил Юрьевич Лермонтов)

На волне Московского университета Михаил Юрьевич Лермонтов складывался как поэт-романтик. Романтические мотивы ощутимы в поэмах Поэта. Лермонтовская поэма — развёрнутая элегия с её напевностью, красотой и печалью.

В «Кавказском пленнике» (1828), ранней поэме М. Ю. Лермонтова, чувствуется влияние Пушкина (А. С. Пушкин «Кавказский пленник», 1820–1821), преклонение перед глыбой таланта Гения. В то же время Лермонтов испытывает влечение к романтической поэзии Байрона.

Исследователи лермонтовского творчества отмечают, что финал «Кавказского пленника» близок к поэме Байрона «Абидосская невеста». Когда я пишу о Лермонтове, ко мне приходят такие байроновские строки:

…Скорей туманом станет океан,
И в океане суша растворится,
Чем образ твой — прекрасный талисман -
В моей душе исчезнет…

..Увянуть пальма юная не может,
Её одна лишь буря уничтожит.

Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ! В поэму Лермонтова входит Кавказ, быт и нравы горцев. Вершины скал, ущелия гор, черкесская песня…

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлёвской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается…

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» написана Лермонтовым на историческом материале. «История государства Российского» Н. М. Карамзина могла быть одним из источников создания поэмы.

В «Песне…» М. Ю. Лермонтов воссоздаёт эпоху Ивана Грозного, опираясь на фольклорные традиции.

«Мцыри» (1839), как и «Демон» — вершина романтизма Лермонтова. *Огненная душа, могучий дух, исполинская натура Мцыри!* Вслушаемся в его исповедь:

«О, я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад!..
Я цель одну —
Пройти в родимую страну -
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог...»

Бой Мцыри с барсом написан по мотивам грузинской народной песни в поэме Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» (перевод К. Бальмонта).

«Демон» Поэта выдержал несколько редакций. Шестая редакция (не окончательная), 1838, подарена Лермонтовым *подруге юных дней* Вареньке Лопухиной с Посвящением: «Я кончил — и в груди невольное сомненье!»

Демон — падший ангел — один из любимых образов мировой поэзии. Д. Мильтон, А. Пушкин, А. Блок обращались к «Демону». Лермонтовский «Демон» прилетает в монастырь и смущает душу Тамары:

«…Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать…»

2018

Александр Большаков

Об авторе

Дипломант конкурса чтецов Фестиваля искусств работников образования ВАО города Москвы «Майские звёзды»; окончил экономические факультеты Московского экономико-статистического и Всесоюзного сельскохозяйственного институтов, философский факультет Университета марксизма-ленинизма. 76 лет, прадед.

Бродя Москвой

С женой мы — москвичи и нет противоречья
В том, что родились мы оба не в Москве в войну
И живы мы пока назло жестокому врагу.

Мы в городе своём часов не замечаем,
Бродя по центру и Замоскворечью.

И разговорами мы души очищаем…
И льются песней звуки русской речи
В беседах о картинах Третьяковки,

Защите языка в российской обстановке
От терминов технических и англицизмов,
От сокращений слов и прочих измов.

20 июня 2017 года

О поэзии

Господь мне дал возможность слышать СЛОВО
И я возможностью сей пользуюсь сполна.

Мне утром муза дарит вдохновенье.
Ночной порой я ей дарю себя.
О, чудо страсти, — пылкое мгновенье,
Явленье жизни из небытия!

С днём рожденья, мой друг, поздравляем тебя!
Счастья, многих удач; а года вдаль летят,
Пусть очки на носу, в серебре голова,
Но не дрогнет рука, лягут в строчки слова.

Значит мне такая участь —
Солью раны бередить,
Мозг напрячь, его измучить,
Но в стихи слова сложить!

В Кисловодске

Я сегодня не сплю — утомился в пути,
Рифмы спать не дают — как слова мне найти,
Чтобы тронули душу, заворожили чтоб?
Я слова подбираю методом проб…

Строчка к строчке ложится,
Время молча бежит.
Я приехал лечиться!
Только мозг мой не спит…

Я играю словами,
Подбираю на вкус —
Они просятся сами,
Создают мне искус…

Архыз

На перевале снег да туман.
Вниз посмотришь — не видно ни зги.
Всё, что видишь в тумане — обман,
Тут опасности только и жди.

Всё же мы посетили Архыз —
Вверх по лестнице к Лику и вниз.
Чувства свои не выскажешь вслух.
Благолепны здесь воздух и дух!

Христианские церкви алан
С девятисотых стоят годов!
Наши души попали в капкан,
Верой в Бога делиться готов.

Радуга

На Москву пролился ливень.
Мне весьма он не противен:
Он помыл листву, дорожки,
Он Москву промыл немножко.

Дождь прошёл, в моё оконце
Щедро заглянуло солнце,
А затем над всей Москвою
Встала радуга дугою,

Многоцветьем красок ярких
Засияли дуги-арки.
И я в большом волнении
Смотрю на эту радугу.

Мой разум впал в смятение,
То в печали, то в радости:
По дугам-аркам радужным
Взмывают души в небо,

Свершив дела путём земным,
Они стремятся в небыль.

Елена Бочина

Об авторе

Родилась в Москве. Основная специальность: технолог. Длительное время работала в п/я (авиамоторостроение) в испытательной лаборатории; госповерителем. Несколько лет была занята в Московском окружном военном суде. Последнее время — в ГЦКЗ «Россия».
Начала писать стихи около пяти лет назад. Принимаю участие в коллективных выступлениях. Печатаюсь в Московских альманахах.

Новая весна

Посвящается Б. Пастернаку

Дышать всей грудью и писать! С надрывом, плача!
Мгновенья вечности верстать! Не жить иначе.

Промчалась с ливнями весна, и гроз раскаты,
За то, что ширь ему тесна, гремят: Рас…
пла…
та…!

И чуют времени набат в раскатах розы.
Февраль. «Свеча» и снегопад — как в ризе, в прозе.
Но скоро съёжится зима листком измятым,
И захлестнёт проём окна дыханье мяты.
А бумазейный абажур мигал, как прежде,
И строк прерывистых ажур сулил надежду…
Но стал, отрезанный ломоть, поэт в Союзе —
Кромсать, как по живому плоть — служенье Музе.
Запретный плод в СССР роман. Во благо...
Всупор, из зарубежных стран: « Виват, Живаго!»
Мертвеет время на часах, грустнеют окна —
Судьбы лихая полоса сурьмила стёкла.

И сумрак, целясь, «на оси» навёл бинокли.
Так, кто же гениев Руси — поэтов, проклял?
В прицельном сумраке ночей змеились тени,
Тех, оскверняющих речей, с плодом презрений.
Презрений к прозе и стихам, иным, не сдобным…
О, сколь великого греха на месте лобном,
Где кредо в жилах палача: не жди пощады.
И плачет, не стыдясь, свеча по липам сада.
Но зрело в рокоте трибун: не брать награду.
И эха бешеный табун не знал преграды…
Не слышно скрипа половиц в согбенном доме,
Лишь «липы» шелест со страниц таят ладони.
Но будет новая весна! Сады воспрянут!
И аромат вдохнёт страна до дрожи! Пряный.

Он «...разбивал стихи, как сад: Всей дрожью жилок…»
И липы в них цветут «...подряд, Гуськом, в затылок.»

Дай Бог

Посвящается О.Э. Мандельштаму

«За гремучую доблесть грядущих веков…»
(О. Э. Мандельштам)

Зима. Опять царит зима.
В душе тревога и смятенье.
О, как бы не сойти с ума
В сей век великого затменья,

Где в чёрных масках фонари
До судорог в обмороженьи…
О, век, кровавее зари —
В тебе моё отображенье.

Где залпом отворился путь
В кричащий хаос и забвенье,
Эпохи обнажая суть —
Надежд великое крушенье.

Сердцебиенья не унять
От неизбывного начала,
Когда отверженная «Ять»
Спасенья тщетного искала.

Не опустил я головы,
Историю познав по лицам,
С излучиною и с прямым
Течением пытаясь слиться.

Дал Бог испить из родника
Веков живительную влагу,
И дерзновенная рука
Мой вензель втиснет на бумагу!

И сердце подержав в горсти,
В мгновенье, вспоротое бритвой,
Скажу последнее: «Прости» —
Земному, в мертвенной молитве.

И будут звёзды моросить,
Или мне это только снится?
Дай Бог истерзанной Руси
Из мглы — в сияньи возродиться!

Пантомима

Посвящается О.Э. Мандельштаму

«…Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.»
(О. Э. Мандельштам)

Бледнее мертвенного сада,
Мертвее бледного листа
Текла тягучая прохлада
По лбу, по нервам, по устам…

Она текла неумолимо
По крошеву кромешных дней,
Как затяжная пантомима.
И след туманный плыл за ней.

Зимой, в калейдоскопе мутном
Сорвётся пульс, как чаек крик,
Порывисто в сиюминутном
Земного провожая миг.

Ещё сопротивлялись думы,
Хоть близок вечности ночлег,
Но сердце, сердце — не угрюмо.
И свет гнездился на челе.

Стихали отзвуки гармоний,
И под капелью слёзной лир,
Тепло прощальное ладоней
Последний раз согреет мир.

Редела грань сопротивленья:
Руки неловкий полувзмах,
В очах налёт остеклененья,
Но прорицанье на устах:

«Что ж… торжествуй! Твоё актёрство —
Лишь, тленность. Прошлогодний снег.
А строк моих узорных вёрсты,
Да будут жить: из века в век!»

Неутолённая жажда

Средь векового океана,
Окрест родимых берегов,
Жемчужины забытых слов
Под слоем времени тумана.

Но почерпнув воды солёной,
Я верю: цель уже близка…
По горлышко хлебну песка,
А жажда вновь не утолённа.

В веков почтенные седины
Я устремляю жажды взор,
И перламутровый узор
Родной ищу в его сединах.

Ищу в прожилках перламутра
Зерно словес и корни фраз:
Времён былинный пересказ —
Дедов завет великомудрый.

Русские хлебы

Посвящается С. Есенину

«…Я скажу:
«Не надо рая, Дайте родину мою»
(С. Есенин)

Распахнул я настежь калитку
В Русь мою! В страну деревень,
Где ласкал я берёзам накидки,
Хоть в плечах — не косая сажень…

Что же сердце так ноет тревожно
За любимый берёзовый край?
Месяц, что ли печалью стреножен —
Свет безрадостно льёт по дворам…

Ветер! Шибче забей-ка крылами,
Да тоску отметель на полях!
Так глядишь, распрощавшись со снами,
Враз земля всколыхнёт зеленя.

Спой же милая, спой тальянка,
Век ты свой почти отжила…
Потому ли душа наизнанку,
Что вовеки не ведает зла?

От того ли мне больно и горько,
Что осталось лишь вспоминать,
Как, бывало, на утренней зорьке
Приголубит с улыбкою мать.

Что по росам не бегать на речку,
И в светлице, под замять, как встарь,
Не обнять пышнотелую печку —
Изб крестьянских курящий алтарь.

Зёрна слов для того отбирал я,
Чтобы русские хлебы вам печь
Из колосьев родимого края.
Слаще нет нам, чем Русская речь!

Протуберанец

Посвящается Русским поэтам

«…Писать… …навзрыд.»
(Б. Пастернак)

Певец любви! Протуберанец!
Эпохи всполох заревой!
Ярмо презревший вихрь! Повстанец!
Качнувший небо головой.

Ни от чего не зарекаясь:
Ни от удачи, ни от бед,
Сквозь толщу быта прорываясь,
Витийный простирает след.

И с лирой заручась союзом,
Покорством наслаждаясь строк,
Ценя благословенье Музы,
Творцов наследует урок.

Оракул чувств и просвещенья!
Мечтой крылатою согрет,
Сплетая грани откровенья —
Слагает времени портрет:

Рифмуя нотный стан Вселенной,
В астрал входя полушутя…
На вид — вполне обыкновенный,
Ужели он Земли дитя?

Душа над строками рыдает:
Он — совесть с головы до пят.
И, как Христос, за всех страдая,
Гоним за правду и распят.

Киммерийское (диптих)

Посвящается М. Волошину

«…Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии тёмная страна,
Заключена и преображена.»
(М. Волошин)

1.
Из тучных складок серого атласа
Ещё не слышно отголосков грома,
Ещё не видно огненного пляса
Из мастерской Волошинского дома.

Пугливых чаек жалобные крики,
В морщинах скал снискавши состраданье,
Всё глубже тонут в просоленном лике
Привычной морю жертвенною данью.

И бабочка, танцующей колдуньей,
Свивает кокон веры во спасенье:
Среди зыбей тревожных полнолунья,
В следах зарниц — небесного знаменья.

В затишье, упоительном и сладком,
Блаженный миг покоя — иллюзорен.
Земная плоть забьётся в лихорадке,
Выплёскивая сдавленное горе...

Но в море слёз угаснут созерцанья
Кипучих недр, взбунтованной стихии…
И зреет тишь. И дышит прорицаньем
Портретный лик природы Киммерии.

2.
Древнейших скал холмистые ограды
С долиной солнца на века повиты.
И нежат грёзы гроздья винограда:
Излиться соком в чашу Афродиты...

Сюжеты дней и судеб начертанья
Не канут в лету с памятью на стыке.
Сольётся время с музыкой мерцанья,
Витой узор преображая в ликах.

Конфетти

Посвящается О.Э. Мандельштаму

«И я вхожу в стеклянный лес вокзала…»
(О. Э. Мандельштам)

В день пасмурный, послеосенний,
На полустанках зыбких снов
Усталые блуждают тени
Обрывочных, бессвязных слов.

Мелькают кадры дней далёких
Преодолев тифозный бред,
Сквозь шпили вышек одиноких
В потерянный вливаясь след.

И лес смыкается стрельчатый —
Всё уже зоны небосвод:
39-й непочатым,
Я знаю, станет Новый Год.

Кому достанется утрата?
Кто ещё помнит обо мне:
О взмахе головы крылатой,
О тонких пальцев белизне…

Мой сон томительный и жаркий
Пронзает звёздная шрапнель.
Я ослеплён: навстречу — яркий,
Всепоглощающий тоннель…

Стеклянных снов вокзал типичный:
Грохочут музыкой пути…
А где-то, в запахе коричном,
Уже роятся конфетти.

АкваМариновый цвет*

По мотивам дневника Марины Цветаевой

« …Я — бренная пена морская.»
(М. Цветаева)

Смело и вольно волны взбивали
АкваМариновый цвет…
Снова Марина свой сон вспоминала,
Сон, как навязчивый бред:

* *Кристалл — сердолик, амулет М. Цветаевой.*

«Шла по тропинке: ущелья и скалы,
И ни души рядом нет.
Кверху вёл путь. И я, вдруг, узнала:
Тот, а не этот был свет…

В страшной тоске от Земли уплывала.
Меркнул редеющий след…
Прошлое жадно, но тщетно хватала
В пустоши звёзд и планет…»

Дрогнули губы: она увидала
Жизни отцветшей букет.
Тихо скатилась и каплей упала
Грусть перечёркнутых лет.

В вечности море, в огранку кристалла
Брошен любви амулет.
А бренные волны всё также взбивали
АкваМариновый цвет.

Лирика

Отклик на прочтение
книг М. Скавронской, Л. Саницкой,
И. Ильиной, Т. Скориковой

В объятиях тепла душевного,
В узорной вышивке мечты,
Я погружаюсь в мир волшебного,
В мир вдохновенной красоты.

Искрясь в оттенках благозвучия,
В искусном мастерстве стежка,
Строка тончайшая, певучая —
Струит дыханье родника…

И в ней, и в недрах междустрочия
Неугасим надежды луч,
И сохраняя полномочия,
Мне к тайному вверяет ключ.

Теплом души строка согретая
В благоговейности свята.
И лучезарна, и чиста
Мечта: высокая и светлая.

Импрессия

Наталье Божор по впечатлению
прочтения стихов книги «Берег надежды»

Трель, поцелуи ветерка,
Иль полувзмахи мотылька,
А вот капель звенит слегка —
Из чутких снов, издалека…
А может это облака
Вплывают в шорохи песка…

Разноступенчата строка.
А тень мгновенья так кратка…

Как вдохи утончённых роз
В алмазном ожерелье рос,
Иль чувственный порыв стрекоз,
Где искуситель медонос
Нектары небу превознёс —
Следы неуловимых грёз.

Увидеть чудо удалось:
Мечта с реальностью — не врозь.

Об авторе

Гашунина Галина, прозаик. Член Союза писателей XXI века. Родилась в Подмосковье. Закончила Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Автор двух книг рассказов и эссе. Публиковалась в газетах «Наш изограф», «Диалог», в альманахе «Муза».

Эпизод из далёкого детства

Как обычно, на праздник собралась вся родня. После приветствий, объятий, восторженных реплик гости и хозяева расположились за длинным, уставленным различными яствами, столом. Зазвучали тосты и веселые комментарии к ним. Всё шло своим чередом, как повелось в этом доме с момента появления в нем молодой московской семьи. Десятилетняя девочка с пронзительными тёмно-карими глазами внимательно наблюдала за тем, что происходило на противоположном конце стола. Там в окружении женщин разного возраста сидел, несколько ссутулившись, пожилой человек. Муж родной старшей сестры ее бабушки. «Дедушка Лёша»? звала она его. Большой, добрый и весёлый, он постоянно всех смешил, но сегодня его было не узнать. Поникший, он не поднимал глаз от стола. Он был так печален, что сердце девочки дрогнуло и она вдруг вспомнила, как совсем недавно ранним утром была разбужена криком в голос: «Шура! Шура!» За криком следовали рыдания и опять: «Шура! Шура!» Это за стенкой плакала и причитала бабушка. Девочка догадалась тогда, что обожаемая сестра бабушки ушла из жизни. И вот дедушка Лёша остался один.

Ко всеобщему веселью он оставался безучастен. Девочка не отрывала глаз от скорбной фигуры. За столом вдруг стало тихо.

Родные люди, смутившись, прекратили веселье. Глаза девочки сами по себе наполнились слезами.

Неожиданно кто-то негромко попросил: «Поставьте пластинку с песней Соловьева-Седого «Подмосковные вечера». Это была любимая песня дедушки Лёши. Слушая ее, он обычно всегда подпевал, и взгляд его наполнялся теплом и нежностью. Но тут произошло обратное. Дедушка еще больше загрустил и, с трудом сдерживая рыдания, сделал попытку выйти из-за стола. Но его, ласково уговаривая, удержали. Пластинку, конечно, срочно остановили. За столом завели разговоры на нейтральные темы. Ей, совсем еще ребенку, было непонятно, зачем взрослые решили прослушать песню, которая у дедушки была связана с воспоминаниями о своей любимой жене. «Ну зачем они это сделали, недоумевала она, зачем заставили его вспомнить прошлое, которое уже не вернёшь?»

Дедушку с великим трудом успокоили, а может быть, он сам взял себя в руки. Что и говорить, он всегда был сильным человеком. Праздничное настроение уже не возобновлялось. Вскоре все разъехались.

Девочка, движимая безотчетным состраданием к старому человеку, решила написать ему письмо. Никогда ранее они не переписывались, но это ее не смутило. Задушевные слова, ложась строчка за строчкой, заполняли тетрадный лист. В своем послании она сообщала старику о таких подробностях его жизни, которых сама была свидетелем, он же их помнить не мог. А это оказывается так важно увидеть вехи своей жизни глазами ребёнка. Девочка интуитивно почувствовала значимость добрых детских воспоминаний для взрослого, прожившего большую жизнь человека. Строки складывались в маленький гимн славному жизненному пути. Исписав несколько листов, девочка, не говоря никому ни слова, заклеила конверт и указав адрес, бросила письмо в почтовый ящик.

Прошло время. В череде заполненных учебой и различными событиями дней, девочка стала забывать о своем поступке.

Но пришёл очередной праздник, и все опять собрались в их доме. Дедушку было не узнать. Бодрый и улыбающийся он сразу направился к родителям девочки. Как человек, не привыкший к церемониям, он спросил у них напрямик, кто подсказал их дочери написать ему письмо? Родители опешили: «Какое письмо? Мы ничего не знаем». Девочка, смутившись, ускользнула в другую комнату. Дедушка долго ещё что-то говорил ее папе и маме, а она, замерев от страха за свой необдуманный поступок, ожидала в свой адрес упреков.

Через некоторое время ее громко позвали, и она, появившись с понурой головой, приготовилась их выслушать. Девочку радостно встретил дедушка Лёша. Он крепко обнял её, а родители молча и задумчиво глядели на свою дочь.

«Ваша девочка меня изумила, произнёс дедушка Лёша, она чувствует больше, чем многие взрослые люди. Вы только представьте себе, сама еще ребёнок? она подставила мне, опытному, много повидавшему в жизни человеку, своё детское плечо. Она пыталась помочь мне справиться с моей бедой. Меня просто потрясло её письмо». Девочка слушала это признание и не знала, как на него реагировать. Ничего необычного она в своих действиях не находила. Но главное, что ее не бранят, значит, ничего плохого она не совершила. Напоследок, благодарно взглянув на дедушку, она с лёгким сердцем отправилась по своим неотложным делам.

Признаюсь, этот эпизод из моего далёкого детства я вспомнила случайно. Определил ли он моё жизненное кредо? Не знаю. Но хочется верить, что «да».

ноябрь 2017

Отсвет очень важных слов

«Ты никогда не станешь тусклым,
Не охладеешь ни на миг.
Я кланяюсь тебе по-русски,
Язык прапрадедов моих!..»
А. Марков

«Зачем в сугроб полез, дурак ты что ли?» — кричала на Ванечку Полина, толстая и неуклюжая помощник воспитателя старшей группы детского сада. Нина Михайловна — воспитатель этой группы, болезненно переносившая любое грубое обращение с детьми, попросила ее не повышать голос на ребенка. «Ванечка,— позвала она мальчика, который отошел в сторону и надул пухлые губы, а давай, слепим с тобой снеговика?» Ваня оживился: «Как в той сказке?» — «Конечно, как в сказке» — «Морковку еще надо вместо носа»,— речь у Ванечки была не развита, как, впрочем, и у большинства детей в группе. Такого рода фразы уже можно было считать достижением в его речевых навыках. Полина знала, что воспитательница не переносит крика и одёргивания детей, мало того, она прекрасно понимала, что и более-менее связно разговаривать дети начали только благодаря влиянию Нины Михайловны. Но то ли

ревность, то ли зависть к ней, обаятельной, прекрасно сложенной и очень любящей малышей восьмидесятилетней женщине, не позволяли открыто признавать ее очевидные заслуги.

Нина Михайловна ещё в юные годы выбрала себе профессию. Отлично отучившись в педагогическом училище, она молодой и неопытной выпускницей приступила к работе в дошкольном учреждении. Всю жизнь оставаясь преданной выбранному пути, она и теперь в своем преклонном возрасте оставалась востребованной, ибо таких, как она, по твердому убеждению, заведующей детским садом, «надо было еще поискать». Заведующая считала, что в основе воспитания детей лежит ласка и доброе слово и всецело соглашалась с любимым персидским поэтом Саади, уверявшим, что «нежными словами и добротой можно на волоске даже слона вести». Мудрый руководитель, она ценила Нину Михайловну за врожденную чуткость, за способность мгновенно ощутить настроение ребенка, за то, что ей не нужны никакие методики и инструкции, чтобы понять маленького человека и найти к нему подход.

Ребята из группы Нины Михайловны каждое утро бегом бежали в садик и, завидев свою воспитательницу, не успев скинуть курточки, кидались обнимать ее и наперебой что-то рассказывать. Родители их в большинстве своем представляли поколение людей, выросших у экранов телевизоров и компьютеров, и детей своих они воспитывали удаленно, предпочитая личному общению воздействие мультиков, познавательных фильмов, прибегали, порой, к помощи малограмотных нянь, приехавших из бывших союзных республик в Москву на заработки.

Нина Михайловна всячески старалась восполнить дефицит внимания у детей, помногу и подолгу с ними разговаривая, находя с каждым общий язык, при этом одного обнимая, другого держа за руку. С лукавинкой в глазах она спрашивала у ребятишек: «Кто знает, кому сегодня улыбается солнышко?» Малыши терялись в догадках, и каждому хотелось, чтобы оно улыбалось именно ему. Но для этого нужно было стать в чём-то лучшим, например, аккуратнее и быстрее всех убрать за собой игрушки.

Дома ребята рассказывали мамам и папам, почему воробьишке не нужны зимой сапожки, а утята никогда не намокают в воде. Воспитательница раскрывала детям тайны природы, а дети, в свою очередь, посвящали в эти тайны своих родителей.

Однажды, усаживая детей за накрытые к обеду столы, Нина Михайловна начала вслух декламировать Пушкина: «Во глубине

сибирских руд храните гордое терпенье: не пропадет ваш скорбный труд…» Детсадовцы слушали ее, открыв рты, а Полина, помрачнев (она не знала Пушкина), заявила: «Нина Михайловна! К чему это Вы про какой-то скорбный труд? Это Вы на меня намекаете?» Воспитательница поспешила успокоить свою помощницу и заодно восполнить пробелы в ее образовании, вкратце рассказав о «Солнце русской поэзии» и о том, кому посвящено стихотворение. «Ну и что, не унималась Полина, детям-то зачем это слушать? Рано им еще». «А знаешь, Александр Сергеевич примерно в их возрасте начал сочинять. Вдруг и мы с тобой гения воспитаем? Пусть слушают. Что-то у них в памяти да останется». «Сегодня, мои маленькие декламаторы, — обратилась она к детям, — после дневного сна мы познакомимся со стихами Агнии Барто и будем учить их наизусть». Полина покосилась на воспитательницу. И за что дети ее так любят? И заведующая в ней души не чает. Восемьдесят лет, пора уж и на покой. Так нет же ходит тут и поучает всех. И невдомек было бедной Полине, что сердце золотое у Нины Михайловны и потому позолотой покрыты все ее поступки и слова.

Однажды Нина Михайловна заболела. Помощнице пришлось работать одной. Самое сложное было уложить детей после обеда спать. Дети никак не хотели успокаиваться. Не помогали ни окрики, ни угрозы наказания. Полина очень злилась на то, что одна справиться никак не может, что вынуждена просить помощи у заведующей. Когда в присутствии руководителя в спальне воцарилась тишина, помощница не выдержала и спросила: «Почему у воспитательницы получается все легко и просто: и накормить детей, и спать уложить?» Заведующая улыбнулась: «Полина, а ты когда-нибудь видела, как Нина Михайловна укладывает детей? Послушные детки наперегонки бегут к кроваткам и, быстро раздевшись, тихо лежат, только бы воспитательница отметила и похвалила их, озорные же долго ворочаются, шумят, нарочно обращают на себя внимание, а каждый втайне ждёт, чтобы к нему подошли и легонько, будто перышком, провели тыльной стороной ладони по щеке так, как это умеет делать только Нина Михайловна. Ласка им нужна, Полина, а не окрики».

Помощница призадумалась. А заведующая ушла в свой кабинет с невесёлой мыслью о том, что при всем старании Полины, не станет её сердце золотым и не узнает она никогда, как от слов, рожденных таким сердцем, замирают дети, как они внимают им и как отсвет этих очень важных слов способен озарить их будущую взрослую жизнь.

Февраль 2018

Об авторе

Поэт, канд. филол. наук, член Российского Союза профессиональных литераторов (РСПЛ), ст. научн. сотр. ГИЛМЗ (Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина).

Василий Геронимус

Яблонный звон

Памяти Ахмадулиной

Пролетело мальчишеской былью цветистое лето,
в необъятном заснеженном парке считалка забыта…
Наступает предзимье. И щедрое сердце поэта
очистительной боли колючей вселенной открыто.

Наподобие бездны немой проводов оголённых
растопырены в хаос светил обнажённые нервы.
В недоступной страстям вышине хмуро шепчутся клёны;
смерть устала считать, кто уходит последний, кто первый.

В возрастающей в пажити прошлого лиственной дрожи
понемногу слабеет упругой земли притяженье.
В обветшалом плаще истончённою чувствую кожей
как упорные иглы ежа холодов приближенье.

Всё прозрачней становится воздух в испытанных лёгких,
в помертвелом саду не видать ни души ни единой.
Только голос мучительно близкий и страшно далёкий
временами проходит сквозь изгородь хвои рутинной.

Крепнет лёд. Как же пусто в подлунном причудливом мире,
где разлита кленовая горечь, и Беллы не стало…
Поглядите же, люди: всё невероятней и шире
с грустной ясностью крылья в сиянье зима распластала.

Сны о прошлом

«Пора забыть верблюжий этот гам…»
(А.Ахматова)

Я утомлён рутинностью столицы,
пора забыть машинный этот гам…
Зовёт бесстрашно Пушкин смуглолицый
прислушиваться к вечности шагам.

Оставить мир. На семь замков закрыться,
железом к смерти привязи круша.
Ах, нет!.. в траву поэзии зарыться
и прослезиться, как велит душа.

Сомлеть; не жить, не чувствовать, не видеть,
упиться тишиной библиотек,
где царствуют Гораций и Овидий;
уйти, уйти в давно протекший век!

Масштабами светил Невтону равен
и взглядом на Горация похож,
из пропасти времён встаёт Державин,
собрат екатерининских вельмож.

Державина усадьбе имя — Званка;
там наш поэт улиткой обитал.
Отшельника державная осанка
сразит старенья сумрачный металл.

Вот Батюшков изящно-домовитый,
насельник словаря укромных лун,
невянущими розами увитый
изнеженный ленивец и шалун.

И пушкинские резвые чернила
мощнее маеты могильных плит…
Их дерзкая таинственная сила
мне в жилах кровь невольно веселит.

Пушистый Пушкин как никто смеяться
бывал на удивление охоч.
В предвечных сферах вымыслы роятся,
созвучные душе его точь-в-точь.

И пусть меня стараются уверить,
что стихотворства эра истекла,
древнейшая волшебных звуков ересь
новей дождём омытого стекла.

Неважно, что часов чугунный скрежет
сопутствует судьбе великих книг.
Хранит извечно утреннюю свежесть
поэзии причудливый цветник.

Так пусть меня клянут за угловатость;
а разве мир ничуть не угловат?..
Я чувствую безудержную радость
входя в язык, как время входит в сад.

* * *

«И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты не холоден и не горяч; о, если б ты был холоден или горяч!
Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.»

(Апокалипсис, 3; 14-16)

Вьюга мрачно смеётся, задиристо плачет,
точно Скрябина вверена ей партитура.
И на ртутном столбе привередливо скачет,
побуждая нас ёжиться температура.

То всё скроется в синий томительный морок,
рой снежинок в лучах фонарей пролетает,
и стрела замерзанья взмывает под сорок;
то утихнет метель и предсердье подтает.

Да, вот это по-нашему, это по-царски!
да, вот это, друзья мои, я понимаю!..
Бег из зноя июня в упадок январский,
взлёт из колкого марта к зелёному маю.

Ветер дует на мир, как всегда, ниоткуда.
Люди! кто его знает, метущийся ветер?
Широка колебаний шальных амплитуда
от прогулки к бурану до грусти о лете.

Правомочен огонь и зиждительна льдина —
— Плохо быть не холодным, но и не горячим,
как бревно, цепенея, кому всё едино,
как вода, прозябая в болоте стоячем.

Нужно жить, как, шутя, божество повелело;
перепады свободны взрывных настроений!..
Только быть успокоенным — дряблое дело,
что низводит творцов до тепличных растений.

Был вчера поиск нормы окрашен зелёным,
нынче змейкой гористою стелется иней.
Немигающим взглядом, зрачком исступлённым
я смотрю, обмирая, на градусник синий.

* * *

Гораций учил попеченью о малом,
советовал вдуматься в холод деталей.
Но рыжее солнце последним накалом
ревнителю малого вторит едва ли.

Да, знают порой и светила усталость,
склоняются тихо к закату — а всё же
той силой, что в осень от зноя осталась,
карябают душу до лиственной дрожи.

Не знает она золотой середины
меж нот столбняком и взбешённою кровью.
Шквал — то замирает подобием льдины,
то камни равнин согревает любовью.

Друзья! и у Пушкина в мерности меди
томительным отзвуком слышится: море.
Мороз и огонь — по уезду соседи,
есть в бешенстве их благородная горечь.

Спокойствие, данное взгляду снаружи,
приходит, врачуя горячие недра,
из гибельных крайностей зноя и стужи,
из памятных черт славянина и негра.

Не стоит бояться дыхания вьюги;
что красочней осени шалой пожара?
И в северной грусти, и в сладостном юге
легко обитают два жизненных дара.

* * *

Ядро вдохновения огнеопасно;
чуть только душа устремится в высоты,
механика жизни свирепо и властно
низводит летунью в немые пустоты.

Но даже такой отрицательный опыт
для личности праздной по-своему ценен;
коварней ворья лабиринты чащобы,
но эврики новой залог неизменен.

Почётные доски больших достижений
как правило носят холодный характер.
Не слаще ли в трепетной грусти осенней
копаться на свалках далёких галактик?

Пусть даже круги сумасшедших исканий
не могут ускоренно дать результаты,
лесной старины, полевой глухомани
зовут меня светлые координаты.

Пусть даже земля от заботы ослепла,
для вечности исподволь надо трудиться,
и звонкая сила глагола из пепла
в мир Фениксом-птицей тепло возродится.

* * *

Сколько грусти в просторах заснеженных диких полей!
Обессилев от ямин, вконец ошалев от мороза,
я беде вопреки, беззаботный смешной дуралей,
от докучливых дел ухожу к светоносным берёзам.

Не беда, о друзья, что о них многократно писали,
в жарких жилах бежит обновлённая свежая кровь.
Испещрённые тонко ложбинами хилые дали
каждый раз по-иному душе открываются вновь.

Я глотаю стремглав километров сухой алкоголь;
в нежных пажитях ломкой души зреет тихое слово,
и уже сферу чувства заполнила ясная боль,
точно к резкому току подвёл меня гибельный провод.

Чтоб с тобой обо всём предварительно договориться,
я в древесную глушь телефонный несу аппарат.
В беспорядке извилин со мною такое творится! —
а глубокой и жизненной встряске я всё-таки рад.

Хоть твой голос увяз далеко в посторонних шумах,
несмотря на больших расстояний сплошные издержки,
я с твоей стороны в лабиринте, чьё имя зима,
получаю изрядную дозу моральной поддержки.

И не надо, не надо каких-то иных иллюстраций
кроме грустного рокота празднично белых берёз
и в беседе горячей настойчивых сердца вибраций
вперемешку с потоками сильными радостных слёз.

* * *

Обмакнувши перо золотое в глухие чернила,
сопрягаю глаголов дощечки рядком по старинке;
но не я выступаю, а осень меня осенила,
протомила сиянием с привкусом лёгкой грустинки.

Окунуться в прозрачный целительный холод деталей
я хотел бы, устав по инстанциям плоским метаться.
Свет укромный любил обитатель далёкой Италии,
умеряя времён колесо, педантичный Гораций.

Не искать популярности в мире и шумных оваций,
взглядом трезвым промерить отрезок судьбины,
что прожит.
И его подытожить. Наружных пустых аттестаций
шёпот сердца, приближенный к шороху клёнов, дороже.

Стоит вникнуть старательно в тонкости листьев кленовых,
испещрённых пронзительно множеством лёгких прожилок,
и уже потрясая огромного мира основы,
на душе пробуждается творчества смелая сила.

Вслед живым прихотливым осенних доброт переливам
я в стихийности резвых чернил то классически сдержан,
то, напротив, упругой горячности нервного срыва,
ум Горация резко презрев, неизбывно подвержен.

Обращаясь к тому, что не прочно, не жизнеспособно,
избирая друзьями кустарник седой и мох тощий,
я обязан вглядеться во всякую мелочь подробно,
отмечая неровности почвы цепочкой отточий.

Ах, скорей объясните мне, что на земле непреложно!
я над верной строкой продолжаю настойчиво биться.
Жизнь, конечно, отнюдь не надёжная штука. Но можно
вчуже счастья достичь, если правильно к ней относиться.

* * *

Отзвенели в саду соловьиные трели
сумасбродным каскадом весёлого мая.
И томительный треск лихорадочной дрели
донимает обои, мне душу измаяв.

Отдаётся в ушах удивительно долго,
кубатуру до резкости верную строя.
И крепчает как чувство служебного долга,
как янтарно-сухая имперская хвоя.

В инструктаже немало весомого толку,
только я не пойму, по-мальчишески глупый,
как удобно приладить на плоскости полку,
где разумно ввернуть для порядка шурупы.

Но заметны в контрасте с парадной скучищей,
проявляясь прозрачней пустой стеклотары
и надменно упрямой законности чище,
до истерики ясные сердца удары.

Не сочтите меня за хрипатого психа,
хоть я странным кажусь. Но на самом-то деле
в сердце, малой взрывчатке, что действует тихо,
больше силы невидимой, нежели в дрели.

Так, волна, в разрушенье доходит до края,
душу пеной обдав потрясающе белой.
Дорогие мои!.. лишь всерьёз умирая,
можно в жизни хоть что-то прекрасное сделать.

* * *

Едет поезд во мрак осенний,
между сосен мелькают дачи.
От поверхностных наслоений
очищаться в сердечном плаче.

Прав Есенин: мы в мире тленны,
в скучном блеске мы лишь туристы.
И мешает шум современный
постиженью извечных истин.

Но поток очищая крови,
от рутины берёзы лечат.
Начинается Подмосковье,
и становится сердцу легче.

От мертвящего пресса прессы
километры гурьбой спасают.
Я расхожие интересы
утомлённой душой не знаю.

С кем я — с теми вот или с теми?
сколько всюду живёт двуногих!
Я общаться готов со всеми,
выбирая совсем немногих.

В кулуарах больших компаний
без предвзятостей понимают
подражанье пожару — манию
беспокойных моих исканий.

Сохранив друзей телефоны,
я от фона всласть отрешаюсь.
В тишине отдалённой зоны
на берёзах я помешаюсь.

Не грущу об истекшем лете,
всё не вечно в театре мира.
Ускользаю в глухие нети
от блестящих пустых кумиров.

* * *

Здравствуй, вечный Есенин, печальник избы!
я в янтарную осень берёзами болен.
Километров тоску нипочём не избыть,
заблуждений души не залить алкоголем.

Мне устало твердят: *мол, кончай психовать!*
над неровным и диким нормальный смеётся.
Но куда мне тревожное сердце девать?
Дорогие, послушайте, как оно бьётся.

Я забуду премудрость увесистых книг,
до ушиба охваченный светлым психозом.
Прихотливый Есенин, ты мой проводник
в изначальное синее к тонким берёзам.

Рвутся к небу берёзы в понурые дни,
доходя мощью рвения до фанатизма.
Я строением нервов горяч, как они,
как они, сотрясаю основы вещизма.

Не сдержать прихотливую силу огня
в кровеносных сосудах — прозрачных и тощих.
Потому меня всё-таки трудно понять,
хоть умильных берёз — что яснее и проще?

Ощущая их белый томительный свет,
я готов до беспамятства биться в припадке.
Угловатый, как ёж, я и в холоде лет
всё равно не могу научиться быть гладким.

Мне устало твердят: *мол, кончай психовать!*
над неровным и диким нормальный смеётся.
Но куда мне тревожное сердце девать?
Дорогие, послушайте, как оно бьётся.

* * *

«Несмотря на глухую осеннюю слякоть,
укрепляют дороги всё лучше и лучше»,
— продолжая в эфире проворно калякать,
сообщает по радио бойкий ведущий.

Этот малый отчётливо словоохотлив,
доходя силой доводов до идиотства,
сообщает со смаком в эфир анекдот ли,
говорит ли о способах собаководства.

Но души моей мертвенной не растревожит
и смотреть не заставит на вещи иначе,
не растрогает нервы до лиственной дрожи
массовик, в актуальной блестя передаче.

А иной будет просто потерянно мекать,
плоской логики доски спеша отфутболить,
но проймёт мощью слова всего человека
до рябиновой ряби, до внутренней боли.

Почему убедителен косноязычный?
Если честно, родные, узнать, разобраться,
проявляя упрямство в нелепице зычной
он умеет до сердца порой достучаться.

Много ль проку, скажите-ка, в лоске наружном
и в томительно ярком потоке явлений?
А усталому сердцу немногое нужно:
только клёнов багрец, только иней осенний.

* * *

Цепи логики рушить упрямо и храбро,
устремляться туда, где раскованно дышится,
и берёз своевольная абракадабра
твердокаменных доводов разума выше.

Нет, надменный рассудок отнюдь не всесилен;
сверх основ поучительной алгебры ветхих,
вырастая узорочьем тонких извилин,
серебристая роща раскинула ветки.

Пусть верёвками схем и опутаны все мы;
сквозь слепые препятствия к свету пробиться,
опровергнуть пустые наружные схемы,
в светоносную ересь берёз углубиться.

Между крохотным мной и огромной вселенной
неизменно протянуты лёгкие нити.
Ткань осенних берёз тишиной сокровенной
бестолковое сердце поэта магнитит.

* * *

Несмотря на глубокий томительный ступор,
молодея душой в ветровое ненастье,
я истошно кричу в запрокинутый рупор:
«Не в житейских устоях скрывается счастье!».

Даже если живёте вы в чёткой высотке
под филёнчатой крышей в насиженной нише,
надо сердцем упорным карабкаться всё-таки
ну, хотя бы ещё пусть на толику выше,

ибо уровень лоджий, построенный, ровный,
соразмерен разрезом надёжному дому,
а взметнувшихся чувств ареал полнокровный
тяготеет разрезом, напротив, к излому.

Ветру вслед в очумелую тьму завывая,
силюсь только сказать: — Дорогие, поверьте,
надо только любить, про дела забывая,
до потери сознанья и даже до смерти!

Знаю, только любовь, ошалев, не истлеет
в заповедных высотах и в светлых глубинах.
Потому так нарядно и рьяно алеет
в безнадёжную осень тугая рябина.

* * *

Как горазд крючкотвор за компьютером щёлкать
и по клавиатуре стучать деловито!
Соловей тоже рад разливаться и щёлкать,
хоть не выучил даже начал алфавита.

Соловей, надрываясь, по рощам щебечет,
это тоже, родимые, необходимо,
потому что стихом на язык человечий
несуразица дивная переводима.

Сладко тренькая, душу до дна растревожить
— это тоже по сути широкий поступок,
что ума достижений безмерно дороже,
а казалось бы, так — беспредельная глупость.

Не посетуйте, милые, трелью унылой
неземная тревога меня охватила;
животворным отчаяньем с песенной силой
не сравнится ума горделивая сила!

Оркестровая яма зелёного мая
суетливого хора для сердца живее;
потому торжествуя, дразнясь и играя
в водопьяном саду соловей соловеет.

* * *

Подниматься к вершинам, смеяться, сиять,
от стены сушняка жизни путь расчищая.
Мерный пламень любви посильней обстоятельств,
сердце сладостной горечью обогащая.

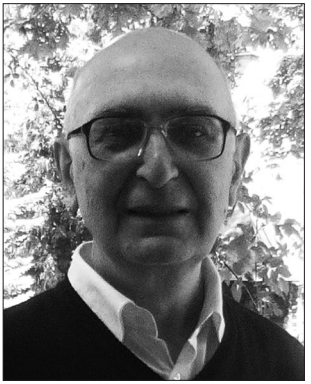
Вот бы в шахматы с самою смертью играя,
вместе с Пушкиным взвиться над пропастью тёмной
и в незримой работе бессменно сгорая,
подружиться беспечно с таинственной домной!

Истончёнными жилами жизнь принимая,
я приветствую светлое самосожженье.
Так, в разгаре отчаянном синего мая
не стереть резких росчерков синей сирени.

Одолеть силой творчества холод могилы —
— вот чему надлежит обязательно сбыться.
А смеяться, страдать и скандалить вполсилы —
— в этом попросту нет ни малейшего смысла.

Об авторе

Гиршгорн Вадим Моисеевич, канд. техн. наук, работал вед. науч. сотр. во ВНИИ полимерных волокон, специалист в области мембранной технологии.



КРЕДО

ВЫПОЛНИТЬ ДОЛГ ИНЖЕНЕРА (Моё кредо)

Смолоду моей жизненной целью стало принадлежать к сообществу инженеров. В какой момент я осознал это желание? Может, когда малышом со двора прибегал в административное здание, в кабинет отца, главного инженера шёлкоткацкого комбината? А потом вместо того, чтобы идти домой по недосмотру взрослых (в четырёхлетнем возрасте) норовил улизнуть в текстильные цеха, где разгуливал среди бешено вращающихся веретён и грохочущих текстильных станков? Может, когда старшеклассником проходил практику на электроламповом заводе и нам давали знания много большие, чем в институтском курсе физики? Нет! Наверно, когда отец как-то сказал в разговоре: «И не важно сколько заплатят, главное — дело сделать!» Лет через 30, услышав от меня эту фразу, её запомнил и стал повторять мой сын.

Склонность, тяга к инженерным познаниям приходит и другим путём: от старших ступеней рода. Мой дед по материнской линии был инженером-самоучкой. Работая чертёжником, живя очень скромно, он скопил с зарплаты денег и открыл своё чугунно-литейное дело: изготовлял чугунные ограды, перила, фигурные карнизы для домов. Заказы принимали, используя редкий в первые годы 20 века телефон. Профессиональное занятие близких мне людей техникой и технологическим производством стало и моей потребностью.

В нашу эпоху нужно потрудиться, чтобы тебе было присвоено звание инженера; его не просто достигнуть, но и отобрать нельзя, оно всегда будет с тобой. Инженеры России — один из самых образованных, квалифицированных слоёв общества. На их плечах лежит забота о должном уровне технической оснащённости нашей страны.

Инженерное сообщество мало заметно, воспринимается неброско: оно не имеет своей профессиональной клятвы как врачи, не может похвастаться высокими окладами как банковская сфера и сфера торговли. Кстати, о зарплате инженерного персонала в советские времена ходил анекдот. На ночной улице грабители останавливают человека, но узнав, что он сменный инженер, уголовники проникаются сочувствием: «Вася, у человека несчастье, он инженер, отпусти и дай десятку на дорогу!»

Однако, если говорить серьёзно, о подлинно высокой ценности для государства инженерного статуса свидетельствует хотя бы тот факт, что в годы Советской власти Председателем Совета Министров становились люди только с техническим, инженерным образованием.

Самыми счастливыми для меня стали годы, когда я почувствовал, что в полной мере овладел своей профессией, профессией инженера-химика. Мы разрабатывали новое оборудование, модернизировали заводы, создали производство, которое было только у нас и в Америке. Для меня не было лучше похвалы, когда те, кто работал со мной говорили: «Вадим — грамотный химик». Выше оценки мне и не надо.

Я пишу эти строки, а в мыслях возникают мои коллеги. Люди как бы выступают из тумана прожитых лет и собираются в моей комнате. Кто-то присутствует только улыбкой, кто-то здоровается и бодрым, зычным голосом задаёт актуальные вопросы, кто-то говорит, поражая слушающих новыми мыслями, оригинальными суждениями, кто-то звонит по телефону, интересуясь положением на местах, кто-то подходит ко мне и в трудную минуту выражает солидарность, уверяет: всё обойдётся, образуется, кто-то отстаивает свою принципиальную позицию, едет на работу больной с таблеткой под языком. В каждом из них узнаю инженерную косточку!

В какой-то момент они объединяются в одного стоящего передо мной человека. Он протягивает мне руку, и я пожимаю её: «Спасибо за товарищество, за дружбу! Мы всегда будем вместе! Мы работали и работаем на страну, мы выполняли и выполняем свой долг, НАШ долг российских инженеров!»

Декабрь 2017 г

ИНКВИЗИЦИЯ (БЕЗ ВОЙНЫ ВОЙНА ИДЁТ)

Джакомо Белуччи был рожден во времена, когда европейский ренесанс существовал в обществе рядом с церковной инквизицией. Джакомо с детства мечтал о своей будущей профессии. Ему нравилась власть над людьми, это чувство было если не с колыбели, то стояло рядом с ней. Полнота власти для него измерялась способами возможного уничтожения жертвы, на которую охотятся. С такими наклонностями можно успешно реализовать себя в криминальном мире, но юноша был неглуп и понимал, что есть легальные ниши общества, где ему найдётся тёплое местечко. «На дворе 16 век, — рассуждал молодой Джакомо, — если вершиной карьеры будет должность офицера городской стражи или начальника тюрьмы, то максимальное наказание для «подопечного» — перекладина и верёвка. А вот если стать одним из инквизиторов Ордена Иезуитов и дослужиться до звания главного иезуита провинции, то там для еретиков частенько колесование, а то и костёр». Это будило садистское воображение, и от возбуждения он начинал сопеть.

«Есть объективная необходимость, — рассуждал Джакомо, — ограждать власть Папы Римского от британской монархии и европейских буржуа, затеявших англиканскую и лютеранскую церкви, защищать её от сепаратистской ереси гугенотов. Конечно, это исторические обстоятельства, которые остаются фоном, и акции инквизиции нуждаются в наполнении конкретными делами». Надо сказать, что у Джакомо и его единомышленников всегда было своё понимание момента и конкретики, а общие лозунги им не мешали, только помогали.

Вот и теперь сорокалетний инквизитор, иезуит провинции Джакомо расположился в своём кабинете и решал судьбу сидевшего в застенке Арсения N. Арестованный обвинялся в колдовстве: он по просьбе крестьян провинции вызвал дождь на страдавшие от засухи поля. На допросе Арсений показал, что перед тем как пошёл дождь он несколько раз читал молитвы дома перед распятием. Даже библейский Пилат не нашёл бы вины Арсения, но иезуит бубнил: «Врёт, собака, наверняка, читал в полночь заговоры над колдовским зельем или над мёртвыми мышами! Отсюда и дела его бесовские!» Особое раздражение вызывало то, что крестьяне в благодарность за спасённый урожай привезли Арсению

мешок муки, а если бы землепашцы обратились в монастырь, мука досталась бы монахам. Правда, в силу молитвы здешней братии сам Джакомо не верил: все они обжоры и пьяницы. Он знал только одного благоверного монаха из другой провинции, которому Бог помогал вызвать дождь. Тем более он, Джакомо, не мог допустить, чтобы такое чудо случилось стараниями мирского человека Арсения! «Да и не из местных этот тип: какой он генуэзец, — накачивал себя Джакомо, — так, переселенец во втором поколении с юга, из Сардинии».

Заочное заседание суда было недолгим. Подручный Джакомо, брат Бартоломео, по хмурому лицу инквизитора провинции сразу понял, что надо вести себя решительно и запросил в качестве наказания для злостного колдуна сожжение на костре. Прибавил от себя наугад, что Арсений давно находился у него под подозрением. Послав Арсения на костёр, инквизитор провинции, в его понимании, укреплял могущество католичества. К тому же это согревало мысль председателя суда о продвижении по карьерной лестнице, напоминало начальству Джакомо, генералу иезуитов, о ревностном исполнении подчиненным служебного долга.

Единственно чего можно было опасаться инквизитору так это того, что в родне Арсения обнаружится какой-нибудь крупный чиновник. Это был бы конфуз, а, возможно, и последующая месть; и такого нельзя было допустить. (Тогда с извинениями инквизитор вынес бы оправдательный приговор и свёл бы всё к библейской притче, в которой верующий не общался с апостолами, «не ходил с ними», но принимал веру Христову. Такой человек в глазах священников безвинен. Подсознательно Джакомо понимал, что так оно и есть в отношениях Арсения и Церкви, но не желал этого замечать). Однако иезуит провинции был опытным интриганом и заранее через лазутчиков разузнал о родне и родословной Арсения. В ней были мастеровитые, а встречалось и образованные по тому времени люди, но без особых связей наверху. Всё это подтверждало безопасность и безнаказанность бесчеловечного деяния.

Джакомо потянулся за гусиным пером и написал записку начальнику специальной команды готовить на площади перед тюрьмой место для сожжения злостного колдуна. Отдал распоряжение священнику об утренней исповеди перед казнью. А сам направился в камеру «преступника» (он не мог отказать себе в этом удовольствии) зачитать краткий приговор Арсению. По дороге надо

было проверить достаточно ли сухие подобрали дрова — небрежностью можно было испортить щекочущее нервы зрелище.

«Прощай Арсений, — произносил тайный монолог Джакомо, проживая сладкие мгновения, — как наивен ты был, творя добро своим соотечественникам. Ты полагал Власть, будет ценить это? Теперь мы, Орден иезуитов, позаботимся о тебе, и Арсению не придётся вершить свою судьбу, проживать данную Богом жизнь. Всё решиться на потребу нуждам Ордена, а будет выглядеть логически целесообразно, как защита церкви. Джакомо позаботится, Арсений, и о тебе, и о власть предержащих.

Ты думал духовно помогать людям, не получив лицензию от Власти, но духовную помощь имеет право оказывать только Власть и её уполномоченные, а не ты, человек из народа. Иначе с чем, с каким подарком Власти прийти к людям? С мудростью, что народ талантлив и может всё? Маловато, да и требует тонкости в общении. Зачем официозу конкуренция в лице каких-то народных героев?

Может, Власть и могла бы стать лучше, — продолжал откровенничать наедине с собой инквизитор, — и могла бы привечать даровитых «первопроходцев», этих наивняков, помешанных на бескорыстном служении людям. Но только тогда как же вовлекать во Власть нашего брата, инквизитора, любящего с измальства пускать кровь: издеваться над ослабевшим товарищем, мучить животных, подпускать ради праведного дела мракобесие — ведь эти чистюли нас бы изобличили? Поэтому их надо опережать, надо действовать быстрее — в вальдшнепа стреляют на взлёте! Кто ж нас остановит? Нет, Джакомо и его друзьям связь с народом не нужна: заткнём народных молитвенников и самородков за пояс, поименовав их ведьмами и ведьмаками. Конечно, это разрушает государство, гневит Бога, но лет на 50–100 до очередного потрясения сладкой властной жизни хватает, а больше Джакомо и не надо. Так что слушай приговор, Арсений!» — Инквизитор лязгнул запором темницы: «Именем папы римского Иннокентия X. Подлежит сожжению…»

Июнь — июль 2017 г.

САМОЕ БОЛЬШОЕ (История с продолжением)

Когда моему сыну было лет десять, мы часто гуляли по Измайловскому парку, и однажды я предложил ему то ли игру, то ли задачку, то ли развлечение: найти самое большое дерево в парке (а он не маленький, крупнейший в Европе). Я и сейчас, вспоминая свою инициативу, доволен ею. Во-первых, мы делали рулеткой замеры обхвата деревьев — это прививало ребёнку навык количественных оценок. Во-вторых, сын вёл записи, и это приучало к сюжетам с длительным мотивом. (До сих пор у меня перед глазами таблица на две страницы, заполненная неровным детским почерком: номер дерева, где растёт, обхват в метрах и сантиметрах).

Мы оба были увлечены поиском, ходили по лесу не один день. Мы нашли дерево, которое было явно больше других, достигли своей цели. Дерево росло за речкой Серебрянкой, за долиной реки, за поймой. Там был незатапливаемый берег, даже когда в петровские времена для разведения рыбы речку перекрывали запрудами, и она разливалась; там лучше сохранились старые деревья.

Признаюсь: у меня сейчас нет повода быть недовольным сыном. В двадцать шесть лет он стал кандидатом юридических наук, области весьма далёкой от моих инженерных познаний и тем убедил меня в своей абсолютной самостоятельности. Может, в чём-то, надеюсь, мои игры с сыном помогли ему.

С тех детских времён поиска дерева прошло всего ничего, подумаешь, тридцать раз встретили Новый год. И вот уже передо мной стоит первоклассница, дочка сына. Человек деятельный, с огоньком, приехала погостить у меня на весенних каникулах. Не имея богатой фантазии, я предлагаю ей отыскать то самое большое дерево в парке, которое когда-то мы нашли с её папой. Она принимает предложение с энтузиазмом. Однако дальше мы с внучкой убедились, что в прошлое вернуться нелегко, и природа охраняет свои тайны.

Наш поиск выпадает на хмурый ветреный мартовский день, от оттепели и ветра снег в парке обледенел. Я в лесу в городских ботинках подскальзываюсь и падаю:

— Пойдём в другой раз.

— Нет, дедушка, сейчас!

С речки сошёл лёд, она катит чёрную холодную воду. Узкий мостик зажат с двух берегов подступающими к реке обледеневшими холмами. Есть шанс не удержаться и скатиться с холма

по наледи в реку, не попадая в створ мостика. Я скольжу, почти не стою на ногах и с трудом придерживаю ребёнка. Уф, как на катке прошли!!! И на другом берегу также мало приятно подниматься по обледеневшему холму, когда за спиной у тебя внизу холодная весенняя река. Мы уже видим большие деревья, но найти то самое дерево не хватает сил. Откладываем до лета.

И вот несколько тёплых дней дождливого лета 2017 года, август. Приехала внучка, мы полны решимости найти это легендарное дерево. Она берёт с собой бумагу и карандаши зарисовать его. Как-будто по рефлексу генетической памяти хватает рулетку замерять обхват деревьев. Мы легко перебираемся через речку. Было много дождей и вокруг нас по обе стороны тропинки растут травы высотой в рост человека.

Мы выходим из поймы на старый берег реки и идём вдоль него по тропинке дальше, чем это сделали зимой. Вот он наш дуб-чемпион, обхват 3 м 50 см! Мы продвигаемся дальше, но там деревья уже мельче. Всё — ошибки быть не может: да, это он, наших сердец чемпион! Неожиданно начинается дождь, природа берёт с нас дань за раскрытую тайну. Теперь два километра густых лесных зарослей и стена проливного дождя отделяет меня с девочкой от нашей уютной измайловской квартиры и вообще от цивилизации. Но дорогу осилит идущий. У нас один зонт на двоих, мы идём по мелкому валежнику, окаймляющему ставшие скользкими от дождя глинистые лесные тропинки. Девочка промочила ноги, и дома я ей делаю теплую ножную ванночку от простуды.

А на следующий день она всё-таки рисует наше дерево по памяти. Рисунок получается в стиле примитивизма, но сделано со вкусом. Затем внучка берёт канцелярскую мазилку и ставит на изображении множество белых точек.

— Это дождь? — спрашиваю я. — Нет, это снег.

Вот так в сознании девочки отразились два наших похода: мартовский и августовский, снег и зелёное дерево. Я купил рамку и повесил рисунок на стену в память о нашем приключении, продлившемся тридцать лет, толи игре, то ли задачке, то ли развлечении, в котором приняли участие три поколения моего рода. Остановись, мгновение, ты прекрасно!

Август 2017 г.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

НАШ ЖИВОЙ ЯЗЫК

Наш родной язык без сомнения живой, и вместе с жизнью постоянно дрейфует, меняется. Ещё Пушкин любил вставить в текст какое-нибудь эдакое новое необычное словечко. Вот строчки из «Евгения Онегина»: «Он подал руку ей. Печально,/ (Как говорится *машинально*)/ Татьяна молча оперлась..»

Новые слова привнесло в наш обиход безвременье 90-х годов. Не все они благозвучны. Например, словечко «крутой». Я бы никогда не позволил себе вставить его в литературный текст, но замечаю, что допускаю для себя возможность употребления этого слова, когда в разговоре выражаю иронию по отношению к зарвавшемуся человеку.

Выражение «по-любому» (в смысле «что так, что эдак») я услышал впервые в православном монастыре от бывшего уголовника (до заключения крышевавшего продажных девиц). Я стал свидетелем того, как «неправильности» нашего языка приходят из малокультурных слоёв общества.

А вот выражение «без разницы» пришло из торговой среды, где часто приходится оценивать стоимость сделки или покупки. Так иногда говорят, хотя правильно надо сказать: «равноценно», «одинаково», «всё равно». Все эти неправильные выражения останутся в просторечиях, в сленгах. Никто их в чистую речь не впустит.

Конечно, к каким-то «неправильностям» многолетней давности мы привыкаем, и они становятся нормой. Чтобы новое выражение было зафиксировано в сознании народа, оно должно быть многократно напечатано. Например, выражение «во внутрь». Есть надписи: «Окна открываются во внутрь», хотя правильно было бы напечатать «внутрь». Или, общеупотребимо: «сыграли матч в ничью», хотя первоначально писалось «сыграли матч ни в чью пользу».

Что касается орфографических ошибок, они не приживаются и уходят. Их временное прибежище — городская реклама и названия фирм. Например, захожу в магазин косметики под сетевым названием «Элизэ» (с «э» оборотным на конце). Обращаюсь к менеджеру: «Нет такого имени «Элизэ», есть западное имя Элиза. Есть музыкальная пьеса Бетховена «Элизе», но это посвящение, дательный падеж: там нет буквы «э» на конце слова, там «е» ». Мне отве-

чают: «Почему Вы думаете, что название должно что-то означать? Вот название косметики «Рив гош» ничего не означает». — «"Рив гош", — отвечаю, — по-французски означает "Левый берег"!»

Слава Богу со сносом «диких» точек торговли подобной безграмотности стало меньше, но пока ещё остались фирмы с сомнительными в смысловом отношении названиями: «Пандора», «Русская рулетка» и пр.

Иногда в печати появляются лексические ошибки, и, как замечаю, их делают почему-то определённые возрастные группы (что ж мода и возраст связаны). Например, в «Комсомольской правде» пожилой олигарх высказывается в связи с тем, что ошибки управления были лишь привнесённой малой лептой и не смогли повлиять на развитие событий. Не знаю как по существу, но слово «лепта» в значении малозначимого фактора использовано верно. А вот когда глава правительства говорит о заслугах людей, внёсших свою лепту в общее дело, надо признать, что выражается он неудачно, и лучше сказать о внесении существенного вклада, а не «лепты». Такая ошибка сейчас бытует в научно-популярных статьях и почему-то у авторов моложе пятидесяти лет. Подобные ошибки — это проколы в работе спичрайтеров, корректоров, редакторов.

Говоря о социальных сдвигах, приходится констатировать: негативные вторжения в устоявшуюся «правильность» языка усиливаются с увеличением миграции из зарубежья, и от этого никуда не деться; видео культура теснит культуру чтения, и это тоже данность. Может быть, в противовес таким явлениям стало больше пишущих людей, старающихся сохранить чистоту языка.

Но есть и радость от восприятия языка, от живой речи. Както недавно мне пожелали: «Счастья Вам!» — хорошее выражение. В метро мать обращается к ребёнку: «Сыночка!» В грудь ударяет тёплая волна, слова «сЫночка» (производное от «сынок») не слышал много лет, я его забыл, тем приятнее вспомнить. Так иногда мать обращалась ко мне!

Да, бывает, беспокоюсь я за родной язык, но в то же время понимаю, что он вечен и будет процветать, если по традиции хотя бы часть общества будет продолжать жить духовной жизнью!

2018 г.

МАЯКОВСКИЙ И «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

В первых числах апреля 1940 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья «Маяковский-журналист». Она была посвящена 10-летию ухода из жизни поэта Владимира Маяковского, и заметно отличалась от официальных статей, опубликованных позднее, 14 апреля, в день смерти поэта, отличалась своей тёплой интонацией и неформальным обращением к читателю.

Мало кто знает, что последние годы жизни Владимира Маяковского были связаны с работой в газете «Комсомольская правда». Он был штатным её сотрудником и имел постоянный пропуск в редакцию. Работа в газете была очень значима для Владимира Владимировича: «Я газетчик, говорю Вам как газетчик!» — было его изречением.

Погружение в редакционную жизнь позволяло поэту держать руку на пульсе страны. Любимыми местами его пребывания в «Комсомолке» была репортёрская комната, где он узнавал самые свежие новости и коридоры «Комсомолки», в которых можно было пообщаться с людьми, приехавшими в редакцию со всех концов необъятной страны. Маяковский заряжался новостями: и какой урожай хлопка в предгорьях Памира, и как опозорился на таможне посол буржуазной Польши — всё интересовало поэта. «Комсомолка» публиковала стихи и обращения-лозунги Маяковского. Маяковский высказывал на рабочих совещаниях своё мнение, а иногда и критические суждения о газетных материалах. Чтобы дать отпор безликости и серости в газетных строках, он по просьбе сотрудников написал и опубликовал репортаж о спортивном параде в стихотворной форме. Стены «Комсомолки» надолго запомнили его широкий шаг по редакционным комнатам и коридорам.

О кончине Маяковского оповестила звонком в редакцию его соседка, которая увидела застрелившегося поэта и лежащий на столе пропуск с телефоном «Комсомольской правды». В это раннее утро в редакции находился единственный сотрудник (надо понимать автор читаемой мной статьи), который сразу побежал в находившуюся поблизости квартиру Маяковского. Поэт лежал бездыханным, и только тёплый чайник был свидетелем ещё недавней его жизни.

Примечательна и история появления в печати этих строк. Статью о поэте к десятилетию его кончины написал в 1940 году человек, работавший в «Комсомолке» с первого её номера, с 1925 года. «Золотое перо» «Комсомольской правды» — Михаил Константинович Розенфельд. Но в 1940 году ветеран «Комсомол-

ки» уже год как оставил газету, ибо в 1937 году был расстрелян редактор «Комсомольской правды» Владимир Михайлович Бубекин, его родственник (они были женаты на родных сёстрах Лиле и Любе Чистяковых). В этих условиях, рискуя быть репрессированным на прежнем месте работы за авторство этой статьи, бывший сотрудник газеты всё же счёл необходимым дать материал в номер. Столь велика была потребность рассказать о своём товарище по работе поэте Владимире Маяковском, рассказать как о человеке, жившем с газетчиками общей редакционной жизнью, и высветить его человеческие черты.

Эта статья о Маяковском за апрель 1940 года стала для меня интереснейшим описанием последних лет жизни Владимира Владимировича и свидетельством гражданского мужества автора статьи, его верности памяти поэта.

Февраль 2017 г.

ТАКАЯ БЛИЗКАЯ И ПОНЯТНАЯ МНЕ МАРИНА

К 125-летию со дня рождения Марины Цветаевой

Говорят, что дети, выросшие в успешных семьях, воспринимают жизнь в ореоле романтики. Не удивлю тебя, читатель, если скажу больше: у ребёнка возникает неодолимая потребность жить интересами родителей, продолжить дело лидера семьи, принести пользу. У Марины Цветаевой, выросшей в семье Ивана Владимировича Цветаева, учёного, создателя лучшего музея России, у дочери, выросшей в любви и уважении к отцу, видевшей его ежедневное деловое общение с людьми, лицезревшей произведения высокого искусства, собираемые отцом, не могло остаться никакого сомнения в том, что она должна принадлежать миру искусства Серебряного века. Промысел Божий, учитывая предстоящие войны и революции, отвёл её от трудной в такую эпоху специальности музейного дела, прямого продолжения работы отца, и ввёл в мир поэзии.

Этот главный жизненный выбор, происходящий из семейного уклада, очень понятен мне, потому что и я в детстве и юности (пришедшихся на послевоенные годы) не избежал его. В таких случаях следование отцовской традиции: обретение образования и желанной работы воспринимается молодым поколением как осуществление чего-то заветного.

Да, Марина, наш путь во многом определён родителями и не мыслится ничего другого, потому что дети очень хорошо чувствуют верность, правильность дороги отцов.

Марина Ивановна Цветаева жила в сложное время первой и второй мировых войн, в сложное время революций. Поэзия на могла прокормить Марину, а потом и её детей. О её стихах массовый читатель узнал, как в своё время и о поэзии Лермонтова, после кончины. Кормилась она ремеслом переводчика и устроителя вечеров — жила поэзией. Конечно, ей было сложно, потому что в семьях подобных её семье молодой человек получает навык творчества, но не учится выживать в обстоятельствах социальных потрясений.

Если начало жизни Марины понятно мне через особенности её семейной жизни с родителями, то её развитие и уход из жизни понятен через восприятие духовного мира человеческих судеб.

Стихосложение у поэтов высокого полёта связано с их близостью к небу. Недавно я прочитал признание поэта Александра Городницкого, что стихи «Когда на сердце тяжесть и холодно в груди…» ему буквально продиктовали сверху. Я не знаю как творческий процесс протекал у Марины, но, конечно, это было небесным действом.

И всё, казалось бы, в таких случаях с высоким посредничеством хорошо: у поэтов пишутся стихи. Однако не все силы в этом мире рады духовному оздоровлению через поэзию, и у делателей богоугодного зачастую начинаются жизненные сложности. Приходит время тяжёлых испытаний.

У поэтов трудности возникают в пору когда они ещё молоды, но немалая часть пути пройдена: дети в большинстве случаев рождены, многое уже написано, с чем не стыдно предстать перед Создателем. Есть подспудное ощущение вечности жизни, ощущение того, что она не кончается с смертью. Такое положение было до трагедии Марины перед самоубийством у Владимира Маяковского, у которого «любовная лодка разбилась о быт», и он начал с револьвером в руке играть в русскую рулетку; так было после трагедии Марины у Геннадия Шпаликова, в шестидесятые годы, у которого, как обнаружили после его ухода, на сберкнижке оставалось всего несколько копеек.

Как же это случилось с Мариной? Союз Советских Писателей в сорок первом эвакуировал писателей и их семьи по реке Каме в Чистополь, а кого не смогли разместить в Чистополе, тех повезли выше по реке в Елабугу. На этой барже вместе с Мариной Цветаевой и её сыном эвакуировалась и моя родная тётя, Лиля Чистякова, с моей маленькой двоюродной сестрой. По словам тёти

Лили настроение у эвакуируемых было невесёлое. Единственным светлым пятном для тёти стало письмо из действующей армии от мужа, привезённое писателем Василием Гросманом.

Хотя местные власти при обустройстве приехавших делали всё возможное, денежные запасы были у немногих семей, вещи обменивали на продукты, а когда всё было распродано не голодали только те, кто смог устроиться на работу. «Работы не было,— говорила тётя Лиля,— мне вот повезло устроиться официанткой в столовой в Чистополе, а Марина, (которую увезли в Елабугу) найти работу не смогла».

Да, конечно, у Марины не было опыта работы в рабочих профессиях. Марина была надломлена тяжёлой судьбой своей семьи: муж в тюрьме, дочь в ссылке на поселении. И главное, над ней висела тень причастности к белой эмиграции. Может поэтому Марине отказали даже в работе посудомойки в писательской столовой в Елабуге.

А изнутри точит унижающее чувство невозможности поддержать своё и сына физическое существование. И судьба, как скряга, трясущийся над мелкими купюрами, начинает скупо отсчитывать дни жизни. Марина принимает решение об уходе.

Что же было между первым актом драмы, когда был избран судьбоносный путь, и последним актом, возвестившем об окончании этого пути? — Было пиршество жизни, запечатлённое Мариной Цветаевой в стихах.

Август 2017 г.

РЕЦЕНЗЕНТЫ (КИНОВЕДЫ)

Дядя Паша и его взрослый сын Толик виделись нечасто, но отдушиной от обыденной жизни для них были телефонные разговоры, в которых (чтобы посмеяться и поднять настроение) они с удовольствием обсуждали комичные моменты сериала «Эркюль Пуаро», фильма об английском сыщике. Сериал шёл многие годы, и сын, можно сказать, вырос на этих фильмах.

Обычно серия заканчивалась тем, что главный герой раскрывал преступление. А затем следовал финальный эпизод, рассказывающий о смешной ситуации, о человеческих слабостях сыщика.

— Помнишь, как инспектор Джепп, пришёл в гости к Пуаро и ожидал за обедом пива и хорошую отбивную, а получил постную морковную котлетку? Какая физиономия у него была!

— Помню, ха-ха!

— А помнишь, как в конце серии Пуаро приходит в гости уже к инспектору, расчитывая на хороший кусок пудинга, а видит в тарелке до черноты пережаренные, сморщенные до пяточка два кусочка мяса? Какое кислое у него выражение лица!

— Да-да, помню!

Недавно дядя Паша посмотрел блестящий отечественный сериал, о том как молодая девушка после юридического института в конце пятидесятых годов приходит работать в милицию: ликвидирует банду, одновременно узнаёт кто её настоящие родители. На протяжении сериала её мучает вопрос: откуда она с измальства помнит детский стишок и кто его автор?

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день сухой, хороший,
Если высохла вода
Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:
Толи дело шлёпать в луже,
Через улицу шагать.

— И вот, — делился дядя Паша с сыном, — наступает финальная сцена, где по традиции припрятана маленькая изюминка сериала. Милицейский бал, танцы, буфет. Начальница нашей героини приходит на танцы с мужем, доктором наук, филологом. Девушка спрашивает у профессора: «Кто автор стихотворения о калоше?» — Профессор не знает. — «Мандельштам», — отвечает начальница. — «Вы знаете его поэзию?» — «Нет, я его арестовывала. Там лежало несколько детских книжек, я их взяла без ущерба для следствия племяннику Грише. Он потом, стоя на табуретке, читал стихи наизусть».

— Ну и как тебе наш отечественный чёрный юмор? — спросил дядя Паша сына о фильме.

— Отчасти чёрный юмор, отчасти жизнь старшего поколения, — по житейски точно ответил сын, — Только Мандельштама и его поэзии я не знаю, мне она не интересна.

И хотя сын читал в подлиннике англоязычную литературу и неплохо в ней разбирался, отец загрустил: «Может не затронет его Есенин, Пастернак, пролетарский писатель Максим Горький, не вспомнит он об их тяжёлой судьбе?»

— Эх, нет, не будет иммунитета у общества, — опечаленно произнес пожилой человек.

16–21 октября 2017 г.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОРОДСКОЙ ЛЕКСИКИ

Вчера я ехал в метро до «Чеховской», в общем-то, эка невидаль! Но торможение вагона перед станцией — особая статья, отдельное мероприятие, и я отношусь к нему серьезно. Поэтому, приготовившись выходить на следующей станции, я встал в проходе поближе к двери и принял устойчивое положение: надо слегка расставить ноги, смягчить колени, то есть чуть-чуть присесть, и, по мере торможения, если нужно, колени сгибать, уменьшая свой рост. Такие мероприятия не заметны для окружающих. Все это математически выверено.

Ничего подобного не сделала девушка, стоявшая со своим спутником рядом и с началом торможения спиной и лопатками угодившая мне на руки. Весь мой инженерный расчет полетел, и я зашатался.

— Мать родная! Я на это не рассчитывал, — произнес я, даже не сознавая, что говорю, и как это будет воспринято окружающими.

— Я тоже не рассчитывала, — ответила девушка и засмеялась.

Засмеялся и ее молодой человек, заулыбался парень, стоявший передо мной. Из ничего возникло хорошее настроение. Я подумал, что слегка подставился. А, пускай! Почему-то сразу мне вспомнился другой случай обретения коллективного хорошего настроения.

Я пришел в приемную одной спортивной федерации со своим новаторским проектом, изложенным в записке. Там сидели девушка и мужчина, хозяева приемной.

— Снимите пальто, — сказала девушка.

Я снял пальто и, не найдя вешалки, держа его на руках, спросил:

— Куда прикажите?

Вероятно, выражение было настолько архаичным, что и девушка, и мужчина захохотали, и я почувствовал, что мы стали друзьями. Мой документ отнесли в кабинет, и я полчаса ожидал. По российской традиции мне было отказано. Но мои знакомые, это ощущалось, расставались со мной с сожалением, да ведь и я хотел с ними работать.

Что же касается моих высказываний: в первом случае я слегка попал впросак, во втором — выразился слишком вычурно. Но, может, слегка выходить за рамки стандартного общения — это и неплохо. Как видно такое разнообразит жизнь. Только если на языке честное отражение твоих мыслей, без подкладки. Верно?

13 сентября 2014 г.

Инга Гланцева

Об авторе

Родилась в Ленинграде. Окончила Технологический Институт имени Ленсовета, химический факультет. В Москве живу с 1958 года. Работала в Институте органической химии имени Н. Д. Зелинского РАН в лаборатории, по окончании Института Патентоведения работала в патентном отделе ИОХ РАН. Опубликовала 4 сборника стихотворений. Есть публикация в австралийском журнале «Русская мозаика», в литературном альманахе «Третье дыхание».

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

* * *

По книге А. Симолина
«Шесть соток России»

Россия старая и новая…
Что общего у них — снег и язык.
Зима красива, но суровая,
Ауканья в лесу не слышан крик.

А слово тихое и нежное,
Что ласково шепнул родной язык,
Согреет в стужу белоснежную,
И праздник радости в душе возник.

О, сколько бед снегами запорошено…
Не сосчитать погубленных людей,
Не за? что сгинувших. Заброшенных
Талантливых и нужных нам идей.

Отец — родной язык, кириллица,
Спасал и в рудниках, и на войне,
Защитник ты земли, кормилец,
Всегда и всюду помогаешь мне.

* * *

Речь и речка — родные слова?
Льётся речь, и вода в речке льётся,
Говорить научившись едва,
Знаем, песня без слов не поётся.

Речь родная, наш русский язык,
Мысли все мы тебе доверяем,
Ты ведь тоже давно к нам привык,
Даже чувства тобой измеряем.

Мы болтаем — бежит ручеёк
И рекою пространные речи.
Забывает река свой исток.
Наша жизнь от простой русской печи.

И тепло той печи прямо в души
К нам вошло с первым маминым словом.
Ах, сейчас бы её мне послушать,
Но законы природы суровы.

Без печи русский хлеб не испечь,
Нынче многое из-за границы.
Сохраним тебя, русская речь,
И заполним тобою страницы.

* * *

Слова, родней которых нет,
Язык мне русский подарил,
И азбуки старинной свет
Стихи писать благословил

И с тех далёких детских лет,
Когда в руке лежит рука,
Иду дорогой рифме вслед
Строкой родного языка.

Родителям поклон и честь.
И на земле живу пока
Вы в памяти со мною здесь,
В словах родного языка.

* * *

Столько слов ненужных и пустых.
Где найти одно, что значит много?
Я с трудом ищу свою дорогу,
Среди истин сложных и простых.

* * *

Смысл и звук рождают слово.
Взгляд и слово — отношенье,
Нежно или же сурово
Зазеркалья отраженье.

Слово — друг и собеседник,
Слово — недруг и предатель,
Собутыльник, сотрапезник,
Секретарь и председатель.

Слово — врач и утешитель,
Ясновидец всех пророчеств,
Проигравший, победитель
И создатель этих строчек.

Смысл и звук разнообразны,
Мысли стары или новы.
Слово — горе, слово — праздник.
Но вначале было Слово.

* * *

Прямо в сердце попала пуля —
Слово лезвием вонзилось в грудь.
Но усидела тогда на стуле,
Думала, вытерплю как-нибудь.

Много лет пролетело с тех пор.
Боль утихла совсем немного.
И я, как конь от удара шпор,
На дыбы, не ища дорогу.

Слово, слово... Какая же сила
Так многогранна и так глубока,
Сколько же чувств ты в себя вместило...
Не передаст здесь моя строка.

* * *

Знакам препинания —
слава и внимание!

Начало письма — восклицательный знак.
Привет вам и здравствуйте, люди!
Как жизнь и дела? А здоровье-то как?
Тут знак вопросительный будет.

Рассказ о себе, о погоде — жара,
Но, к счастью, событья простые,
Повествованье закончить пора,
Поставив везде запятые.

А если цитату в письме приведу,
По многолетней привычке,
Как в школе учили в далёком году,
Поставлю цитату в кавычки.

Давнишние мысли на память пришли,
Как будто лежали в подсобке,
Старея в бумагах, на полке, в пыли.
Возьму их из скромности в скобки.

Тире — не забыто, но редко оно,
В эмоциях вдруг остановка,
Так, словно бы ветром открылось окно,
Хоть было зашторено ловко.

Вдруг несколько фраз об одном говорят,
Примером Лев служит Толстой.
Они друг за другом идут все подряд,
Здесь точка нужна с запятой.

Письмо я на почту сейчас отвезу,
Отправлю вам без проволочки.
Примите улыбку мою и слезу,
И на прощанье — три точки.

Мои размышленья, надежды и стих
Рождают последнюю строчку.
И знак препинанья имеет мотив,
На этом и ставлю я точку.

P.S.
Двоеточие молчало.
Неужели всё сначала?
Двоеточья ради
Снова я в тетради.

Перечислю строчки я
В целях двоеточия.

P.P.S.
Знаки препинания —
Знаки выражения
Чувств и понимания
Мысли в предложениях.

КРЕДО

* * *

Дождь бормочет по-стариковски,
И по крыше стучит, и в окно.
А я Первый концерт Чайковского
Дома слушаю всё равно.

Для меня он всегда — Победа
Над собой ли, судьбой, войной.
Эта музыка – моё кредо,
Ты послушай её со мной.

Боль души и печаль разлуки,
Сердца плач и ошибок стон,
И к любви простёртые руки,
И надежды манящий звон.

Дождь бормочет по-стариковски,
Словно сон смотрю наяву.
А Первый концерт Чайковского
Сердцем слушаю, сколько живу.

* * *

Фильм-опера «Кармен»

Кармен, мятежная душа,
Прогуливаясь медленной походкой
И юбкой весело шурша,
Была ты яркой, но не кроткой.

Цыганки пламенная кровь
Кипит в твоём горячем теле,
И зов любви взрывает вновь
Все чувства, спавшие доселе.

Предпочитаешь умереть,
Но быть свободной в своей воле,
И небо рушится, и твердь,
И жизнь, короткая до боли.

* * *

Я б хотела быть цветами
Или сладкими плодами,
Чтобы ты, прильнув устами,
Насладиться, милый мог.

Я б хотела быть водою,
Чтобы хладною струёю
Опалённый пыльным зноем,
Жажду утолить ты мог.

Я б хотела быть вином,
Чтоб за праздничным столом
В звонком шуме молодом,
Рядом быть с тобой могла я.

Я б хотела ветром быть,
Чтобы шёлковые кудри
Шаловливо шевелить,
Чтоб с тобою рядом быть.

* * *

Не пожелай никому зла,
А то оно к тебе вернётся,
И как тут дело обернётся,
Когда не развязать узла.
Не пожелай никому зла.

Встречай с улыбкой каждый день
И солнцу радуйся, и снегу,
Автомобильному пробегу,
Когда смотреть его не лень.
Встречай с улыбкой каждый день.

Семья — основа жизни всей —
Ребёнок, муж, жена и внуки.
Работай в поле и в науке,
Строй дом или пшеницу сей —
Семья — основа жизни всей.

Любви прекрасные цветы
Нас охраняют в непогоды,
Смягчают боль любой невзгоды
Теплом душевной красоты
Любви прекрасные цветы.

* * *

Война на экране. Больно и страшно.
Пристрелка, атака, бой рукопашный.
Угрозы Москве и Питер в блокаде,
За каждую пядь — бои в Сталинграде.

Мы гоним и давим повсюду врага,
И вот уже Курская — наша дуга.

И как выживали в холод, без хлеба,
Под градом бомбёжек с чёрного неба…
Разбиты дома — стоят «этажерки»
Утраты, страдания, слёзы и жертвы.

Тяжёлой победы серьёзный урок —
Держать сухим порох, взведённым курок.
А небо пусть будет всегда голубым,
И мирно, о люди, живите под ним.

* * *

Слова, что удалось найти,
Слабы, сыры и зыбки.
О, как в них хочется внести
Звучанье нежной скрипки.

И как мне хочется порой,
Её услышав пенье,
Проснувшись утренней зарёй,
Прочесть стихотворенье.

Ирина Ильина

Об авторе

Родилась и живёт в Москве. Инженер-экономист, работала в космической отрасли, затем преподавала экономику. Поэзия присутствует в её жизни с детства, но публикуется — с 1997 года, с 1998 г. — член МГО СП России, литературного клуба СП «Московитянка», позже — ЛИТО ЦДУ РАН. За это время вышли в свет 10 поэтических сборников, основная тематика которых — философская лирика, принимает участие и в коллективных печатных изданиях СП России. По приглашению с творческими визитами была в Грузии (дважды), в Украине, в Словакии, в Австрии. В настоящее время творческие вечера проходят в ЦДЛ, в ЛИТО ЦДУ РАН и в библиотеках Москвы. Отмечена медалями и дипломами СП, а также почётной грамотой СП России «За вклад в российскую культуру».

Я — там, но не успела к ужину…

Серебряному веку

Я — там, но не успела к ужину,
Застала лишь глухую ночь.
Но луч любви, мой верный суженый,
Тьму выпроваживает прочь.
И враз сомкнулись расстояния,
Так завершив судьбы кольцо
И невозможное свидание
Упало тенью на лицо…

Богопрестольный свет

Открой владения свои,
Богопрестольный свет!
В суровых тучах не таись,
Молчаньем долгим не томи,
А тихим счастьем напои
И дай душе ответ —
Как жить, каких законов власть,
Зарок сердечный чей
Беречь душе, чтоб не упасть,
Не опорочить честь?
Каких великих тайн покров —
Твой несказанный свет,
И где рождается любовь,
Которой выше нет?
    Разгадкой счастия дразня,
    Порой смеясь, порой браня,
    Сквозь миллионы лет
    Мани меня, зови меня,
    Богопрестольный свет!

На другом берегу

На другом берегу зеленее трава,
На другом берегу кроны гуще.
Ну, а мне не нужна никакая молва,
Мне родимые до́роги кущи.
    На другом берегу жарче солнца лучи
    И морская волна голубее,
    Ну, а мне в тишине подмосковной ночи
    Звёзды мудрые душу согреют.
На другом берегу вереницы огней
Зазывают пространной осадой.
Ну, а мне лишь разбойник — шальной соловей
Утром ранним рассыплет рулады.
    Но от щедрости той распахнутся поля,
    Ветер стихнет и дождик уймётся.
    А душа на нежнейшую трель соловья
    Тихой радостью вмиг отзовётся.

И пускай где-то там зеленее трава,
Ярче солнце и сладостней пища,
Но душа неуёмная всё же права
В том, что счастье на родине ищет.
На другом берегу я прожить не смогу.

* * *

Ни конкурсы, ни парады
Давно не нужны душе.
Совсем другие награды
На нынешнем рубеже.
    Совсем другие задачи
    Уже зовут за собой.
    Не стражду, не жду, не плачу.
    Храню я в душе покой,
Чтоб музыку мира слушать,
Судьбу без обид принять
И вдруг ощутить, как в душу
Спускается благодать…

Для себя познающей души

Не нужны мне, друзья, пьедесталы,
И за почестями — не гонюсь.
Лучше пусть будут зореньки алы,
Да пореже — прощанья и грусть.
    Лучше звонких рассветов зарницы,
    Ветер ласковый и шебутной.
    А на даче скрипят половицы,
    Разговоры затеяв со мной.
Мир, так бережно Богом хранимый,
Благодатные счастья часы —
Вот что важно для мудрой, ранимой
И себя познающей души.

По дорожкам, по тропинкам

По дорожкам, по тропинкам
Между небом и землёй
Бродят души — невидимки,
Дружбу водят меж собой.
    Всё расскажут, всё покажут,
    Всем поделятся с тобой.
    И в любимые проказы
    Окунутся с головой.
Словно в сказке без подсказки
Оживят небесный рай,
Скинут прочь земные маски —
Радуйся, люби, прощай!

Что я могу??

Что я могу? Из вечности принять
И в вечность возвращая каплей мерной,
Разбуженную стоном благодать
Освободить от поруганий скверны?
    Что я могу? Свой проходя урок
    И в боли разметав пророчеств меру,
    Сбирать по капле откровений сок,
    Так воскрешая свергнутую веру?
В чем мера мира? И подсуден — кто?
Какие вихри сторожат мгновенья?
Ловлю ответов рваный кровоток,
Пронзая им свои стихотворенья...
Но все стирает беспощадно время...

Примет ли?..

Примет ли меня Господь такую —
Неумелую и непростую,
Ту, что песню редко запевала,
Всё искала — где ж её начала.

Примет ли меня Господь, как было —
Растеряла, что в душе хранила,
То вдруг обмирала, то спешила,
То грешила, то взахлёб любила.
Примет ли меня Господь такую,
Что сама в себе не состыкую
Гнев, смиренье, страхи и отвагу —
Всё, что не ложится на бумагу.
Примет ли — не знаю, но не стану
Ложью во спасенье кутать раны,
Ведь душа, не пойманная птица,
Всё равно лишь к истине стремится.

Ещё февраль

Ещё февраль, а я бреду по лужам
И собираю солнышка лучи.
И кажется, что мне никто не нужен,
Хоть промолчи об этом, хоть кричи.
И кажется, что вот моя награда —
Вот это утро, полное тепла.
И мир прекрасен, ничего не надо,
Лишь только б жизнь, как реченька, текла.
И пусть порой встречаются в потоке
То омуты, то странный поворот…
Всё это — жизнь, всему приходят сроки,
И жизнь не развернуть наоборот.
И нужно научиться наслаждаться
Её движеньем, страхам вопреки,
Чтоб каждое мгновенье убеждаться —
Всё правильно в течении реки.

* * *

Сама с собой, сама с собой
Я вечно говорю.
Самой себе, самой себе
Общение дарю.

Саму себя, саму себя
Пытаюсь я понять,
Самой собой, самой собой
Весь мир хочу объять.
И если нынче повезёт
Моей душе родной,
То душенька меня поймёт —
Торю я путь домой.
А кто-то рядом шепчет — будь
И долгий путь не позабудь,
Ведь много раз ещё идти
Тебе по этому пути.

* * *

Я не ищу себе учителей,
Я не ищу, они приходят сами
И падают преграды между нами,
И слышится созвучье всё сильней.
Душа трепещет, ей бы всё понять,
Своих корней истоки познавая,
Но сторожит владенья тьма седая
И требует о прошлом забывать.
А там, в суровой глубине веков,
На всё таятся мудрые ответы,
И там живут советы и заветы,
С моей души сбивая гнёт оков.
И в этих встречах счастлива душа,
Услышав заповеданное слово.
И пусть оно не ярко и не ново,
Оно моё… я внемлю, не дыша!

* * *

Я просто не верю, не верю, не верю
в уход человека, земную потерю.
Мне кажется — где-то в просторах Вселенной
живем мы — нетленно, нетленно, нетленно!

Я — поэт

Я — поэт, я баловень судьбы,
Я несу в пространство радость звука,
Отвергая сумрачную скуку,
Спутницу стенаний и мольбы.
    Я поэт, я вестник, я пророк,
    Сколько в этом таинства земного,
    Как первосвященны те основы,
    Что вручает мне незримый рок.
Бережно баюкаю простор,
Что так щедро вверен небесами…
Долгими полночными часами
Заплетаю судьбы в стройный хор.

* * *

Мне проще говорить стихами,
Чем прозой подбирать слова.
Уже всё сказано меж нами,
Но всё кружится голова,
Но всё не остывают речи,
Свергая мир то в рай, то в ад,
А сердце праведно перечит —
Никто ни в чём не виноват,
И всё случилось, как случилось,
Как надо, так произошло.
И небо звёздами лучилось,
И время — каплями текло.

Писать стихи...

Писать стихи... Какая мука!..
Простите — счастье!.. Нет — разбой!
Когда и встреча, и разлука,
Покинув благостный покой,
Стрелою памяти из лука
Запущены и, ставши звуком,
Вновь проплывают предо мной,
Вступая в свой последний бой.

Там, громоздясь в пещерном чреве
Бездонной памяти вселенской —
Наитьем, болью, в мраке, гневе —
Так ждут они в потоке света
Стать звуком, образом, явленьем!
И вот, дождавшись вызволенья,
Влетают радужной кометой
На острие чумной атаки
В созвучья, строки, строфы, знаки...

Люблю нанизывать на жизнь...

Люблю
нанизывать на жизнь
обрывки буден,
ушедших в Лету...
и соединять,
сплетая плащаницу света,
обрывки
давних фраз...
Знать наперед,
что с тем, что было —
будет...
вершить удел...
и все в себя принять
и завершить, не требуя ответа...
И каждый миг —
как будто
в первый раз...

Я снова ухожу в стихи

Я снова ухожу в стихи —
Из вязкой немочи берложной,
Из этой пустоты острожной,
Из этой боли невозможной —
Под град земных перипетий.

Так выбрано судьбой стозвонной,
Ее всевидящим законом,
И пусть еще подремлют дроги
У края неземной дороги,
Жива серебряная нить.
Я снова ухожу в стихи,
В них падая, как в россыпь вьюжную,
Мечусь в объятиях стихий
Забытой странницей ненужною.
Ловлю благословенный миг
Неустрашимого пророчества,
Чтоб обожженный болью крик
Избавил мир от одиночества.
Я снова ухожу в стихи,
Как в пламенеющую звонницу,
Сжигать дотла свои грехи
И запрягать созвучий конницу.
Хочу разверзнуться навзрыд,
Хочу распасться над полянами
Каскадами ярчайших брызг,
Свободою и солнцем пьяными.
Я снова ухожу в стихи,
В восторг безудержного творчества,
Где царствует разгул стихий
И где живут мои пророчества.
Я снова падаю в стихи...

Строчка

Я касаюсь пришедшей строчки,
Разложу ее буквой тертой,
Из какой-то скрижали стертой
Распечатались эти точки...
Многоточия... что за ними?..
Тайный смысл тишины предвечной?..
Потрясение — все конечно?..
Ожиданиями немыми
Я касаюсь пришедшей строчки...

Незнакомка... пока... не слажу
Из нее фартоватой фразы...
Не дается вот так вот... сразу...
Не ложится беззвучно в руки,
Запечатана на столетья...
За нее претерплю я муки
Первородного лихолетья...
Ну и пусть! Только было б это —
Приходящее мне из Леты!

Слов беззвучных...

Слов беззвучных кочующий призрак
душу давит.
Сколько их?
Где их промысел вызрел,
болью завит?
Одеянием призрачным свиты,
словно сетью…
И молчат… и по зову, как свита —
опрометью.
Как же выстроить их
по ранжиру,
по приметам,
не стыдясь
перед праведным миром,
перед светом?
Ведь пустить их
стрелою из лука,
не случайно —
то и долг,
и великая мука,
и заклятая тайна.

Поэзии счастливое крыло

Поэзии счастливое крыло
Меня тревожно-сладко подхватило
И бережным полетом вознесло,
И вбросило в потоки что есть силы.
Каким-то чудом покоряя высь,
Не понимая, что случилось, слету,
Я крылья обретала для полета
А кто-то любящий шептал — держись!

Мне почему-то...

Мне почему-то нужно знать —
Там, впереди, увижу горы,
Об их безжалостные створы
Понурым тучам шкуры рвать.
    Мне почему-то важен миг,
    Когда истаявшее солнце,
    Себя испепелив до донца,
    Скрывая лик за горизонтом,
    Шлет миру обнаженный крик
    И кажется, что — вот, постиг
    Богов языческий язык,
    И мудрость вечного светила
    Души истоки осветила.
Мне почему-то так дано —
Услышать моря рокот шалый,
Когда спешат за валом валы,
Там, где воды и не бывало
И времени веретено
Мостит песком сухое дно.
    А там, за суховеем дней,
    Текут медлительные даты,
    И каждая из них — мандатом
    Судьбы прожаренной моей.

Поэзии бездонный праздник

Поэзия, как наши мысли —
То глубока, то высока,
То каплями росы повиснет
На нежной зелени листка.
    И каждому — свои открытья
    И в омутах, и в небесах,
    А строчки стражами событий
    Спешат, как стрелки на часах.
Неважно, много или мало
Строк вылилось из-под пера,
Со строчкой всякое бывало,
И музы тайная игра
Одним укроет покрывалом
Стихии гнева и добра.
    Поэзии бездонный праздник
    Вмещает, не кропя границ,
    Весь мир, такой живой и разный,
    Все души без различья лиц.
И каждая душа отыщет
В поэзии свой вечный клад.
Так странник Божий ищет пищу,
В его одеждах ветер свищет,
И он не ждет себе наград,
Он щедрому подарку рад.

* * *

Молчу — стихами, думаю — стихами,
Себя в любой из строчек узнаю.
И путаются рифмы под ногами,
Опережая будущность свою.
    Я тщетно их остановить пытаюсь,
    Я их лелею и благодарю.
    Я с ними вместе заново рождаюсь,
    Я их безумно, трепетно люблю.

* * *

Стихи вплывают к нам из смуты
Шальных дорог,
Из растревоженной минуты,
В которой — рок.
Из колокольного распева
Над бездной дна.
Из кутежа и вопля гнева,
Где боль одна.
И из небес глубокой сини,
где туч стада.
Из знанья, что никто невинен
И нет стыда.
И в рифмах всё — в строку и кстати,
Не так, как у людей.
У этой дерзновенной рати
Бесчисленно друзей
Средь лебеды в тени забора
И лопушиных кущ.
Я не найду в природе сора —
В строку метнуть.
Пусть всё живое здесь и там
Строку рождает.
А нам — бежать по их следам,
Не успевая.

* * *

Исконные слова не терпят камуфляжа,
Не нужен им рачительный прикид.
Пусть каждое из слов святым покровом ляжет
На души и сердца. И истину творит.

* * *

Может, и живём мы так сурово
Оттого, что не внимаем Слову…

Об авторе

Родился в Москве, на Шаболовке. Крестился в церкви Святого Духа. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова (Экономический факультет) и аспирантуру Института Востоковедения РАН. Диссертация на тему: «Экономическая экспансия ФРГ в страны Юго-Восточной Азии». В настоящее время, помимо увлечения литературой, занимается живописью и москвоведением.

КРЕДО

Я служил в ВДВ. Первый ночной прыжок. Воспоминание.

С годами время набирает силу и в душе пробиваются ощущения, которые не могли прорасти много лет назад. Удивительным кажется то, что память выхватила давно забытые эпизоды, которые теперь превратились в рассказ.

Когда мы рождаемся — мы отправляемся в «неведомое» наших будущих дней и видимо этот момент рождения ощущается уже во взрослой жизни, когда совершаешь ночной прыжок с парашютом, и отрываясь от платформы самолета, летишь в кромешную тьму.Становится страшно от того, что летишь в неизвестность, где нет ориентиров Кругом черная южная ночь, которая спрятала землю, и открыла перед тобой небо, усыпанное крупными звездами и украшенное тонким, как на мечети золотистым полумесяцем. Всего несколько мгновений прошло, как прозвучала команда «пошел» и самолет не снижая скорости помчался дальше, оставив после себя упругий воздушный поток, на котором ты выпрыгнув, лежишь как святой и открыв глаза, какое то мгновение видишь перед собой осветительные огни уносящейся стальной птицы и тут же закрываешь их, потому что в ночной неразберихе кажется, что

ты падаешь на них. на эти огни и на самолет. Но отсчет времени до рывка кольца начался и вот ты уже мысленно произносишь спасительные 3–4-5-и …Самолет улетел, а над тобой бежевый купол парашюта, удерживающий тебя в пространстве тьмы. Вот он — Космос Ночи, в который тебя выбросила жизнь. И тут внезапно душу охватывает ощущение нового рождения.радость которого трудно передать. Перед тобой — то неведомое, в которое ты прилетел, а под тобой Планета! Вокруг та самая мертвая тишина, о которой говорят но не знают, что это такое. И вот в этой Тишине ты вдруг чувствуешь, что тебе не хочется опускаться на Землю, а хочется побыть здесь, наверху и погулять по воздушным тропинкам, направление которых меняет ветер при изменении высоты. Душа переполнена Счастьем преодоления и покорности неизведанному. Перед тобой Земной шар, вид сверху. Над тобой — бездна южного неба, сверкающая парчой ярких звезд. Образно говоря, это то, чего нет на свете, т. е. на Земле, и только здесь, под покровом ночи, находясь высоко от земли, можно испытать новое чувство познания Неведомого. Но неожиданно внизу показалась светлая ниточка. По мере приближения к ней она становится толще и толще. Оказывается, это степная дорога, а чуть подальше чистое зеркальце маленького озера, к которому на водопой пришел верблюд. Вот и Земля. Легкий удар об нее сапогами и уже руки стягивают стропы, чтобы отстегнувшись, убрать парашют в сумку, а глаза непроизвольно смотрят на ту высоту, которая открыла тебе тайну Ночного неба.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Дорожные заметки

Великие личности притягивают к себе. Нам интересны места их пребывания, поведение, поступки, а также моральные нормы этих Гениев. Одной из таких личностей был главный солдат французской армии — генералиссимус Наполеон Бонапарт. Захватив Витебск, он не стал убивать раненых русских солдат, которых взял в плен, а приказал лежащие без движения тела перевезти в госпиталь и оказать необходимую медицинскую помощь, и если понадобится — операционную, посчитав нечестным уничтожение врага вне поля брани. Вот Дом Губернатора, в котором он жил, площадь

перед ним. Смотришь на эту площадь и думаешь, а ведь он здесь ходил, останавливался, наверняка смотрел с высокого берега на Двину, отдавал приказы марширующим под окнами его дома солдатам, просматривал привезенные ему из Парижа французские газеты и выстраивал план покорения самой большой Державы Мира. Наполеон пробыл в Витебске 16 дней, хотя рассчитывал остаться до зимы. Он занял Дом Витебского губернатора, устроил перед ним плац и стал ежедневной муштрой готовить солдат к бою. Приближалась знаменательная дата в жизни Великого Гвардейца — 3 августа 1812 года ему исполнилось 43. Из 50 сражений, данных им, он не проиграл ни одного. За праздничным столом ему довелось выслушать десятки заздравных тостов искренних и лживых, которые произносили его поданные под звон хрустальных фужеров губернаторского сервиза, попеременно наполняемых дорогими французскими винами и коньяком. «Viva Napoleon!» — кричали опьяневшие генералы. «Viva mon soldat!» — отвечал Бонапарт. Он не думал, что через год его прогонят до Лейпцига, где он, собрав шестисот-тысячную армию, проиграет в Битве народов. Это будет второе после Бородина поражение Гения Войны, последним будет битва при Ватерлоо, а на плаце в Витебске появится 26 метровый обелиск в честь Победы над французской армией.

За окном ночь. Тишина. И сами собой заиграли в голове Гусли моих раздумий. Царь Давид любил Гусли, наверное это помогало ему уловить мелодию Псалмов, а мне услышать и понять мелодию моей жизни.

Русский синодальный перевод. Библия. Ветхий завет. Книга «Псалтырь», псалом 32, «Славьте Господа на гуслях…» (Псалтырь — это десятиструнный музыкальный инструмент у евреев, по числу Заповедей, гусли тоже струнный инструмент.) Св. Царь Давид назвал свои стихи Псалмами, т. е. напевными, собранные вместе «Псалтырью». На гуслях играли для исправления поступков, а на Псалтыри для исправления мыслей. В пору древности понимали влияние звука на поведение человека и исправлялись его мелодией. Поэтому славьте Господа на гуслях.

У исторической мелодии есть свои «piano», «crescendo», и вот мажорный аккорд взлетает к небесам, вознося Божью Правду. Эта мысль посетила меня, когда я был в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Витебске. Ведь именно здесь 8 веков назад Великий князь Александр Невский, стоя перед алтарем, слушал венчальную молитву вместе с супругой, витебской княжной Алек-

сандрой. Если бы можно было иглой исторического граммофона озвучить запись, которую хранят в себе стены храма, то мы бы услышали восторженное пение хоров, покрывающих омофором молитвы священный союз, звон кадила и возгласы священника. От осознания этого замирает сердце, а мысль, подхваченная его волнением, продолжает рисовать воображаемые картины того дня. Вот поданные склонили головы перед выходящей из храма великокняжеской четой, вот князь помогает княжне сесть в карету, а потом садится в нее сам и разудалая тройка, звеня бубенцами мчится к свадебному столу…

А в это время на Вечном диске исторического граммофона игла молча пишет «мажор» и « crescendo « давно ушедшего дня.

* * *

Поэт стихами платит за грехи.
Благословен Твой Дар, Великий Боже,
За то, что буквами живой строки
Ты оправданье дать поэту можешь.

В миг озаренья изумрудный Свет
Ведет его на гор высоких кручи,
Где льет мелодию таинственный Кларнет,
Искрясь в ладонях Дали многозвучной.

Дымится вечер запахом «Саке»
И звуки сами подплывают к пальцам.
Я подарю мотив стихов тебе
И хмель «Саке», а сам поеду дальше.

Я напишу тебе издалека,
Из той страны, где сырость и туманы,
На её тучах, и на облаках,
Что по законам «Кармы « и «Нирваны».

Поэт стихами платит за грехи:
И за свои, и за грехи всех близких.
Поэтому люби его стихи —
Святых небес «О здравии» записки.

* * *

В стихах — запах «дурман-травы»,
Звон песчинок — в часах песочных.
Напиши на ладошках листвы,
Тебе нравятся эти строчки ?

Если «да», сочиню еще,
Орошу их дождливым туманом.
И тогда слов незримый костёр
На щеках вспыхнет ярким тюльпаном.

Как конфета прошедший день,
Та «Коровка», что пьют дети с чаем.
Я чудесные строчки свои
Сочинять для тебя продолжаю.

И в вечерней росе моих слов
Зреет радость рассвета и утра.
А «спасибо», как добрый покров,
Станет мне оберегом мудрым.

И я вспомню «дурман-траву»,
Звон песчинок в часах песочных,
В гости Музу к себе позову,
Чтоб писать тебе чудные строчки.

Галина Колобова

Об авторе

Поэт. Родилась и выросла в Ленинграде. Инженер. Любовь к поэзии привила мама — педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в семь лет. С 1980 года живет в Подмосковье, в г. Балашиха. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви», в 2011 году — книга «Осенняя мозаика». Печаталась в газетах и журналах, таких, как «Родники», «Вокруг смеха», «Юность», «Голос Армении», «Витражи». Член Литературного объединения Центрального дома учёных РАН

КРЕДО

* * *

Я рисую странные картины,
В них перемещаются миры,
Рвутся водопадами плотины,
И бурлят фантазии игры.

Я рисую странные картины:
Запах увядающей травы,
Кружево парящей паутины,
Золотую ветреность листвы.

Волшебство двенадцати квадратов
Раскрывает творчества исток.
Всё, что память сберегла когда-то,
Превратилось в радужный поток

Красок, линий, тем и сновидений.
Мысли удивительно легки.
Нет ограничений и сомнений
В действиях уверенной руки.

И узор ложится на бумагу
Тот, что невозможно повторить.
И в душе рождается отвага
Всё принять и непременно жить,

Веруя, любя и наслаждаясь
Каждою минутой бытия.
В новых ощущениях купаясь,
Познавая заново себя.

И уже не так горьки обиды,
И прощать становится легко.
Связи поколений не размыты,
Просто они скрыты глубоко.

Я рисую странные картины —
Крик младенца, материнский смех,
Силу восприятия мужчины
И счастливый первородный грех.

Бизнес и Базар
(басня)

Жил-был Бизнес —
Честен, молод
И хорош собой.
Не страшил его ни холод,
Ни палящий зной.
Он системно развивался,
Был корректен, увлекался
Аналитикой изящной,
И поток монет звенящий
Шел стабильно, точно в срок,
Плана четкого итог.
По-соседству жил Базар.
Он пыхтел, как самовар,
Чтоб быстрее раскрутиться,
Всё продать, обогатиться.

Бизнес-план, расчет — зачем?
Он — Базар! Известен всем!
Времени прошло немного,
«Самовар» остыл, дорога
У Базара вкривь пошла
И, петляя, замерла.
Он к соседу: Помоги,
В бизнес влез не с той ноги.
А сосед ему сказал:
То не бизнес, а базар.
Ведь успех не хаотичен,
Он расчетлив и практичен.
Тот, кто цель достичь желает,
Четко мыслит, много знает.
Хочешь быть базаром — будь,
Но про бизнес позабудь.
Бизнес знал, что предлагал:
Образ жизни он менял,
И себя в своих решеньях
На вершину поднимал.
А Базар и есть базар.
У него продажный дар.
Сотни лет живя на свете,
Тактику не поменял.

В этой басне нет морали.
Вы себя в ней все узнали?

* * *

Посвящается Марии Полизой

У каждого в жизни есть свой марафон,
Свой главный Олимп и вершина.
И если в душе ты уже побеждён,
То, значит, не будет и чина.

Но если душа видит цель впереди
И телу кричит: Не сдавайся!
Болей, умирай, но терпи и иди.
Твой дух победит!
Наслаждайся!

2013

* * *

Я бегу,
я бегу,
я бегу.
А иначе я жить не могу.
И та цель, что важна для меня,
Греет душу сильнее огня.

И не так уж и важен маршрут,
Мысли к цели меня приведут.
Я уверена, что добегу.
Я смогу,
Я смогу,
Я смогу.

2013

И Я СОХРАНЮ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Я — русская

Я — русская! И этим я горда!
Мне это чувство предки передали.
Они растили хлеб и воевали,
В боях освобождая города.

Мне, уроженке Северной столицы,
Клочок гнилых Синявинских болот,
Где мама воевала медсестрицей,
Важнее многих признанных высот.

Храню отцом завещанную ношу
Из старых фотографий и наград.
И корку хлеба никогда не брошу,
Блокадный символ тех печальных дат.

Я — русская! Россия есть и будет,
Живая и открытая для всех.
Её ругают, обвиняют, судят.
Она стоит уже который век.

И женщины защитников рожают,
Благословляют их, когда беда.
И от своих святынь не уезжают…
Я — русская! И этим я горда!

Песня

Исполнил песню старый дед,
Как будто по сердцу погладил.
Той песне много-много лет,
Но только струны он наладил,
Как зазвенела, полилась
Мелодия из прошлой жизни
И в памяти отозвалась,
И потекла, как сок из вишни.
Она заполнила собой
Души усталой закоулки,
В них детства эпизод любой
Был сладок, как изюм из булки.
Кидали деду медяки,
И звон монет звучал повсюду.
Казалось, не было руки,
Не положившей дань на блюдо.
А песня старого певца,
Затихла, чтобы завтра снова
Людские бередить сердца
Простой мелодией былого.

Держава

Я у Господа не просила
Чувства гордости за Россию.
Я его познавала с детства
Во дворе моего королевства,
В старом Санкт-Петербургском квартале,
Где драгуны квартировали.

Это чувство росло со мною
В дни салюта победной весною,
Расцветало с травой луговою.
Погружаясь в неё с головою,
Я вдыхала, покоем объята,
Запах пижмы, душицы и мяты.

Я на русской земле взрослела.
И походные песни пела
У костра на лесной опушке,
Где считала года по кукушке.
И где церковь на возвышении —
Наш духовный исток очищения.

Кто покинул Россию — их право.
И без них проживет держава.
Лишь бы только не забывали
Власть имущие, как величали
На Руси государство великое,
Духом сильное и многоликое

И державой всегда гордились,
На полях сражения бились,
Умирали на бранном поле,
Непокорными были в неволе,
И страну возвеличить стремились.
А сейчас времена изменились…

Чувство гордости чем измерить?
Как в Россию опять поверить?

* * *

Давай поговорим о Прозе.
Она подобна яркой розе,
Срывай!

Поэзия легка, воздушна,
Как одуванчик — непослушна.
Поймай!

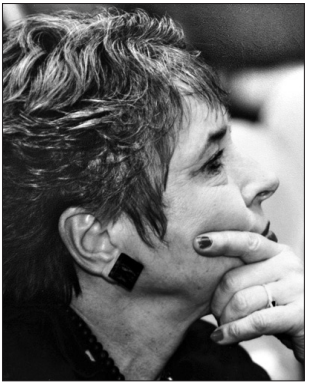
У Слова есть души глубинность,
И простодушье, и невинность,
Внимай!

А у Таланта — только Муза.
Но сколько пользы от союза.
Создай!

* * *

Мне некому читать свои стихи,
И потому они печальны и горьки.
Строка не появляется случайно.
Её рождение окутывает тайна,
Такая же, как редкий дар любви.
Не умирай строка,
дыши во мне,
живи.
И даже если будешь ты грустна,
Душа, тебя создавшая, ясна.

Об авторе



Поэт, кандидат филологических наук, член Союза литераторов России, член Союза писателей 21 века (www.writer21.ru/kolodyajnaya-l/).
Руководитель Литературного объединения Центрального дома ученых РАН. Автор более 30 книг стихотворений (в том числе детских — «Стихи-крошки Маленького Алешки» (2011–2015 годы) и Азбуки в стихах «Ступенька в Небеса» — 2016 год), опубликованных в издательстве «Московская Патриархия». Многие произведения опубликованы как в периодической печати, так и в сети Интернет.
На стихи Людмилы Колодяжной написано около 400 песен.
Книги, песни, концерты можно посмотреть на авторской странице Литературного объединения ЦДУ РАН: ЛИТО НА П ПРЕЧИСТЕНКЕ, в рубрике АВТОРЫ

КРЕДО

* * *

Жизнь — еще порадует угрозами,
иль, в конце концов — склонится лилией...

Надо ждать, как Меньшиков в Березове,
да читать единственную Библию.

И презрев толпу — ценить лишь братство,
и стяжать не золото — горсть пепла,

и пройти небесные мытарства,
и отдать на Храм — скупую лепту.

Не копить подарков бренных, царских —
ждать волхвов с последними дарами...

Уходить в обещанное Царство —
по тропинкам, тихими дворами,

средь берез, цветов, да трав высоких…
Пред иконой падать на колени,

подставлять врагу — другую щёку,
и любить того, кто не изменит...

Мне мало надо

«Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!»
Велимир Хлебников

Мне мало надо — лишь глоток воды
из самого глубокого колодца,
где отраженье плещется звезды,
осколком — утром пойманного солнца.

Мне мало надо — эти облака,
их караван, и даль, бездонность неба.
Мне мало надо — капля молока,
кувшин, и край преломленного хлеба.

И — храм, стоящий где-то на крови
первых святых, невинно убиенных…
Мне мало надо — чуточку любви
в твоих словах — далеких и священных.

Еще — березы верная верста,
и плеск ветвей в просторах заоконных.
Мне мало надо — комнат пустота,
где я молюсь тебе перед иконой.

Мне мало надо — лишь воды глоток
из самой звездной глубины бездонной.
Мне мало надо — лишь строки исток,
бегущей из моих в твои ладони...

По льну пустой страницы строку я протяну

На двор пустой, заснеженный —
стоящий на углу
фонарь — льет свет свой нежный,
рассеивая мглу.

Березы ветка ломкая,
обвив фонарь, дрожит,
и тонкая соломка
луча — ночь сторожит.

Лучей не тают спицы,
пока к ним взглядом льну…
По льну пустой страницы
строку я протяну.

Чтобы на Белом Свете
она кому-нибудь
когда-нибудь осветит
в ночи — далекий путь.

И в тишине заснеженной,
где каждый шаг не прост,
он перейдет безбрежный
пустырь — при свете звёзд.

Время любить

«Всему свое время,
и время всякой вещи под небом...»
Екклесиаст

Помнишь, мудрец сказал в сердце своем —
на тех забытых страницах,
которые мы с тобой перечтем,
что всё должно повториться.

Всё также качается жизнь на весах,
и звездные ловят нас сети,
на круги вечные в небесах
осенний вернется ветер...

Осень… Ветвей прозрачный венец
солнце лучами пронзило.
Помнишь, сказал в своем сердце мудрец —
осень… Всё это было.

Жизнь — это просто просторный зал,
где ожиданье, как бремя.
Помнишь, мудрец в своем сердце сказал:
«Приходит всему свое время…»

Также растут над пустыней холмы,
пусть, нам не дано их увидеть…
Но «время любить» так продлили мы,
что «времени нет — ненавидеть…»

* * *

«Душистое с корицею вино...»
Мандельштам

Я верю неясной еще мечте,
что ты прилетишь ко мне с веткой оливы…
Я взглядом ищу тебя в высоте,
я буду ждать тебя терпеливо…

Я знаю — путь мой с тобой не прост,
но все же свыше уже указан,
Мы будем слушать далеких звезд
еще не понятые приказы.

Мы верим — все, что было давно,
когда нибудь должно повториться —
мы будем пить золотое вино —
то, Мандельштамовское, с корицей.

Не повернуть нам событий вспять,
и не поспорить уже с тишиною…
Мы будем время с тобой коротать,
как яблони тихо, в снегах, зимою.

Нам остается — лишь смертный страх,
запах травы, теплота суглинка…
Тебе остается — в моих глазах —
та, Евангельская — соринка…

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

* * *

«Сохрани мою речь навсегда...»
Осип Мандельштам

Сохрани мой обрывок речи,
не навечно, но навсегда…
Слова звук, словно отблеск следа
пусть стремится в твою бесконечность.

Чтобы слово лилось невидимым
отражением, как звезда,
что в колодце поёт, как вода,
ведь вода к Рождеству — сладима.

Может, речь нам дана, как увечье,
как Иакова хромота,
святость Иова, нищета,
как тропа и ручья бесконечность…

Сохрани речь, как призвук счастья,
как любовь, что выводит из мглы,
как янтарный привкус смолы,
нас связующий в час ненастья.

Сохрани мою речь, отзвук взмаха
слов, ликующих в высоте —
о блаженстве и нищете,
слов, что Бог говорил — пред плахой.

Речь звезд — пытаешься сберечь

Мелькнет звезда над головой
в просвет, что дрогнет над листвой,
как будущий исток,

когда подслушанную речь
звезд — пытаешься сберечь
в ночных потоках строк.

Горячий шепот вспомнишь — уст…
Лучей звезды горящий куст
осветит твой порог.

К утру он всё еще растет,
как говорящий куст, как тот,
в котором спрятан — Бог.

И думаешь о том, что жаль —
страница всё же не Скрижаль,
хранящая Закон,

а лишь — дающая ответ
на звездный мимолетный свет,
идущий от окон…

Непривычно — речь звучит, тиха

Свет слабее из оконных рам,
стрелки — время к сумеркам сместили,
время — мне идти к Анастасии,
в заметенный снегом ближний храм.

Там — плывет над куполами звон,
из Небесных звуков кем-то свитый,
древний там читается Канон,
плач Андрея — мученика с Крита.

Непривычно — речь звучит, тиха,
тают свечи, но витает Слово.
Мелкого житейского греха —
невидимо падают оковы…

«Дух смирения, терпения, любви…» —
вдруг всплывают пушкинские строки —
«Ты, Владыко, в сердце оживи…» —
из молитвы Сирина — уроки…

Горечь речи смягчалась — тишины венцом

Была — бела и бесконечна
дорога… На́ сердце рубцом
летело слово, горечь речи
смягчалась — тишины венцом.

Еще неясных рифм звоночки —
звон колокольный перекрыл,
морозной розовою точкой —
к закату солнца диск уплыл.

Гул ветра — ненадолго сгладил
далекий колокольный плеск,
на ледяной озерной глади
дневной еще остался блеск,

но, через арки акведука
подкралась к парку ночи тень...
А я была — твоей подругой
в морозный вечер, в этот день...

* * *

Помогут Музы узелок связать
тебе на память… Я беру уроки,
чтоб Слово новое успеть сказать,
которое уже — не сдержат строки.

Пусть по волнам оно к тебе плывет —
пространства, разлучившего ночного,
по линиям воздушным — легкий плот,
скрепленный звука ниткою суровой.

В далекий дом войдет твой, словно в храм,
проступит светом в уголке иконы,
пройдет сквозь створки поседевших рам
и оживет весной в листве зеленой.

И пусть оно с тобой заговорит
на языке любовного признанья,
и пусть оно тебя уже хранит
от бед, которым нет еще названья.

Покуда, речь — певуча, как ручей,
пусть этот ключ в твои ладони льется,
как свет, несущийся от тех лучей,
чей блеск уже в окошке зимнем бьется…

Где речь перетекала в шепот

Плыл колокольный звон и звук
тянулся нитью оголенной,
а мы произносили вслух
слова «Баллады» — о влюбленных,

«о переправах и мостах,
о перекрестках мирозданья…»
Дрожали строчки на листах
давно забытого изданья.

И открывалась нам Земля,
ожившая после потопа,
и мы входили в те поля,
где речь перетекала в шепот.

Мы возвращались вновь и вновь
к словам, что обжигали душу —
о том, как выбралась любовь,
в Ковчеге скрытая, на сушу…

Как удалось соединить
потоки слов — в гимн о влюбленных —
Поэту? — чтобы эта нить
нас жгла, как провод оголенный...

Голос Осени

Так легко погубить тишиной
голос осени, вещий и влажный,
разве меньше ты любишь земной
голос хрупких вещей, чуть протяжный?

Кроме осени, нет важных тем —
кроме грации влажных акаций,
Слово-лист вырастает затем,
чтобы с милою жизнью расстаться.

Звук надежней, звук светел и мудр,
звук не знает унынья, преграды,
в первозданном молчании утр —
звук-молитва, звук-плач, звук-отрада.

Так легко тишиной погубить
голос осени, влажный и вещий…
Разве меньше ты будешь любить
дом пустой, в доме — хрупкие вещи

за их тленность? Серебряный прах,
горсть его с каждым часом дороже,
как то слово, что ждет на устах,
темных губ переходит порожек,

сквозь омытые листья летит,
чтобы слух твой задеть и изранить,
аромат свой теряя в пути,
истлевая прозрачною тканью.

Что же делать? У слова таков,
первым звуком очерченный жребий,
слову внятен удел облаков,
исчезающих в медленном небе.

Видишь, слово, как Бог далеко…
как назвать все сначала — неважно…
погубить тишиной так легко
голос хрупких вещей, чуть протяжный.

Что же делать? У слова таков,
Плачем-эхом очерченный жребий,
Слову внятен удел облаков,
Исчезающих в медленном небе…

Подари свою мне речь,Тайновидец Даниил

Уведи в далекий тыл,
где за сценой гул затих,
тайновидец, Даниил,
толкователь снов моих.

На сплетеньях древних строк
столько ты веков стоишь…
Слышу я тебя, Пророк,
помню всё, о чем молчишь.

Надо мною расплещи
слов крылатых звукоряд…
Светят отроки в пещи,
три свечи в ночи горят.

Подари свою мне речь
пусть меня утешит плач,
речь твоя струится с плеч —
откровением, как плащ.

Вечен в Небе звёздный прах —
из него и ты рождён,
возрастает голос птах,
прерывая звёздный стон.

Надо мною шелест крыл,
к сердцу — речь твою влеку,
расскажи мне, Даниил —
что случится на веку…

Памяти поэта Алексея Вознесенского

Луч звезды свечу зажёг,
чуть задев ее, как спица,
и легла ладонь на шёлк
оживающей страницы,

говорящей — пустоту
поля чистого восполни —
строк про счастье и беду
чтоб бежали сини-волны.

Расскажи, как много лет
он бродил по белу свету —
друг твой, странник и поэт,
как он жизнь покинул эту…

Чтобы речь шла, горяча,
он склонялся над листами…
Он светился, как свеча,
как свеча, в ночи истаял…

Об авторе

Родилась на Дальнем Востоке, детство и юность провела на Украине. Архитектор. Работала в Моспоект-2, в издательствах «Наука», «Высшая школа». Член Союза писателей России, Международного Худ. фонда. Автор двух проиллюстрированных книг стихов. Участница коллективных поэтических сборников. Номинант премии «Поэт 2017 года».

КРЕДО

Художник

В чаще леса, в самом дальнем
уголке — портал пещеры.
Изнутри завален камнем
вход. Пылает свет сквозь щели.

Стены студии просторной
устремились вверх отвесно.
Для поэмы рукотворной
не найдётся лучше места!

Здесь не холодно и сухо,
не слышны порывы бури.
Лишь, нанизанные, глухо
на ногах бренчат каури.

Он рисует, напевая,
то, каким был бой великий —
для меня, меня не зная.
Лик — в тени, на коже — блики.

И рождается картина,
взора мысленного дублем,
на скрижалях травертина:
стрелы — охрой, мамонт — углем.

Тень, качаясь, корчит рожи
в очага неверном свете.
Оглянись, почуяв кожей,
моего дыханья ветер.

Песня мне твоя понятна,
слог и короток, и ясен.
И точны штрихи и пятна.
Знай, что труд твой не напрасен!

Посмотрел. Лицо и руки —
сплошь в следах угля и мела.
Напряженно ловит звуки.
Смотрит пристально и смело.

Мой восторг неописуем!
Перед ним стою, робея:
— Мы теперь так не рисуем…
Так, как ты я не умею.

Научи! —
…Мои ладони —
сплошь в следах угля и мела.
В свете лампы, на картоне —
то, что я напеть сумела.

* * *

Пишу портрет. Тому уподобляюсь,
кто истину пытается постичь.
То приближаюсь к ней, то удаляюсь,
как хищник, что выслеживает дичь.

Пишу портрет. Бесцеремонный хакер,
я взламываю скрытые миры
натуры. Познаю её характер,
смотрю, как будто глубь земной коры.

Пишу портрет. И скопище объёмов
я наношу на плоскость, не дыша.
На месте тектонических разломов
становится доступнее душа

и я её пишу взахлёб, в охотку,
Создателя отгадывая мысль.
О, линия от глаза к подбородку!
О, линии, что на висках сошлись!

Вникая, восхищаюсь всё сильнее.
И всё ж, непостижима до конца
вся эта грандиозная идея,
натуру сотворившего Творца!

Июльский полдень

Наверно, будет дождик. Клонит в сон.
И, хоть светило льёт лучи горючи,
оставил паутину почтальон,
и ренессанс переживают тучи.

Стрижи летать устали высоко.
В окне повисла серая холстина.
Достигли тучи стиля рококо.
Июльский полдень. Лета половина.

Но ветер, не спросившись, пыль погнал.
И, в оправданье не сказав ни слова,
покровы с одуванчиков сорвал
и закружил их в стиле арт-нуово

и всё сильнее дует. Спорит с ним
напрасно с ветки сорванная птица.
И мрак удушлив и необъясним,
и декаданс не в силах разрешиться.

Вдруг, озарилось серое окно
и тени пронеслись быстрее пули.
На небесах рванули полотно
с подрамника и воду шуганули!

Пролился акварелью чистый луч!
Пришла в движение магическая призма —
и небосвод очистился от туч,
представив все оттенки реализма!

Театральное

Луна уходит за кулисы,
в ночи исполнив номер свой.
В саду усталые статисты
шуршат затёкшею листвой

и, чтоб умыться, ждут рассвета.
Пришел, не выспавшись, рассвет,
сказал: «Не будет больше лета!» —
и смыл с листвы зелёный цвет.

Он пьесу новую представил,
где плачет дождь, где ветер зол.
Луна сыграет там без правил,
надев прекрасный ореол.

Согласно новому либретто,
не будет роли у грачей,
урежут роль дневного света,
добавят длительность ночей…

Всё режиссёр переиначил!
А сам — измучен, хмур и сер —
то мелким дождиком заплачет,
то учиняет беспредел:
велел статистам снять костюмы
и обнаженными играть!
И тучи, мрачны и угрюмы,
на новый текст глядят в тетрадь.

С колосников спустились звёзды,
их близость — лишь сценарный ход.
Сквозь остывающие гнёзда
туман над сценою плывёт.

И в основанье декораций
уже последний гвоздь забит.
И продолжительных оваций
ждёт бутафорский реквизит.

Идёт конец приготовленьям:
поля черны, сады мертвы.
Прочёл безвременник цветеньем
пролог средь высохшей травы.

И вот, в тумане по колено,
с себя в гримёрке сбросив тень,
из-за кулис на авансцену
пошёл солист: Осенний День.

Вода

Куда уносит памяти вода
событий замирающие вальсы,
незримо протекая без труда
сквозь бережно сомкнувшиеся пальцы?

И водоросли, пальцы устремив,
хотят пуститься следом за водою,
хотят вернуть слабеющий мотив
и память оживить водой живою,

и дважды в ту же воду забрести.
Но память ускользает из ладони,
становится не слышима почти,

и ничего не остаётся, кроме
неслышных водорослей… И на этом фоне —
звук капли с распрямившейся горсти.

* * *

Мы в окно смотрели ночью на Луну.
Я, вздохнув, ещё одним стежком пришила
сердце маленького внука к своему.
Сердце маленького внука разрешило.

Он, вздохнув, сказал: «Ты самый лучший друг» —
Полыхнула сквозь меня звезда ночная.
И мне руку обнял маленький мой внук.
И его я обняла, слегка качая.

И, наполненная вздохами любви,
наша комната плыла из детства в детство.
среди звёзд, ещё не названных людьми,
чуть качая наше сдвоенное сердце.

Ночь, Луна и мой трёхлетний внук…
Будем плыть и возвращаться снова к дому,
где всегда пребудет чистый цвет и звук.
Разве может быть что-либо по-другому?..

И однажды, в неизбежности разлук,
шов на сердце разойдётся по живому.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Робость

Позвольте мне… Хочу сказать…
Внимания желаю…
Я отойду на пядь. На пять.
Я воздух набираю.

Ещё не звук, но тетива
натянута до звука.
Сейчас стрелой слетят слова.
Но — звук! — какая мука!

Хрипит гортань на все лады,
в ней будто горсти щебня.
В висках — набат. Пожар! Воды!
Как от укуса слепня

пылают щёки. Зал надел
смеющиеся маски.
Так, значит, что же, мой удел —
стоять, залившись краской?

Нет, в красноречия пращу
вжать слово, не робея.
Вращать пращу! Сказать хочу!
Вращать пращу быстрее!

Свобода! Слово понеслось!
Сейчас сражу глаголом!..
Но, ватны ноги, в горле — кость,
стою на сцене голым…

Повержен юноша Давид.
Глумливый зал, рыдая,
над головой его гремит
несущимся трамваем…

И покатилась голова…
«Хочу сказать!» угасло…
Как пахнет свежая трава!
Дрова… трамвай… стрела… слова…
и Аннушка… и масло…

Кафе «Оранжевый рай»

Тепло в подземке Питерской,
светло и многолюдно.
Как под рукой родительской —
и тесно, и уютно.

А выходить-то надобно
отсюда на поверхность,
где — ледяные надолбы,
сырая неизвестность.

За изморосью зябкою —
домов нечёткий абрис.
Зубами, как морзянкою,
выстукиваю адрес.

Проспект — не видно берега!
Лишь где-то, в отдалении —
фонарь, подобьем пеленга,
и — клавиши-ступени,

ведущие в подвальное
вместилище эдема.
Кафешка инфернальная.
Мирей Матьё. «Je t'aime».

И было всё оранжево
и даже сыто-пьяно.
В углу, забыто заживо,
грустило фортепьяно.

Оранжевыми джунглями
разило в зал со сцены.
Звенели шестиструнные,
пульсировали вены.

И восходили граждане
на подмости высокие —
кто тихие, кто ражие —
но все — прекрасноокие.

И превращались в авторов
нетленных сочинений,
поющих среди кактусов
на освещённой сцене.

Потом спускались, вывернув
всю душу, как карманы,
садились, ноги вытянув,
без алкоголя пьяны,

как будто после выдоха,
блаженно остывали…
Другие ждали выхода
и сдержанно зевали.

Как в зале ожидания —
кто пил, а кто-то кушал,
кто ожидал свидания,
а кто-то даже слушал.

Кто слушал — тот услышал,
кто жаждал — тот напился.
А кто-то просто вышел,
наверно, торопился.

А те, неторопливые,
оставшиеся в зале,
поэзиелюбивые,
всё пели и читали

в оранжевой тональности.
До ночи шла работа.
И ко всеобщей радости
в конце — на память фото...

…Ушла, опустошенная,
в копилку звякнув лептой.
Была душа спасённая
оранжевой и светлой.

О профессиональной лексике

Мой друг, профессиональный пилот,
поторапливает меня, чтобы лететь вместе
и говорит слова, для меня загадочные:
«Давай, Татьяна, скорее, уже
БОРТ ПОСТАВЛЕН НА ПЛАН!»

Поставлен борт на план —
хватайте саквояжи!
Белеют сквозь туман
стальные фюзеляжи.

На план поставлен борт —
дожуйте макароны!
Шумит аэропорт,
трепещут элероны.

На борт поставлен план.
А план поставлен на борт.
Расстроен капитан:
съезжает крыша на бок.

Мой друг, воздушный асс!
Мы время лишь теряем!
Настроим наш компас
на Ожегова с Далем!

Провокационное

— Поймите правильно, друзья,
совсем не сложно:
по-русски можно, лишь «нельзя»,
а «льзя» неможно.

«Неможно» тоже не моги,
по-русски нет такого.
Такие, братцы, пироги.
Ну да, хреново*…

А «не моги» – опять не те
примеры взяты.
Ну, прям какой-то конь в пальте!
И весь измятый.

Ну да, не носит конь пальта,
конечно, верно.
Одёжа, прям сказать, не та…
Ну, очень скверно…

— Не говорите ерунды,
коней седлают!
В одежде коням нет нужды,
они летают!

Летают куры и слоны,
летят коровы.
Мы берегти их всех должны,
И мы готовы

их, как родную речь беречь,
им так нужна забота!
Мы сохраним родную речь!..
Простите, звонит кто-то.

---

* *Большой современный толковый словарь русского языка. 2012: II прил. разг.-сниж. Очень плохой, ненужный, негодный; скверный. Хрен — это растение семейства крестоцветных. Весьма горький на вкус. Так что «хреново» в разговоре заменяет слово «плохо» в степени усиления. «Каждый понимает в меру своей испорченности»*

Об авторе

Новикова Маргарита Георгиевна, закончила МГИИЯ имени Мориса Тореза по специальности английский и испанский языки. Преподавала в РГГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова. Член ЛИТО ЦДУ РАН.

КРЕДО

Горизонт

«Ищу я в этом мире сочетанье
Прекрасного и вечного.»
(И.Бунин)

Притягивает взгляд мой горизонт —
Где сходятся земля и небо,
Где горнего Эдема сон
И где воздушных замков небыль.

Стремится зачарованная даль
Туда степной тропой, стиха строкою.
И кажется, что вертикаль
Небесной рухнет вдруг стеною.

Но в землю прорастает вертикаль
Изломом молнии, грозы свеченьем,
Чтоб пересечь горизонталь
Крестом на месте сочлененья.

Спасителен креста тяжёлый стан
(Земли и неба хрупко равновесье).
Он держит небо, как атлант,
Руками упираясь в поднебесье.

Но в землю прорастает вертикаль
Корнями цепкими древа познанья.
Навеки нам дана скрижаль
Прочесть законы мирозданья.

Таинственный далёкий горизонт...
Оттуда прилетит мечта жар — птицей.
Но на земной горизонтали — Дом.
И светит в окна дальняя зарница!

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

СтихоТворчество

Оживший вулкан

Зелёный конус обвевает ветер,
Молчит уснувший до поры вулкан.
Но вдруг взорвался как-то на рассвете —
Забил сквозь кратер огненный фонтан.

Шипели звуки, извергались фразы
И жерлом бурно хлынули слова
Они стихами застывали сразу,
Побыв горячей лавою сперва.

Теперь,с надеждою на вдохновенье,
В сомненье до последнего штриха,
Я жду чудесной лавы изверженья,
Чтоб вновь услышать музыку стиха.

Стихоплетение

Признаюсь: ночи напролет
Плету я кружево стихов,
Скрепляя петельками слов
Ажурной ткани переплет.

Она трепещет на ветру
И сквозь неё проходят сны.
Неопалимой купины
Не дай, Господь, придать огню!

Её попробуй разорвать —
Прочнее ткани не найти.
Пусть время на своём пути
Успеет кружево связать!

Предвкушение

«Скрепи перо, черней бумага.»
(И.Бродский)

Я целый день кружу вокруг стола
И предвкушаю.
Нависла капля на конце пера,
На самом крае.

Осенний ветер за моим окном
Дождь предвещает.
И капля, пренебречь стремясь пером,
Строкой стекает.

Строка чернеет на снегу листа
Свободной птицей.
Собьются в стаю дружную стиха
Строк вереницы.

Наполни, небо, рифмами стило,
Чтоб вновь излиться,
Чтобы от бремени оно могло
Освободиться.

Волшебный напиток

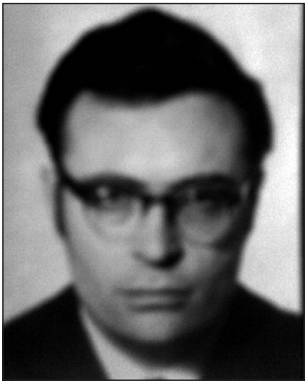
Вот кубок Колдовского зелья —
Один глоток и... Обретешь везенье
Поэта — целится строкою,
Пронзая сердце меткою стрелою

Молю! Мне дай ещё попытку!
Позволь вкусить волшебного напитка!
И я придам упругость строчке,
Прозрачность — смыслу, слову — оболочку.

Пополнить часослов молитвой...
Найти мне краски из какой палитры?
Да, труд! Но каково блаженство!
И творчеству наградой — совершенство!

О, друг поэт, дай мне вкусить
Волшебного питья!

Борис Ольхов



Об авторе

Кандидат технических наук, автор четырёх поэтических сборников. Публиковался в Альманахах ЛИТО Центрального дома учёных РАН, «Муза», «Антология лирической поэзии», «Мужи и Музы».

* * *

Я стою у окна, с высоты этажей
Вижу каменный двор в окружении стен.
Ты проходишь одна без послушных пажей,
Без натасканных свор, стерегущих твой плен.

Эта прелесть лица! Эта бездна очей!
Эта гордая стать олимпийских богинь!
Мне б таблетку свинца от бессонных ночей,
Чтоб мечтать перестать, а минувшему — сгинь!

Но не тает мечта, словно дым миража,
Точит сердце и мозг, как прожорливый червь.
От ствола иль меча, от броска виража,
От плетей или розг лопнут вена и нерв?

Ты проходишь одна тот же путь, что вчера.
Мне бы броситься вслед, жизнь несёт меня вспять.
Если бездна — без дна, без ночей — вечера,
Сколько надобно лет, чтобы встреча — опять?

Где-то Я, где-то ТЫ, но не ставшие МЫ.
Это время вершит роковой приговор.
Я смотрю с высоты сквозь решётку тюрьмы.
Свет далёкий спешит через каменный двор…

* * *

Я о Тебе не знаю ничего.
Лишь только то, что Ты сама сказала,
Лишь только то, что память нанизала
На нити — раны сердца моего.

«Так вышло. Что ещё хотите знать?
Да, друг, да, были до и будут после.
Какой в конце строки поставить знак?
Да череп и обугленные кости».

А может, поднимая свой бокал
И глядя на искрящуюся пену:
«Зачем же так, за горло, за бока?
Себе ведь каждый лучше знает цену!»

Я знаю, трезво взвесив, рассудив
С Тобою мне давно пора расстаться.
Да мало ли на свете разных див!
Без взяток, при своих, хотя б, остаться.

К распахнутому светлому окну!
Азартен, но в игре — такая бездарь!
И снова рвусь к зелёному сукну,
В зелёных глаз распахнутую бездну.

Опять влечёт к игральному столу,
Где нет ни обвинителя, ни судей,
Но дама пик прижмёт виском к стволу,
И грянет залп из тысячи орудий.

Безумцу долго жить не суждено.
Обвал или волна накроет разом.
Лишь мысль о том, что было прежде, но
Она уже не выплеснется фразой.

А может, не во сне, а наяву:
«Мой друг, не надо с этим торопиться,
Я, право, и сама-то не пойму,
Но, кажется, успела в Вас влюбиться».

* * *

Запомнил навсегда я этот вечер.
Зима, «Ударник», на экране — «Бал».
Я первый раз пришёл к Тебе на встречу.
Тебя я, как мальчишка, жадно ждал.

Вот полчаса осталось до начала.
Подходит кто-то «Лишний есть билет?».
Минут, конечно, Ты не назначала,
Но странно как-то, нет тебя, и нет.

Хожу, растерян, возле тротуара.
Букет, коробка лакомых конфет.
Касаюсь взглядом строк репертуара.
Вопрос, и сам даю себе ответ:

«Чего я жду? Безумною надеждой
Смертельно ранен мой усталый ум».
Кругом — вдвоём, а я один, как прежде.
Звонок к началу. Улиц вечный шум.

Сверкающий цветной рекламой город.
А Ты шла через Каменный пешком.
Мне тесен стал пальто широкий ворот.
В груди застрял какой-то твёрдый ком.

И грянул «Бал». Лишь музыка без речи.
В моих ладонях кисть твоей руки.
Не стала Ты кокетливо перечить
Моим движеньям робким вопреки.

До дома — девятнадцатый троллейбус.
Дождит. Зонтов у нас с тобой нема.
Природа задаёт какой-то ребус:
Откуда дождик? Ведь ещё зима.

«Спасибо. Очень вкусные конфеты.
Спасибо. Очень милые цветы».
Я понял в этот вечер, что на свете
Есть счастье. И оно зовётся — Ты.

И понял я ещё, что беспредельно
Твоё ко мне доверие, и сам
Я верю, если назван понедельник,
Ты будешь ровно к тем семи часам.

А сели говоришь, что не сумеешь,
С расспросами не надо приставать,
То курсовой доделать не успеешь,
То заболела, то болеет мать.

Короткая минута расставанья.
И ночь — глаза сомкнуть не удалось.
И первое про робкие лобзанья
В моём ожившем сердце родилось:

* * *

Я хотел целовать твои губы,
И волос завиток на виске.
Но в ответ изумлённо, не грубо:
«Этот дом ваш стоит на песке».

Сердце замерло, стиснуты зубы.
Как об этом подумать я мог!
Я хотел целовать твои губы.
Я целую следы ваших ног.

Это строки пришли ко мне ночью.
А к утру в зыбком сне, как воочию,
Были краски и музыка бала.
Было море и брызжущий вал,
И Ты робко меня целовала,
И я нежно Тебя целовал.

* * *

Сегодня ночью Ты ко мне пришла
В мой старый дом в излучине Арбата.
Не понимаю, как его нашла.
Мы только раз бродили там когда-то.

Был полон дом красивых добрых лиц.
Накрытый стол. Широкие постели.
Знакомый скрип паркетных половиц,
А на стене твоё лицо в пастели.

В дверях — отец, а чуть поодаль — мать.
Глаза, улыбки полные привета.
«Входите! Мы Вас так устали ждать!
Ведь это Вы, мы видим по портрету».

А я стою — безмолвен, недвижим.
Лишь твой иконный лик передо мною.
Какой, скажи, волшебник, добрый джин
Собрал нас всех полночною порою.

Здесь те, кого давно меж нами нет
И те, о ком я знал из старых писем,
И дом, и я, и Ты, и твой портрет,
Который только должен быть написан.

«Прошу к столу!» — и старый мажордом
Препроводил гостей изящным жестом.
«Наш первый тост — за этот чудо-дом» —
Провозгласил высокий старец с жезлом.

Встаёт другой. Он первому под стать —
Широкий плащ и шляпа с мягкой тульей:
«Наш тост второй — друзья, прошу всех встать —
Застольный гам, движенье ног и стульев —

Наш тост второй — за милых сердцу дам,
С одной из них и я на век повенчан
И за неё, коль надо, жизнь отдам!
За наших верных, за любимых женщин!».

Встаю и я. В руке моей хрусталь.
Кипит вином, играет гранью чёткой.
Я подношу его к твоим устам,
Но Ты молчишь, перебирая чётки.

Вдруг прозвучал какой-то трубный глас.
Высокий гость об стол ударил жезлом.
Мгновенно в люстрах яркий свет угас.
И дом, и Ты, и всё вокруг исчезло.

Сегодня ночью Ты в мой сон вошла,
В мой старый дом в излучине Арбата.
Не понимаю, как его нашла.
Мы только раз бродили там когда-то…

* * *

Ты в летнем платье хороша,
В наряде зимнем Ты прелестна.
Гляжу, любуюсь, не дыша,
Ты лучезарна, как невеста.

Ты для меня сказала ДА!
Я жил на свете не напрасно.
Ты ослепительна всегда,
Но всё ж минуты нет прекрасней,

Когда ко мне Ты подойдёшь
И снимешь кольца, серьги, гребни,
Лучистым взглядом призовёшь —
О, этот зов, как мир наш древний —

И вечный миг для нас двоих.
Ресниц манящая опушка.
И два крыла волос твоих
На белоснежности подушки.

* * *

Ничего на свете нету слаще
Лепестков твоих горячих губ.
Летним днём бреду лесною чащей,
Для соседа ставлю зимник-сруб,

Цепью строчек нового проекта
Мысль спешит, а ей вослед перо,
Замер взгляд, прорезал тьму проектор,
Ожил мир Шекспира и Перро.

Только где, когда и с кем бы ни был,
Всё равно, все мысли об одном:
День наступит, былью станет небыль,
Я опять войду в знакомый дом.

Ты меня встречаешь не по чину,
Я совсем не молод, не красив.
Я теперь уже не тот мужчина,
Что был полон ловкости и сил.

На моих висках блестят седины.
Как всегда, прекрасна будешь Ты.
Ты ещё вдали от середины,
Я вблизи назначенной черты.

Всё равно, любить Тебя сумею,
Как и прежде нежно, глубоко,
Всё равно, сказать тебе посмею,
Как сказал старик Ларошфуко:

«Если губы есть для поцелуя,
Если руки для объятий есть,
Можешь смело — к милой, не рискуя,
Что мужскую ты уронишь честь».

Я замру, обняв Тебя за плечи,
Захлебнусь волной твоих волос,
Боль мою рука твоя излечит,
Снова быть с Тобою довелось.

Ты опять такая же, как прежде —
Чудо первозданной красоты.
Ком небрежно сброшенной одежды.
Вот и край застеленной тахты.

Обойму, согласным трепетаньем
Наших тел наполним эту ночь.
Тихий стон. Дышу твоим дыханьем.
Только Ты! Весь мир — поди он прочь!

Растворюсь в Тебе, как слёзы в море.
Дивный лик, бездонных глаз туман.
Ну а если ты решишь заспорить,
Скажешь: «Это игры и обман»,

Я отвечу: «Жизнь идёт по кругу,
Чудеса случаются подчас.
Я нашёл желанную подругу.
Ты нашла опору в трудный час.

Будем пить! Шампанского налей-ка!
Мы вдвоём за праздничным столом!
Наша жизнь – не медная копейка —
Будем жить!» *Long live! Салям! Шолом!*

* * *

У нас уже давно не средний возраст,
У каждого свой дом, своя семья.
Не те, что прежде, ловкость, стройность, скорость.
Стареем понемногу ТЫ и Я.

У нас с Тобою разные заботы,
У нас с Тобою разные пути.
Теперь другой с Тобою рядом кто-то.
Надеюсь я, что счастлива с ним Ты.

Надеюсь, что судьба Тебя хранила
От горестей, страдания и бед.
А мы с Тобой не тратили чернила
Подписывать безбрачия обет.

А в общем-то, я даже и не знаю,
Жива ли Ты, и если да, то где.
Но в час ночной, когда один без сна я,
Бывает, что я вспомню о Тебе.

Под шум дождя осенней непогоды
Я строки старых писем перечту.
Напомнят мне они былые годы,
Несбывшуюся давнюю мечту.

Но нет во мне теперь ни сожаленья,
Ни тяжести разлуки на века.
Уносит время наших душ смятенье,
Как лист опавший быстрая река.

* * *

В мелькании дней, в быстротечности лет
Меняются души и лица.
И только какими родились на свет
Останутся эти страницы.
Под спудом лежит лотерейный билет
И ждёт объявленья в таблице.
Быть может, на склоне промчавшихся лет
К ним память твоя обратится.
Быть может, изменит орбиты планет
Ещё неизвестная сила,
Сотрутся орлы у расхожих монет —
Судьба их по свету носила,
Сотрутся подковы рабочих коней,
Изменят названья столицы,
И жизнь оборвётся, но в память о ней
Останутся эти страницы.

Об авторе

Людмила Федоровна Плиско, канд. хим. наук, преподаватель Медицинского Университета, член ЛИТО Центрального дома ученых РАН. Ее научные интересы — область биофизики, ее увлечения — путешествия по миру. Ее стихи — это ее представления о мире, о жизни и о себе. Опубликовано несколько сборников стихов и хроники семьи.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Исповедь

Я везде чего-то ищу. И это то, что хоть немного приближается к идеалу на Земле. Мне этого идеала не хватает. Поэтому для меня ценно то, что приближается и приближает нас к этому недостижимому идеалу в форме, ритме, гармонии, природе и в создании рук человеческих. А создание, сотворение этого рождается в сердце и, оформляясь в разуме, творится руками.

Я называю этот поиск мечтой. Эта мечта творит цель, направляет и не даёт потерять надежду этот идеал отыскать. А, главное, в том, что она намечает путь, поиск, творит действо и не даёт иссякнуть интересу к творениям разума и рук человеческих, и тем приближает к мечтаниям людей. Наличие такой мечтательности характерно для нашего, русского, народа. Она таится где-то в глубинах сердца и разума, об этом не судачат, а появляется она на свет в виде творений искусства. Эти творения любой облик могут иметь, но они — выражение этой мечты, этого неиссякаемого в душе стремления к идеалу.

Попробуй это облечь в законченную форму и пропадёт эта мечтательность, недосказанность, намёк, поиск, тяга, тайна и всё равно не будет представлять идеала. Он изменчив и потому недостижим.

Что я люблю

Всегда стремилась к знаниям, видению и познанию мира. Путешествие для меня главное увлечение. Книгу уважаю и люблю. Из занятий большее наслаждение доставляет чтение. Очень важны для меня семейные традиции — круглый стол, семейные встречи, письма. Музыка классическая, инструментальная, ритмичная, благозвучная.

Удивляюсь изменчивости своих приоритетов: в юности я зелёный цвет в одежде категорически отрицала, а теперь люблю его разнообразные оттенки. Люблю оттенки коричневого цвета, сине-сиреневый. Цвет фиалки и аромат жасмина.

Если в юности двигала вперёд увлечённость, то теперь избирательность. Всегда любила музеи и теперь люблю, любовь осталась. В своих многочисленных поездках предпочитала увидеть дела рук человеческих, а не только чудеса природы.

Racio преобладает во мне, но инстинкты ведут, а интуиция вносит коррективы.

КРЕДО

Поэзия, не поступайся ширью
Храни живую точность, точность тайн
Не занимайся точками в пунктире
И зёрен в мере хлеба не считай.
Борис Пастернак (Спекторский)

Всё время бегу

Всё время бегу, всё время в пространстве.
Нигде не заметишь меня в постоянстве.
И мне не является Фауста мысль:
«Прекрасно мгновение — Остановись!»

Встречаются мне в этом бурном движенье
Индийцы с слонами, китайцы с куреньем,
Мальтийские рыцари, Бруклинский мост,
Каньона Великого огненный хвост.

Я каждому встречному слову внимаю,
Язык мегалитов и стел понимаю.
Не то, чтобы очень, но думаю все
Приветы потомкам хранили оне.

И мне бы понять их, притронуться взглядом,
И поклониться их прошлому НАДО!

2009

Кредо

Что нужно сердцу, на мой взгляд,
Где путь к счастливым дням?
Поля и травы, луг и сад —
Весь мир, открытый нам.

На мир направленный мой взгляд,
Что открывает в нём?
Цветы и яблок аромат,
И бдения вдвоём.

А что волнует и зовёт,
Зовёт, тревожа кровь:
Маршруты странствий, пыль дорог
И думы, и любовь.

А вот и будущего зов,
Он в наших детях, внуках,
И в знаньях древних — клад веков,
В познанье и в науках.

И этот многомерный мир
Осмыслить и познать,
И он зовёт, звенит мотив,
Лишь успевай хватать.

25.12.17

Призванье женщины

Призванье женщины, чтоб теплился очаг
И чтоб писалась летопись в альбоме,
Семья сходилась на вечерний чай,
И сердце раскрывалось в этом доме.

Призванье женщины любовью дать любовь,
И нежностью дарить, и теплить душу,
И всё, что говорится ей одной,
Воспринимать и слушать, слушать, слушать.

Призванье женщины быть около всегда,
Без громких слов, без царских церемоний,
Как медленно течёт в реке вода,
Смывая след житейских беззаконий.

Призванье женщины воспламенить любовь,
Зажечь мужское сердце бурной страстью,
Чтоб сердце это поднялось и вновь
Возреяло над грустью и напастью

Призванье женщины для ищущих — отрада
От бурь, сомнений, что в себе несёшь,
Но, может статься, это бездна ада,
В которую безгрешным попадёшь.

11.10.96

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ
Ночной клуб-кабаре «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

Подвал был открыт с 31 декабря 1911 года по март 1915 года, с 11 часов вечера.

«ПОДВАЛ» был опечатан в марте 1915 года после обыска в «Собаке» — «Нас продали с молотка», говорил Пронин, главный организатор и вдохновитель. Так закончился век «Бродячей Собаки». Слишком резко и насильно оборвалась эта поэтическая эпоха, осталась в ней какая-то недовоплощённость, недосказанность…

В Память об исканиях и достижениях Русского Авангарда родилась мечта о возрождении «Бродячей Собаки». Так волновали эти «собачьи карусели», капустники, вечера поэтические, танцевальные, праздничные, разнообразные драматические постановки и пантомимы, художественные выставки, вечера футуристов, символистов, Но эта мечта об открытии «Собаки» долго казалась безнадёжной, а замысел несбыточным.

И вот 7 декабря 2000 года в день 125-летия со дня рождения Бориса Константиновича Пронина открылись двери возрождённой «Бродячей Собаки» в том самом знаменитом Подвале. Воскрес сам дух Подвала — дух свободы, непринуждённости, дружбы, счастья — «СОБАКА» ожила.

Мы бывали в «Бродячей Собаке» неоднократно с многочисленными воспоминаниями его обитателей и творцов.

«БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

Мы спускались по стёртым ступеням,
Тихо в памяти век зазвучал,
В тот Подвал, где плясавшие тени,
Все как раньше одеты на бал.

Вот за столиком в том полумраке,
Оживляя мечтательно зал,
Здесь в Подвале «Бродячей Собаки»,
Мандельштама талант расцветал.

В затуманенном зеркале словно,
Затмевая толпу юных птах,
Подхватили Ахматову волны —
Вся затянута в чёрных шелках.

Повернувшись вполоборота —
«Золотой неразменный» искал,
Мандельштам, и нашёптывал кто-то
К шаржам Альтмана строчки стиха.

Вот в проёме под арками входа,
Маяковский озвучивал роль.
Водрузивши корону под своды,
Северянин — «Поэтов Король».

В сюртуке длиннополом и чёрном,
Отступая, меж тесных столов,
Женщин всех осчастливив поклоном,
Шёл магистр — Николай Гумилёв.

Эти все НЕспектакли, НЕвстречи
Не на сцене, а здесь при свечах.
Их Марина эпохой наречет
Черубины де Габриак.

Бесшабашное это веселье
Продолжает в потомках звучать,
Романтичного века круженье
И свободы искусства печать.

Колдовские стихи прозвенели,
Их под музыку начали петь
Как мелодии – иммортели
Недосказанность в песнях допеть

Мы услышали в песнях ДУЭТА
Здесь в «Собаке» пропетый куплет
На стихи незабвенных поэтов —
Оживал тот Серебряный век,

Вспоминался Кузмин и Кручёных
Маяковский, Бальмонт, Боря Пронин,
Надя Тэффи, Куприн и Коонен —
Сотни значимых человек.

Выйдем вверх по десятку ступеней,
И Театр, и Музей здесь царит,
Пушкин в небе — величия гений
Так же Площадь Искусств сторожит.

30.03.18

Чужие стихи

Чужие стихи,
Прорастая малым росточком
В твоей душе,
Разрастаются новыми стихами.
Образ, родившийся не у меня

4.04.18

В Подвале «Бродячая Собака» 5.04.2018 мы побывали на концерте «Золотая любовь Серебряного века», где в исполнении Олега Попова прозвучали стихи:

Михаила Кузмина (1872–1936), Анны Ахматовой (1889–1966), Александра Блока (1980–1921), Игоря Северянина (1887–1941), Константина Бальмонта (1867–1942), Осипа Мандельштама (1891–1938), Николая Гумилёва (1886–1921), Теффи (Надежды Лохвицкой, 1872–1952), Владимира Маяковского (1893–1930), Марины Цветаевой (1892–1941) и Бориса Пастернака (1890–1960).

Анна Ахматова
(24.06.1889 – 5.03.1966)

Безграничное очарование,
Безраздельная власть и тепло,
Человеческое обаяние
Привлекало, тянуло, звало.

Благодарное снисхождение,
И без просьб её, без мольбы
Ей на помощь душевное рвение
Люди трепетно так несли.

Закупорена в личном горе,
Что дотронуться даже нет сил,
И её истечение кровью
Вдруг разрушено было в миг.

Всех накрыло бескрайнее горе —
На страну ощетинился враг,
И тогда, затянувшие пояс,
Все поднялись и встали под танк.

И в эфир тогда выдала Анна,
Что в наш город фашист не войдёт,
Ну а мужество наше безгранно,
Наше мужество нас спасёт.

Так доходчиво было то слово,
Её искренний патриотизм
В ночи страшных бомбёжек сурово
В ленинградский союз всех сплотил.

Тесна в городе жизнь, разорённа,
Только Анна не зрит суеты.
На вопросы: — А кто она, Анна?
Просто Дама, ответ такой был.

9.04.2018

Михаил Кузмин
(6.10.1872 – 1.03.1936)

Поэт, прозаик, драматург —
«Кузмин — О, чародей!».
Жилет из шёлка, шире круг!
Заядлый книгочей.

Эстет в искусстве, «русский денди»,
Но древнее сквозит сквозь шёлк,
Забальзамированный гений,
Из Древней Греции пророк.

Возник в трагической России
С эллинской радостью в стихе,
От наслажденья днями жизни
Красоты мира он воспел.

Изящество, певучесть, лёгкость
В поэзии — прекрасный стиль,
А в «Золотом Руне» всё спорят:
Какого стиля этот стих?

Он «общий баловень, насмешник»,
Стихи читает и поёт —
В мелодиях аккордов пышность,
Рояль раскрыт: Кузмин поёт!

Им не любим ни Вагнер, ни Бетховен,
Он Гейне, Шумана не почитал,
Ни Ибсена, ни Шиллера морали
И, даже, Байрона не уважал.

С любовью к Брюсову, Рабле и Дон Кихоту,
Флоберу, Франсу он поклоны слал,
А в музыке вокалу и балету
Он предпочтение своё отдал.

Любил он кошек и цветных павлинов,
В кругу семьи (чужой) любил он жить,
Любил гранаты-камни, жемчуг, глину
«кошачий глаз», святые янтари.

Писал он музыку и пьески,
В России продолжал он жить,
Был также полон интереса
Пить, есть, по улицам ходить.

Петля затянута на шее
«Форель всё разбивает лёд»,
Но мирный, скромный, тихий гений —
Ушёл он с грацией в полёт.

9.04.18

Надежда Теффи
(24.04.1872 – 6.10.1952)

ТЕФФИ — псевдоним Надежды Лохвицкой. Надежда взяла поэтическое это имя, чтобы иметь отличие от имени старшей сестры МИРРЫ Лохвицкой, которая стала очень известной в начале 20 века. У Мирры протоарийские черты, «серафимический и демонический» дух. Её любовь — «Лионель» — певец Луны — Бальмонт.

Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны,
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.
Женщинам будущего Мирра оставила наказ:
Умей молчать! Умей любить! Умей страдать!

Два лица Надежды Теффи

Дружила взахлёб со всеми. «Лучшей, изящнейшей юмористкой современности» — называла Теффи критика. Слёзы (невыплаканные) –«жемчуг моей души». А публика любила смеющуюся Теффи. На вопрос, кого Он хочет поместить в Юбилейный Сборник «300 лет Дому Романовых» — император Николай II ответил: «Теффи! Только её, никого, кроме неё, не надо. Одну Теффи!».

«Кё фер?» (Что делать?) — шедевр Теффи в эмигрантском журнале. Она описала общее чувство растерянности и потерянности, охватившее русских на чужой земле. «Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь… Вянет душа, руки вянут, гаснет взгляд. Думаем только о том, что теперь ТАМ. Интересуемся только тем, что приходит оттуда».

Надежда Теффи

У Надежды два лица,
Словно в греческом театре:
То улыбка в пол-лица,
То отчаянно заплачет.

Жизнь — то череда Удач
«Королеве фельетона»,
То душе её невмочь
Жить в невыплаканных слёзах.

Попыталась быть «как все»,
Но пришлось бежать, заплакав,
Ведь, талантливые — все
Снабжены особым знаком.

И в «КЁ ФЕР?» — сказала так:
Русским на чужом погосте —
Руки вянут, гаснет взгляд,
И душа другого просит.

В вымысле жила сама
И в фантазиях бродила.
Смех с слезами пополам.
Кошек искренне любила.

И Серебряный корабль, тот
С пурпурною каймою,
Теффи, выслушав эклог,
Рекла: Он приплыл за мною.

10.04.18

Николаю Гумилёву
(15.04.1886 – 3.08.1921 арестован и расстрелян)

Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.
«Выбор». Николай Гумилёв

Поэт, путешественник, воин,
Вся Африка плачет о милом.
Щита и меча был достоин
И скипетра, и оливы.

Мечтал, утверждал, добивался,
Создал себе символ поэта,
В тайге эфиопской скитался,
Шедевры писал об этом.

А жизнь — она нрава иного,
Заставит копать её твердь.
Не исполнил он права земного —
«Самому выбирать свою смерть».

20.04.2006

Встреча с Маяковским в Париже

Направо от нас – Boulevard Montparnasse,
Налево – Boulevard Raspail.
В. Маяковский, «Верлен и Сезанн».

Париж
Фиолетовый,
Париж в анилине
Вставал
За окном
«РОТОНДЫ»
В. Маяковский.

Из осеннего воздуха выткалось облако,
Comment ca va, Cher Voldemar.
Встретить Вас сегодня в «Ротонде» —
Это бесценный, осенний дар.

Бывало, сезон здесь — Ваш бог Ван Гог,
Другой сезон — Сезанн,
А сегодня у нас Маяковский — бог,
Сегодня в «Ротонде» — бал.

Вы шли по Парижу, «не щадя каблука»,
Ходили и ночь, и день,
И мы закружились, нашли пока,
В кафе Вашу могучую тень.

А мы отсюда прямо в Версаль,
Зовут Валуа, знаете оных?
Нет, ну до встречи, пока — пока,
Встретимся в Доме Учёных.

Раскрылись снова Бульварные линии,
Мы вышли — встречей тронуты.
Париж фиолетовый, Париж в анилине,
Вставал за дверью «Ротонды».

16. 10. 2013

Одесса. Гамбринус

Бар «Гамбринус», Дерибасовская, 31

Долгое время (30 без малого лет) играл в этом кабачке на скрипке совсем неплохой продолжатель творчества легендарного скрипача Сашки — Осип Борисович Бровер. Он тоже с блеском исполнял любые мелодии по-прежнему интернациональной Одессы. Каждый вечер играл на скрипке для развлечения гостей музыкант Ося. Пел он и о тех легендарных временах, когда царствовал Мишка Япончик — король Молдаванки. А мы побывали в Гамбринусе в мае 1988 года, и запомнилось это надолго.

Гамбринус

Мы пришли в кабачок, как в музей —
Бар «Гамбринус» известен в Одессе.
Свод как в трюме, канатов узлы,
Разогретость от «Бейлиса», песни.

Две широких ступени — подъём,
А мелодии самые разные.
Кто же их исполняет? Идём!
Мне они показались прекрасными.

Исполнитель гостям из Москвы
Пел одесские старые песни.
Ах, как дивно крутил он усы,
Этот Ося, джентльмен из Одессы.

Он уже так давно здесь играл,
Что история города зрела:
Здесь и Мишка Япончик страдал
И рассказы Куприна звенели.

Любознательность нашу учли,
Пригласили придвинуть наш стол,
И на стол нам уже принесли
По второму бокалу ликёр.

Как же вечер в Гамбринусе пел,
И как лица гостей всех цвели,
А скрипач-исполнитель нам пел
Песни всех регионов Земли.

3.04.18

Короткое слово «ПОКА!»

Это краткое-краткое слово: «ПОКА»,
Как же много в том слове души и тепла,
Собирает, сжимает, хранит у виска,
А потом лучезарно дарит вам: — «ПОКА!».

Развернув к вам ладони и сердце открыв,
Распахнулась навстречу душа.
Из короткого слова «пока» веет зов
Новой встречи: «До встречи, пока!»

Здесь поклон, обожанье и дружеский вздох
Лишь бы встреча была нам близка.
Так, До встречи! — «адьё» и До встречи! — «пока»,
Расстаёмся, «как выйдет», друзья.

25.12.17

Об авторе

Познякова Нина Тимофеевна окончила МГПИ иностранных языков, работала преподавателем, переводчиком. Пишет стихи, рассказы, повести. С 2011 года является членом Литобъединения ЦДУ РАН, её произведения публиковались в альманахах ЛИТО за 2012–2015 годы. В 2014 году вышла первая книга Н. Т. Позняковой — лирическая комедия «Кумир». С 2013 года активно работает в творческом клубе «Зеркало» района Северное Измайлово, участвует в подготовке и проведении литературных и музыкальных тематических вечеров.

КРЕДО

* * *

В моем саду улыбка розы
Меня встречает поутру.
Сотру вчерашней грусти слезы,
Печали след с лица сотру.

Пройду по утреннему саду,
Он весь купается в росе,
И за мои труды — наградой
Он предстает во всей красе.

Предназначение земное
На свой исполнила я лад:
Детей родить, и дом построить,
И вырастить цветущий сад.

Вероника Тушнова

Великая любовь не всем дается,
А уж дана — она дана навек,
Когда одно лишь есть на свете солнце,
И это солнце — твой любимый человек.

Когда прожить без миллионов — можно,
Без одного — прожить никак нельзя,
Но ты живешь, покорно и тревожно,
Безжалостной разлуки груз неся.

А редких встреч, что пролетят, как птицы,
Минутой каждою умеешь дорожить,
И сто часов свиданий — по крупицам —
В копилку счастья бережно сложить.

И нет дороже сокровенного запаса,
Который ни на что не променять:
Преображенье вместе прожитого часа
Нести в душе, как дар, как благодать.

И жить светло, не закрывая двери,
В любви безмерной — забывать себя.
И ждать, любить, надеяться и верить,
Сказав: «Не отрекаются, любя».

* * *

Посвящается Дому ученых РАН на Пречистенке.

Вот и октябрь, зовет меня Пречистенка,
Здесь я к когорте литераторов причислена.

Поэзия давно здесь дружит с прозою,
Как лилия порою дружит с розою

В саду, где дивная царит гармония,
Где красок ярких и оттенков — симфония.

Теперь по улице идти — такое счастье,
Она ведь вымощена заново так тщательно.

Старинный особняк откроет двери нам,
Достойны ль будем мы его доверия?

Вот на воротах львы — не грозные, притихшие,
Почти два века смотрят на Пречистенку.

Вы видели еще купчиху Кашину,
Скажите, рады ли вы — веку нашему?

Совсем не страшные, из камня — львы,
А нашему приходу — рады ль вы?

Друзей нашла я здесь нежданно так, негаданно,
А в нашей жизни дружба — ценность главная.

К их творчеству так рада я причастности,
Все прочее — лишь мелочи и частности.

Зовем друг друга мы по имени, без отчества,
Степенность возраста нам примерять не хочется.

Слова привета и улыбок обаяние —
В моей судьбе награда, достояние.

Благословен будь, Дом любимый на Пречистенке,
И мы, твое сообщество речистое,

Благодарим тебя за доброту и искренность,
Слегка наивную — убранства выспренность,

За пониманье и неравнодушие,
Еще — за градус ресторанного радушия.

Мы души наши и все помыслы пречистые
Несем к тебе, наш Дом любимый на Пречистенке.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Поэтическое слово

Посвящается Л.И.Колодяжной

Нам этот мир дается в ощущеньях,
Мы помним вкус вина и вкус еды
И то неповторимое мгновенье,
Когда испили мы колодезной воды.

Она нас стужей ледяною охладила,
Восторгом несказанным обожгла,
Легко с жестоким миром примирила
И будто прямо к небу вознесла.

Когда мы слышим поэтическое слово, —
Дар истины, добра и красоты, —
Мы с радостью сравнить его готовы
С глотком чистейшей, из глубин, воды.

Где мысли поэтической истоки,
Какой незримый нас влечет порыв,
И почему рифмованные строки
Берут нас в плен, все чувства обострив?

Хотим, чтоб наше слово — было ново,
Всю ночь без сна изводим мы листы,
Чтобы найти единственное слово —
Колодезной, кристальной чистоты.

Мольба

(Перевод стихотворения французского поэта Сюлли-Прюдома)

Когда бы знали Вы, что сердцу невозможно
Груз одиночества всю жизнь нести,
Мимо жилища моего вы осторожно
Могли б пройти.

Когда б Вы знали, что легко сумеет
Ваш чистый взгляд прогнать мою печаль,
В окно мое хоть раз Вы б поглядели,
Пусть невзначай.

Когда бы знали Вы, как могут много
Сердца друг другу дать и счастья, и добра,
Присели б Вы у моего порога,
Словно сестра.

Когда бы знали Вы, как Вас люблю я,
И как сильна любовь моя,
Вы в дом мой двери б распахнули,
Промолвив: «Вот и я!»

Сумерки
(Перевод стихотворения французского поэта Гийома Аполлинера)

Руины рейнских берегов,
Здесь обнимать тебя люблю я:
Спектакль для зорких моряков,
Что шлют нам сотни поцелуев.

Внезапно, как на нас — любовь,
Так ночь нисходит на руины,
И шеи тянут к нам из волн
То нибелунги, то ундины.

Шум в виноградниках густых,
Визг пьяных гномов режет уши.
Ничуть мы не боимся их,
Мы песнь русалок будем слушать.

Галина Поляк

Об авторе

Поляк Галина Андреевна. Образование высшее техническое (Полиграфический институт. Механический факультет). Работает ведущим инженером — конструктором в АО «НПО» «Алмаз-Антей». Постоянно пишет в стихах тексты сценариев для проведения юбилеев и для проведения праздников. Регулярно печатается в газете предприятия «Утёс».

* * *

Не претендую я на безупречность.
Нет в творчестве проторенных дорог:
В одних стихах находим мы сердечность,
в других есть мелодичность, лёгкость строк.
Но каждый автор в них привносит что-то:
То озорство, то радости глоток,
свои переживания, заботы...
Едва омоет мысль стихов поток,
она вдруг оживает на листочке.
И станет так читателю близка,
что снова к книге тянется рука.
Чтоб ближе стать к запавшей в душу строчке.

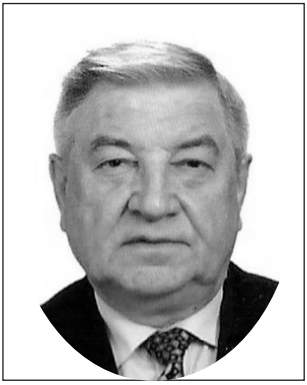
* * *

Слова. Без них общенья нет.
Они — твой инструмент, поэт.
И проза, что живёт века, —
дитя родного языка.
Язык! Подвластно всё ему.
«Да будет свет! Разгонит тьму» —
Так Бог сказал. Читала я
об этом в книге Бытия.
И с этого всё началось…
Пусть вертится земная ось,
Пусть созиданью служит слог,
что жизнь Земле создать помог.

* * *

Наш русский язык, наша русская речь!
Тебя нам веками лелеять, беречь.
Речь нас формирует нюансами слов.
В ней мира познанье, эмоций покров.
А творчество — душ отраженье. Оно
волнует, несёт зрелой мысли зерно.
Коль сердце не камень, зерно прорастёт.
И станет бутоном, потом расцветёт.
И мир наш украсит. А после плоды
мы все соберём, урожаем горды.

Об авторе



Поляков Василий Евгеньевич родился в г. Москве 4 июля 1938 года. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, академик Международной Академии информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры.

Награжден знаком «Почётный донор СССР», медалью «850-летие Москвы». Лауреат литературной премии «Медицинской газеты» за 2005 г. Принят в Московскую организацию Союза писателей России в 2011 году. В 2013 году награждён дипломом им. М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» и медалью «М. Ю. Лермонтов 1814–1841». В 2014 году награждён почётным знаком «Союз писателей России», дипломом-2014 «За верное служение отечественной литературе», медалью «60 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954–2014».

Написаны и изданы восемь (8) книг: «Книга о врачах и причастных к медицине» (2006), книга стихов «Грустное и смешное» (2006), роман «Вирсавия (Роман Алексея Стрелкина)» (2007, 2009–2010, 2014), книга новелл « Розы обязательно зацветут» (2007–2008), книга очерков « Молочный поросёнок под хреном» (2009), автобиографические записки «Рябина на коньяке» (2014), книги «Хрупкое счастье» (2016) и «Персоналии» (2016).

Награждён дипломом Московской организации Союза писателей России Литературного конкурса «Лучшая книга 2014–2016» за книгу «Хрупкое счастье» в номинации Проза.

Международный фонд славянской письменности и культуры в 2017 году наградил Полякова Василия Евгеньевича, прозаика, Почётной грамотой в связи с выходом юбилейного, 30-го номера альманаха «Славянские встречи» (Почётную грамоту подписал Президент фонда Крутов А. Н.)

Член ЛИТО ЦДУ РАН.

КРЕДО

Врач Берле начинает и выигрывает

На самом юге Азии, почти у экватора, в Индийском океане расположен тёплый остров Шри-Ланка, площадь которого почти соответствует площади Эстонии. За богатую растительность, полноводные реки и водопады, экзотичность зверей и птиц остров издавна называли земным рае

В 1555 году португальские колонизаторы привезли с этого острова красивые цветы алого, пурпурно-красного и оранжево-розового цвета в Константинополь. Луковицы этих цветов охотно раскупались на рынке.

Голландский купец Жорес Ван де Рей узнал о существовании заморских цветов от моряков. Но правильно говорят, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Через 7 лет купец сам попал в Константинополь. Красота цветов пленила его. Он купил несколько луковиц и повёз цветы на родину. Каждая луковица удивительно напоминала турецкий головной убор «тюрбан» и поэтому считают, что слово «тюльпан» — это иноязычное произнесение на голландский манер слова «тюрбан». Цветы прижились и распространились в Голландии.

Местным жителям и приезжавшим в Голландию иноземцам цветок так полюбился, так много людей восхищались его красотой и хотели иметь его в своем саду, что довольно скоро выращиванием тюльпанов увлеклись многие цветоводы. Настойчиво отбирая цветы, у которых появлялись редкие оттенки краски и причудливые формы, любители тюльпанов вывели гладкие и махровые цветы, ровные и с фестончатыми краями. Наряду с традиционными алыми, розовыми и красными цветами получили и совсем уж необычные: золотисто-жёлтые, кофейно-коричневые, фиолетовые, серовато–мраморные, белые. Ценители насчитывали около полутора тысяч оттенков этих цветов. Редкие сорта луковиц из года в год дорожали. За некоторые луковицы хорошо платили. Постепенно цветоводство в Голландии превратилось в весьма доходное дело, что в свою очередь подогревало интерес публики к этим цветам и превратило цветоводство в Голландии в весьма престижное занятие.

В конце XYII века в городе Дордрехте жил врач и натуралист Корнелиус ван Берле. Исповедуя красоту гармонии человека с окружающей его природой, Берле умел не только прийти на помощь больно-

му и слабому. Естественное тяготение здорового человека к прекрасному побуждало Корнелиуса изучать природу. Он собрал и составил множество коллекций растений, цветов, различных насекомых. Это не было простым собирательством, так как Берле предпринял попытку классифицировать все растения Голландии! А самым любимым занятием этого человека, превратившимся в подлинную страсть, стало для него выращивание тюльпанов. Закупая в различных странах Востока редкие экземпляры луковиц, врач высаживал их в своей оранжерее, выращивал, подвергал специальному уходу, скрещивал и выводил всё новые и новые разновидности этих цветов.

Главным центром разведения тюльпанов в Голландии был город Гаарлем, расположенный на берегу моря. Морской воздух, защищенность от северных ветров и обилие солнечных лучей превратили этот городок в огромную естественную теплицу тюльпанов. Авторитет цветоводов был очень высок. Они диктовали моду на тот или иной цветок, устраивали выставки-ярмарки, устанавливали и объявляли премии за цветок редкой формы, оригинального цвета.

В 1672 году общество любителей тюльпанов города Гаарлема объявило премию в 100 000 флоринов тому цветоводу, который выведет необычный… чёрный тюльпан!

К этому времени Берле был уже очень опытным цветоводом. Благодаря упорному труду, Корнелиус научился выращивать и сероватый мраморный тюльпан, и молочно–белый «брабант», и кофейного цвета «коломбин». Честолюбие Берле было задето. Он твердо решил, что гаарлемская премия будет принадлежать только ему. В его коллекции уже был получен темно– коричневый тюльпан. А почему бы ни попытаться превратить только что выращенный цветок в цветок чёрного цвета?

С большим усердием и настойчивостью Корнелиус принялся за работу. Вскоре он сумел отобрать три луковицы, из которых на следующий год он надеялся получить желаемый результат. Победа была близка, и только он один знал об этом! Он уже мысленно присвоил имя такому тюльпану. «Чёрный Берле» — это звучало, как музыка, как гимн упорству и победе.

Но вдруг в одну ночь судьба Берле перевернулась круто и жестоко. По лживому доносу его арестовали, обвинили в государственной измене и сослали в крепость Левенштейн на пожизненное заключение. В ночь, когда его арестовали по такому чудовищному обвинению, что мог учёный предпринять и что он мог предполагать о своей судьбе? Дело всей жизни померкло. И теперь придуманное им название «Чёр-

ный Берле» приобрело для Корнелиуса весьма зловещий смысл. Понимая, что его ждет смертная казнь, Берле взял с собой в тюрьму лишь самое сокровенное — три луковицы тёмно–коричневого тюльпана.

Судьбе было угодно подвергнуть Берле ещё одному испытанию. Ожидая окончания следствия и зловещего приговора, отверженный познакомился в тюрьме с Розой Грифус, дочерью тюремщика. Корнелиус и Роза полюбили друг друга. Узнав о взаимном чувстве девушки и заранее в мыслях похоронив самого себя, Берле решился доверить ей свою мечту. Передавая луковицы тюльпанов Розе, он попросил девушку высадить их в грунт в апреле следующего года, хотя бы в память о нём и их трагической любви.

Судебное расследование затягивалось. Роза пыталась скрасить многомесячное заточение узника. Приходя на тайные свидания, она старалась ободрить и развеселить Корнелиуса лаской и вниманием. Летом она приносила ему букетики полевых цветов, осенью — охапки багряных, коричневых и золотистых листьев, зимой — тёплый шарф, шерстяные чулки или белый надушенный батистовый платочек с вышитыми инициалами. Роза носила Корнелиусу молоко и вкусные домашние лепёшки, тайно приготовленные, когда отец–тюремщик куда–нибудь уезжал.

Сердце Берле переполняли любовь и нежность. Он пытался шутить, рассказывая Розе о своих наблюдениях за травами, цветами и насекомыми, но всякий раз, прощаясь с нею, мысленно прощался с ней навсегда. Измученный ожиданием приговора и казни, Берле ни разу больше не напомнил девушке о своей просьбе.

Пришла весна. Настал апрель. Ничего не сообщая своему возлюбленному заранее, Роза в точности исполнила его просьбу. Один из расцветающих тюльпанов оказался совершенно чёрным.

В жизни тоже бывают чудеса, только испытывают их не сказочные герои, а живые люди. Корнелиус остался жив, так как вскоре была доказана абсолютная абсурдность обвинений против него. Берле был освобождён и выпущен на свободу.

Впрочем, Корнелиус тут же добровольно лишил себя свободы: он сделал предложение руки и сердца Розе, получил согласие и обвенчался с ней. Молодые отпраздновали весёлую свадьбу. А 15 мая 1673 года счастливые супруги получили гаарлемскую премию за выведение чёрного тюльпана. В честь своей горячо любимой жены Карнелиус присвоил ему имя «Роза Берле».

И в дальнейшем цветоводы Голландии справедливо испытывали профессиональную гордость своим трудом. Еще бы! Слой

тучной почвы с песком полагалось наносить только на полого спускающиеся участки земли, ориентированные в направлении юго–запада. В этот тщательно подготовленный грунт необходимо было в определённое время высадить только тщательно отобранные семена тюльпанов. Когда семена всходили, цветоводы любовно холили, поливали и удобряли растения. Допускалось только утреннее и вечернее солнечное освещение, так как полуденные солнечные лучи были слишком жаркими и разрушительными. Чтобы вызвать в семенах различные селекционные изменения, цветоводы перед тем, как посадить семена в грунт, предварительно подогревали их до определенной температуры, вымачивали в различных растворах, выдерживали семена перед посадкой на свету, а иногда и в темноте. Выращенные сортовые луковицы строго и точно учитывались, регистрировались в специальных сортовых книгах.

При выращивании тюльпанов из семян окраска цветов всегда была однотонной. Однако изредка, случайно, по неизвестным никому причинам, иногда на полях вырастали своеобразные цветы пёстрой окраски. Узоры цвета, прожилки, причудливые разломы образовывали неповторимый орнамент, созданный самой природой.

Загадочность, неповторимость и невоспроизводимость этого явления, наряду с оригинальностью отдельных экземпляров этих цветов, подогревали интерес к ним и, разумеется, цену в денежном выражении. Эти цветы оценивались особенно высоко, однако соперничество за обладание уникальным цветком было сродни охоте за редкими животными и птицами. Такие цветы раскупались мгновенно.

Есть сведения, что в 1675 году голландские цветоводы, наконец, уяснили, что при размножении тюльпанов методом прививок луковиц пёстрого и однотонного по окраске тюльпанов можно получить непредсказуемое разнообразие раскрасок цветов, пёстрых полосок у них и прожилок.

И только в 1928 году англичанин Кейли и американец Маккей выяснили, что разновидность тюльпанов с пёстрыми полосками на цветах является инфекционным заболеванием вирусной природы. Это заболевание может передаваться не только с помощью вегетативной гибридизации, но и соком больных растений. Природным переносчиком вирусов тюльпанов оказалась тля. Тюльпаны не страдают от этих возбудителей и не гибнут. Вирусы лишь вызывают в тюльпане нарушение нормального процесса синтеза особых красящих веществ — антоцианов, а цветы из-за этого приобретают фантастический, сказочный вид.

К 222-й годовщине небывало рискованного эксперимента Эдуарда Дженнера (Как искореняли натуральную оспу)

В мае 1980 года состоялась сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ). Было официально объявлено о ликвидации натуральной оспы на земном шаре. Завершилась 22-летняя всемирная эпопея сотрудничества, начатая в 1958 году. Именно в этом году на XI-й сессии ВАЗ делегация нашей страны внесла предложение о ликвидации натуральной оспы в мире.

Программа включала следующие мероприятия. При появлении заболеваний натуральной оспой всему населению города, района посёлка и т. п. предписывалось немедленно провести оспопрививание. Одновременно было необходимо принять срочные меры по изоляции и госпитализации заболевших, обработке, обработке очагов (дезинфекции), а лиц, контактировавших с больными, подвергнуть трёхнедельному карантину.

Дело в том, что существование в ту пору очагов натуральной оспы в Азии, Африке и Южной Америке представляло потенциальную угрозу развития эпидемий при ослаблении предохранительных мер. Даже несмотря на эти меры, завоз натуральной оспы в страны, свободные от этой инфекции, регистрировался ежегодно. В период бурного развития международных воздушных сообщений и массового передвижения людей в связи с командировками, туризмом, миграцией проведение карантинных мероприятий становилось всё более сложным.

Благодаря полноте и высокому качеству вакцинации населения, натуральная оспа в нашей стране была ликвидирована уже к 1936 году. Однако с 1943 гола из-за Второй мировой войны и ослабления мер профилактики в некоторых странах Европы вновь были зарегистрированы крупные эпидемии. Так, в 1943 году в Греции заболело 1219 человек, в 1944 году в Италии — 2878, в 1945 году в Италии — 3116, в 1972 году в Югославии —175.

Не избежала завоза оспы и наша страна. Так, в конце 1959 г. — начале 1960 г. и-за единичного заноса в Москве было зарегистрировано 19 больных, а в апреле 1960 года — ещё один случай. Занос произошёл из Индии. В результате проведенных энергичных мероприятий противоэпидемического характера (изоляции 1496 человек, контактировавших с больными, и вакцинации 6187690 человек) вспышка не вышла за пределы Москвы.

В настоящее время натуральную оспу изучают лишь по учебникам и энциклопедиям. Огромная заслуга в этом принадлежит нашей стране. Россия, являясь инициатором программы ликвидации оспы в мире, активно участвовала в воплощении этой программы, Наша страна безвозмездно передала в фонды Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1500000000 доз оспенной вакцины. Медицинские учреждения России и специалисты из этих учреждений помогали организовывать и проводить национальные программы борьбы с оспой во многих странах (в Индии, Пакистане, Бангладеш, Эфиопии, Сомали и др.), в осуществлении лабораторной диагностики оспы и оспоподобных заболеваний, в налаживании производства оспенной вакцины в других странах.

Коллективные усилия учёных-медиков многих стран, их беззаветная преданность делу и уверенность в успехе привели к величайшей победе над оспой всего человечества.

А открыл способ специфической профилактики натуральной оспы выдающийся английский врач Эдуард Дженнер. Его личная заслуга перед людьми столь велика, что об этом стоит рассказать.

…17 мая 1749 года в семье священника Стефана Дженнера родился сын, наречённый именем Эдуард. С пяти лет мальчика воспитывал старший брат, так как родители рано умерли. В восемь лет он переболел тяжёлой формой натуральной оспы и чудом остался жив. В 13 лет он твёрдо решил стать врачом, чтобы активно помогать больным и страждущим.

Сначала Эдуард работал у хирурга Лудлоу, а затем стал учеником знаменитого Джона Гунтера (1728–1793) — анатома, хирурга, Физиолога, ботаника, дерматолога, эмбриолога и венеролога в одном лице. У обер-хирурга английского флота и английской армии было чему поучиться. В одном анатомическом музее он собрал 14000 различных препаратов!

В 1770 году Эдуард вернулся в местечко Беркли графства Глостершир, на свою родину, с дипломом врача. Ему был всего 21 год.

В ту пору эпидемии натуральной оспы возникали в Англии довольно часто. В одном Лондоне ежегодно умирало до 3000 заболевших.

Хорошо образованный молодой врач, безусловно, знал древние способы предохранения от оспы.

Ещё 3500 лет тому назад в Древнем Китае было подмечено, что люди, перенесшие лёгкую форму оспы, в дальнейшем никогда ею больше не заболевают, Страшась тяжёлой формы этой болезни, которая несла с собою не только не только неминуемое

обезображивание лица, но нередко и смерть, древние китайцы решили искусственно заражать детей лёгкой формой оспы. Для этого на маленьких детей надевали рубашки взрослых больных людей, у которых оспа протекала в лёгкой форме. Иногда малышам в нос вдували измельчённые и подсушенные корочки оспенных больных. В некоторых случаях оспу «покупали»: ребёнка вели к больному с крепко зажатой в руке монетой. Взамен он получал несколько корочек с оспенных пустул. По дороге домой малыш должен был крепко сжимать их в той же руке, в которой до визита к больному он сжимал монету..

В Индии и на Аравийском полуострове содержимое оспенных пустул втирали в кожу туловища, рук и ног.

В IX веке арабский врач, писатель, астроном и математик Эль-раза (Разес) для предупреждения заражения тяжёлой натуральной оспой со смертельным исходом предложил заражаться ею в лёгкой форме. Он переносил содержимое оспенных пустул от больных людей на кожу здоровых и добивался успеха.

В IX веке Константин Африканский дал натуральной оспе (чёрной оспе, «росе смерти», «моровой язве») название вариола — «переменница» (от латинского глагола vario, are — видоизменяться).

В 1713 году греческий врач Тимони, а в 1715 венецианский врач Пулярини стали предохранять от оспы, делая надрез на коже ланцетом, смоченным оспенным гноем.

Все перечисленные способы назывались «вариоляцией», Однако они были небезопасными по двум причинам, Во-первых, привитые нередко заболевали тяжёлой оспой и умирали. Во-вторых, при таком способе предохранения от оспы существовала опасность заражения и другими, менее распространёнными, но весьма тяжёлыми заболеваниями, например, например, рожей, или сифилисом. При неудачной прививке религиозные фанатики всегда спешили объявить это карой господней. Вот почему попытки вариоляции наталкивались на сопротивление и даже на откровенную враждебность людей, забитых и неграмотных, затуманенных религиозными предрассудками.

Дженнер знал обо всех перечисленных способах вариоляции, но упорно и настойчиво искал и другие методы предохранения от оспы, Переболевший оспой сам, он не мог остаться равнодушным к этому заболеванию.

Известно, что оспой болеет не только человек. У многих животных встречается группа острых заболеваний вирусной при-

роды, генетически родственных натуральной оспе человека. Эти заболевания протекают с появлением на коже и слизистых оболочках у животных специфической папулезно-пустулёзной сыпи, которая потом переходит в язвы. Известна оспа коров, лошадей, овец, коз, свиней, кроликов, птиц (кур, индеек, цесарок и других). Человек восприимчив к части этих заболеваний и может заболеть оспой коров, лошадей и овец. Чаще такие заболевания отмечаются у доильщиц коров. Крестьянки могут заразиться коровьей оспой от соприкосновения с кожей вымени и сосков болеющих животных. Заболевание, однако, не приносит людям вред. После купоросных или свинцовых примочек язвы покрываются струпьями, подсыхают и отпадают. Тяжёлых заболеваний, как при натуральной оспе, в этом случае у людей не бывает. Никогда не бывает у людей и смертельных исходов от этих заболеваний.

В те времена, когда Дженнер приступил к врачебной деятельности, в странах, входивших в Великобританию, была очень распространена коровья оспа. Зоркий глаз и практичный ум народа давно подметил прелюбопытные закономерности. Доильщицы с оспинами на лице (следами перенесенной натуральной человеческой оспы) никогда не заражались и не заболевали коровьей оспой, даже если доили явно больную корову. С другой стороны, доильщицы, переболевшие лёгкой коровьей оспой в виде язв на руках, не заражались и не заболевали натуральной оспой человека, в связи с чем они не боялись ухаживать за больными людьми и даже стремились хорошо заработать (разумеется, если больные были из знатных семей и за уход и помощь денег не жалели.). Все эти наблюдения передавались народной молвой не как установленные закономерности, а как страшные и поучительные истории из жизни отдельных людей.

Однажды, через три года после начала его врачебной практики, к Дженнеру за помощью пришла крестьянка из соседней деревни. В это же время в графстве Глостершир снова разыгралась эпидемия натуральной оспы. Оказав помощь, Дженнер заметил крестьянке, что ходить из деревни в деревню небезопасно — можно заболеть натуральной оспой.

— Правда, — сказал Дженнер, — я мог бы помочь, если ты согласишься на оспопрививание.

Крестьянка отказалась и показала свои руки. На них как раз были язвы коровьей оспы.

— С такими руками, — добавила она перед уходом, — мне нечего бояться.

Крестьянка ушла, а слова, сказанные ею, запомнились Эдуарду надолго..

— А что, если народ прав?

С того времени Дженнер всё пристальнее стал наблюдать за больными человеческой и коровьей оспой, вести письменные наблюдения за ними. Его интересовало всё: кто и когда заболел, кто и за кем ухаживал, когда появились высыпания, какой формы они были, кто заболел, а кто не заболел…

Многолетние наблюдения подтверждали народную молву. И у Дженнера зародилась идея: а почему бы не попробовать заражать людей искусственно, в виде прививок не опасной для жизни коровьей оспой, чтобы предотвратить у них заболевание натуральной оспой? Идея вызревала 23 года.

И вот 14 мая 1796 года в присутствии врачебной комиссии и приглашённых их наблюдателей Эдуард Дженнер отважился на небывало рискованный по тем временам эксперимент. Вот как он описал его сам. «Для того, чтобы с большей точностью наблюдать за ходом заражения, я выбрал здорового мальчика (Джеймса Фиппса) около восьми лет с целью привить ему коровью оспу. Я взял материю с пустулы на руке одной скотницы (Сарры Нелмс), которая заразилась коровьей оспой от коров своего хозяина. Эту материю я привил на руку мальчика 14 мая 1796 года посредством двух поверхностных надрезов, едва проникнувших через толщу кожи, длиной около полудюйма каждый. На седьмой день мальчик начал жаловаться на боль под мышкой, а на девятый его стало немного лихорадить, он потерял аппетит, и появилась лёгкая головная боль. На следующий день он был совершенно здоров… Все болезненные явления исчезли, оставив на месте прививки струпья и незначительные рубцы, но не причинив ни малейшего беспокойства ни мне, ни моему пациенту. Для того чтобы удостовериться в том, что мальчик, над которым я производил опыт, после этого лёгкого заболевания от прививки яда коровьей оспы был ограждён от заражения настоящей оспой, я произвёл ему 1 июля того же года инокуляцию человечьей оспы, взятой непосредственно с оспенной пустулы. Несколько лёгких уколов и надрезов были сделаны на его обеих руках и материя тщательно втёрта, но какого-либо заметного заболевания не последовало.

Через пять месяцев Дженнер повторил инокуляцию мальчику. Результат был тот же: заболевания не последовало.

Данные последующих наблюдений невосприимчивости к натуральной оспе лиц, которым была привита коровья оспа, Дженнер опубликовал в 1798 году в Лондоне в статье «Исследование причин и действий коровьей оспы». В статье описаны ещё 23 наблюдения.

Дженнер сделал открытие. Он открыл способ предупреждения заболевания натуральной оспой.

Не все встретили сообщение Дженнера с восторгом. Многие учёные не признавали предложенного им способа, а невежественные недоброжелатели распространяли нелепые слухи, что у людей, которым привили коровью оспу, вырастают рога, лицо принимает коровий облик, люди теряют дар речи и приобретают способность только мычать.

Однако военные быстро поняли, какое благо преподнёс в дар людям Дженнер. С 1798 года этот способ предохранения от натуральной оспы стал применяться в английской армии и на флоте. Скоро его оценили и за пределами Англии.

Дженнер назвал предложенный им метод «вакцинацией» (от латинского слова vacca, ae — корова).

В 1800 году Э. Дженнер был представлен английскому королю Через год Лондонское медицинское общество избрало его почётным членом и вручило Дженнеру выбитую в его честь Большую золотую медаль. Вскоре почти все учёные общества Европы избрали Дженнера своим почётным членом. В 1802 году английский парламент от имени народа наградил Эдуарда Дженнера премией в 10000 фунтов стерлингов.

В 1803 году было основано Королевское Дженнеровское общество, пожизненным председателем которого стал Эдуард Дженнер. Целью общества было широкое внедрение вакцинации в Англии. При активном участии самого Дженнера за первые полтора года с момента основания общества было привито 12000 человек. В результате смертность от оспы сразу понизилась более чем в три раза.

В 1805 году Лондон избирает Дженнера своим почётным гражданином и вручает ему отделанный бриллиантами диплом на это звание. Парламент вторично награждает его премией в 20000 фунтов стерлингов.

В 1808 году оспопрививание по методу Дженнера вводится в Англии как обязательное государственное мероприятие. В 1813 году в Оксфорде Эдуарду Дженнеру была присуждена степень доктора медицины honoris causa (как символ почёта за выдающееся достижение, без защиты диссертации).

Метод Дженнера распространяется по Европе, а, авторитет и слава учёного растут. С начала XIX века вакцинация по Дженнеру начала применяться во Франции, Испании, Пруссии, Австрии, Польше, России, Норвегии, Швеции.

Русская императрица Елизавета, жена Александра I, поощрявшая вакцинацию, послала Дженнеру благодарственный рескрипт в подарок и подарок: перстень с крупным бриллиантом. По её приказу первый ребёнок в России, подвергшийся вакцинации, некто Антон Петров, был торжественно крещён в Петербурге второй раз и в ознаменование этого события получил новую фамилию — Вакцинов. Его воспитывали и лечили на казённый счёт и назначили ему пожизненную пенсию.

Во Франции официально содействовал оспопрививанию и приказал сделать его обязательным в армии Наполеон Бонапарт.

Есть упоминание, что однажды Наполеона попросили об освобождении английского пленного. Наполеон отказал.

— Просьба исходит от самого Дженнера, — заметила жена императора Жозефина.

— Ах, от Дженнера… Ему я не могу отказать ни в чём! — воскликнул Наполеон и без промедления подписал документ, предоставляющий англичанину свободу.

…Эдуард Дженнер достиг зенита своей славы. Но слава не изменила его. Он был и оставался благодарным и добрым человеком, а Джеймса Фиппса, «соавтора» своего блестящего эксперимента, любил как родного сына. В год двадцатилетия опубликования, в 1818 году, Дженнер построил на свои деньги и подарил Джеймсу Фиппсу дом.

Дженнер всегда много работал за письменным столом — размышлял, читал, делал выписки, писал. Так, за письменным столом, он скоропостижно скончался. Это случилось 26 января 1823 года.

Через 15 лет, в день рождения Дженнера, 17 мая 1858 года в Лондоне был торжественно открыт памятник великому англичанину.

Известен и французский памятник Дженнеру, сооружённый в городе Булони. Дженнер сидит на мягкой кушетке, на коленях у него мальчик. Обе фигуры напряжены, обе в движении. Ребёнок пытается освободиться,, а мужчина властно и крепко удерживает его. Дженнер склонился к ребёнку, придерживает его голову своим подбородком, а тельце — ногами. Он крепко держит правую руку ребёнка и наносит ланцетом насечку на правом плече мальчика. Напряжение лица, бровей, губ, сосредоточенный взгляд, властная

рука и скрещенные ноги мужчины подчёркивают усилие, с которым на наших глазах совершается важное научное открытие.

Созданная Дженнером вакцина против оспы оказалась первой противооспенной вакциной. Выступая на Международном конгрессе в Лондоне в 1881 году, Луи Пастер (1822–1895), французский химик и микробиолог, основоположник современной микробиологии и иммунологии, член Парижской академии наук, Французской медицинской академии и Французской академии «бессмертных», член-корреспондент (1884) и почётный член (1893) Петербургской академии наук, говорил так: «Не встречаемся ли мы здесь с общим законом, который применим ко всем вирусам? Мы вправе открыть этим путём вакцины против всех заразных болезней…» Пастер имел в виду вирусы с ослабленной болезнетворной способностью.

Гениальное предвидение уже вскоре было подтверждено наукой и жизнью. Несомненно, идеи Э. Дженнера сыграли большую роль в создании Л. Пастером учения о предохранительных прививках. Из уважения к Дженнеру и в его честь Л. Пастер присвоил название «вакцина» всем препаратам для предохранительных прививок от всех инфекционных заболеваний.

«Я придал слову «вакцинация», — писал он, — более широкий смысл, чем это делалось до сих пор. Надеюсь, что наука сохранит это название в знак уважения к заслугам и огромным благодеяниям, которые оказал человечеству один из самых великих людей Англии — Дженнер, Какое удовольствие доставляет мне возможность почтить его бессмертное имя…»

Последуем примеру Луи Пастера.

Совершив коллективную победу над одной из самых страшных инфекций, помня коварство этой инфекции, учитывая изменчивость микроорганизмов и вирусов и в связи с этим потенциальную возможность вспышек оспоподобных заболеваний, можно вместе с тем говорить о полном искоренении оспы среди людей в настоящее время.

Полное искоренение инфекции… Есть ли награда более высокая?

Мог ли врач и учёный Эдуард Дженнер мечтать о таком удивительном памятнике?

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ…»

Василий Поляков Людмиле Саницкой — автору книги «ЧАС ВОДОЛЕЯ» Избранная лирика. — М., «Вест-Консалтинг», 2015, 252 с.

Рецензия

Пленительная женская душа
Из книги дышит каждой Вашей строчкой.
Я понимаю: как же хороша
И как красивы Вы и днём, и ночью.
Теперь я знаю, как душа болит
У женщины, расставшейся с любимым.
Ей кажется, что жизнь проходит мимо,
Снежинками и листьями шурша.
Но пусть протянет руку Вам другой,
В глаза посмотрит, нежно улыбнётся
И в Вашу душу принесёт покой,
И никогда от Вас не отречётся.
И вот тогда (я знаю, дело в том)
Захочется Вам с ним построить дом,
Быть в нём хозяйкой, рюмками звенеть
И, загораясь страстью, песни петь.
И каждый раз, испытывая ласку,
Гореть огнём любви и негой сказки.
И только утром сладко изнемочь…
Пусть с Вами будет так и день, и ночь.
Прочёл стихи и лишь о том жалею,
Что только час пробыл я с Водолеем.
И, чтобы от досады не напиться,
Пойду опять читать стихи Саницкой
И восхититься я смогу при этом
Её лукавым озорным портретом.
Хорош и чёрно-белый, и цветной —
Смотри, любуйся, выбирай любой!
Изысканно красива, хороша
У этой яркой женщины душа!
Талант не прячьте, оставайтесь милой,
Поэт и врач, Саницкая Людмила!

Людмила Саницкая

Об авторе

Людмила Николаевна Саницкая — кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Занимается литературой в течение многих лет. Автор шести поэтических сборников и книг мемуарной прозы «Вверх по ручью» и «Остров Открытой книги (Переделкино)». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», международных альманахах «Муза», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), альмнахах «Московский год поэзии» («Литературная газета», 2013 г.), «Витражи» и др. Публикуется в периодической печати, постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты».

Людмила Саницкая — член Союза писателей России, Союза писателей 21 века, Союза писателей Москвы, «ЛИТО на Пречистенке» дома учёных РАН.

Награждена Золотым дипломом VI международного славянского литературного Форума «Золотой витязь» в номинации «Поэзия» (2016 г.), дипломом I степени V международного творческого конкурса «Патриот Отечества» в номинации «Поэзия» (2016 г.). Является лауреатом литературной премии им. М. А. Булгакова, номинант премии «Писатель 21 века».

ПЕСЧИНКА-СЛОВО

* * *

Пока слагаются слова —
Душа жива.
Жива в житейской тесноте,
Где локти, плечи, лбы — не те,
Где зазевайся — быть беде,
Где узнают тебя едва…
И всё жива.
Пока зелёная трава.
Пока слагаются слова…

* * *

Архаика родного языка
Близка мне по рожденью и настрою.
Так археологу желанна и близка
Находка из Пергама или Трои.

В пыли раскопов, в глине черепков
Являются ему сады и храмы…
Так мне звучанье позабытых слов
Являет акт средневековой драмы.

Я трапезой хочу назвать обед
И яством — незатейливое блюдо…
Названья эти добавляют цвет
И аромат, и вкус, и отблеск чуда.

И может, за приязнь такую к ним,
Из моды вышедшим ещё во время оно,
Старик Державин глянет благосклонно
И Белла улыбнётся со стены.

Муза

Тяжёлый день, томительный и душный.
По жилам — крови медленный расплав.
Творец и в гневе справедлив и прав,
Карая зноем этот мир недужный.

А у неё — прохладные ладони,
И ткань одежд не увлажняет пот,
И поступь — словно бабочки полёт,
Явившейся со склонов Геликона.

Впорхнула, глянула — и такова была!
Лишь дом омыт божественной прохладой…
И большей драгоценности не надо,
Чем пёрышко из белого крыла.

Рассвет

Перед рассветом ярче сны,
Плотней медовая истома,
И в сотах дремлющего дома
До края мглы и тишины.

Привычный улей, старый дом,
Известный до последней щели,
Он узнаваем еле-еле,
Почти зловещ, едва знаком.

И лишь рассеивает мрак,
Мерцая сполохами света,
Окно бессонного поэта —
Парнаса маленький маяк.

* * *

Как я пишу? Да так, как я пишу —
То с грустью, то с отчаяньем, то с болью.
И потому на суд людской не выношу
Свой стих, чтоб раны не посыпать солью.

Я так пишу, как плачут по ночам,
Рыдания от всех в подушку пряча.
Пишу за тех, кто не напишет сам
Плохих стихов, а попросту заплачет…

Я так пишу, как осень настаёт,
А сердце одиноким остается…
Не плакавший — тот вряд ли их поймёт.
Не потерявший — вряд ли отзовется.

* * *

А всё-таки не зря прошел он, день,
День праздности и благодатной лени,
Когда над ним твоя витала тень
И отразилась вдруг — стихотвореньем!..

Угомон

Молодые безумства сменил Угомон —
Поседевший, задумчивый кроткий…
Серый зонтик раскрыл и упрятал их в сон,
Как июньские ночи, короткий.

И текучее время — сквозь пальцы в песок.
И всё больше — ненужно и лишне.
И шагреневой кожей сжимается срок,
Отмеряемый волей Всевышней…

И желания — брызги солёной волны
На камнях — исчезают бесследно.
И предательство тела — издержки войны
За последний рубеж,
за последний…
Одного лишь хочу, чтобы завтра, во мгле,
Неизвестный, плывя в одиночку,
Удержался и всё-таки выплыл к земле,
Уцепившись за строчку,
за строчку…

* * *

Боже правый, кому это нужно —
Набирать то легко, то натужно
По бумаге бегущие строчки?
Вот каштан распускает листочки,
Одуванчик в траве золотится —
Всё для праздника-лета годится,

Всё живёт, зеленеет и дышит!
А душе всё неймётся, всё пишет,
Всё пытается миг в этом мире
Уместить на листе А-четыре.

* * *

Почти неизбежно прискорбно
Приблизился бледный февраль.
Прискорбно, поскольку у горла
Сезонный недуг, чья печаль
Лишает особого вкуса
Теченье кристального дня,
Поскольку Марина в Тарусе
Сегодня не встретит меня.
А я так давно собирала
В копилку насущных задач
Холодную людность вокзала,
Автобуса ржавого плач.

Весь день из недужного сплина,
Как будто свершая обряд,
Под пристальным взглядом Марины
Бумажные клочья летят…

* * *

Не так уж мало мне дано —
Меж туч пресветлое окно
И зелень первая бульвара,
И то, что спутник мой, мне в пару,
Ворчит, пеняя на погоду…
И что, сорвавшись с небосвода,
Звезда купается в реке
И отражается в строке.

* * *

Мои молодые стихи —
Влюблённости первой побеги,
Разлук леденящие снеги,
Почти неземные грехи.
Героя наивной строки
В доспехи они облачали.
И были печальны печали,
И были слова высоки.

За годы мирской шелухи
Всё стало спокойней и глуше…
Но наши бессмертные души
Хранят молодые стихи.

* * *

Нет, никогда звучание строки
Не слышалось тому, чей слух был заперт
В иную, недоступную реальность.
И никогда заснеженная дальность
Не уступала теплоте руки.

Но вечер был. И поздняя скамья,
И быстрые листки простой тетрадки,
Исписанной судьбой остроугольной…
К тому же — море, дышащее вольно,
Случилось здесь — толмач и судия.

Крупица счастья. Пряность бытия,
Дарёная благословенным морем
На долгую негладкую дорогу…
Вот и иду, стихая понемногу,
По вечеру, где поздняя скамья.

* * *

Входит осень в стихи,
как в давно обжитые покои,
плащ повесив у входа
и мокрые сняв башмаки.
И опавшей листвой
осыпает строку за строкою,
отправляя к зиме
провожающим взмахом руки.
Белый вязаный плат
у холодной зимы наготове,
и рукою подать
до её ледяной немоты.
Но сквозь мартовский снег
прорастёт моё тихое слово
и прольётся ручьём,
напоив городские цветы.

* * *

Прибежище и труд стихотворенья —
Бессонная тревога и бальзам,
Присущие несчитанным часам
Ночного утомительного бденья.

Надолго затянувшаяся корь,
Стихи давно пересекли границы,
И вот они — то лёгкая жар-птица,
То в детстве не долеченная хворь.

Ни здравый смысл, ни посторонний взгляд,
Ни сухость дальновидного расчёта
Не исцелят болезни и полёта,
И лишь к бессоннице стихи благоволят.

Не задаваясь целью и ценой,
И сроком своего благоволенья,
Пока живу — во мне и надо мной
Прибежище и труд стихотворенья.

Строка

Откуда-то звучало смутно,
мерцало светом, как фантом,
чего не высказать прилюдно,
а лишь себе или вдвоём
с прозрачной тишиной зеркальной,
с планшетной гладкостью стекла,
намёк ли, лепет, взгляд прощальный,
молитва бабки повивальной,
освобождающей дитя из тёплой колыбели чрева,
слова старинного напева,
издалека ли, свысока,
исчезнувшего счастья крохи…

Чтоб на почти последнем вздохе
вдруг обозначилась строка.

* * *

Песчинка-слово, спугнутое ветром,
Укрылось где-то меж твоих высот,
Поэзия, духовный заповедник,
Оставив пару маленьких пустот.

Так в пазле жизни остаются дыры
С отлётом тех, дарованных судьбой —
Друзей, врагов, соседей по квартире,
Одной дорогой спаянных с тобой.

И заживляешь тающие ткани,
Латаешь обветшавшие края —
Простой молитвой, памятью, стихами —
На сквозняках земного бытия.

* * *

Во сне ли, наяву — в словесной мгле
Блуждаю в тщетных поисках глагола.
И так в душе беспамятно и голо,
Как будто слов не знали на земле.

Одни лишь междометия влача,
Бредёт сознанье, жалуясь и плача,
Забыв о том, что жизнь и есть удача,
Счастливый случай с Божьего плеча.

Случайна жизнь, случаен слов недуг…
Надолго ли — не мне Ему перечить!
Но если непрерывен сердца стук,
То не прервётся звук родимой речи.

* * *

Хочу быть деревом узорным
Потом, когда иссякнет плоть
И перейдёт в кору и корни,
А глубь ствола украсит борть,
И будет прилетать с добычей
Трудолюбивая пчела…
Не так уж много здесь различий —
И я такою же была.

* * *

Мы — люди Слова,
Ратники строки,
Ревнители одушевлённой речи.
Кто, как не мы, распаду вопреки,
Удержит дух и разум человечий!

Пока мы служим Слову и звучим —
Пусть не всегда слышны, но вдохновенны —
Мы — воины,
Мы противостоим
Погибельному хаусу Вселенной.

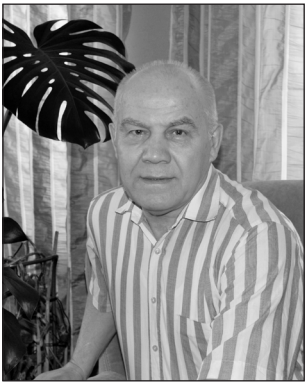
* * *

Волосы цвета платины,
Синяя грусть — взгляд.
Время, когда заплатим мы
За опустевший сад.
Время оценки времени
По дорогой шкале.
Время понять, как временны
Наши шаги по земле.

И улыбнуться времени
Новому, как рассвет.
И не уйти в безвременье,
Если ты был — поэт.

Евгений Селезнев

Об авторе



Селезнев Евгений Федорович — по образованию инженер-физик (МИФИ), доктор техн. наук. Поэт, автор пяти поэтических сборников: «Верхотурье» (2000), «Плач души» (2003), Признание» (2006), «Ты» (2012), «Выбор» (2015) и книги «Детство» (2013).
С 2012 г. — участник ЛИТО ЦДУ РАН.

* * *

Служа науке, что ещё желать,
Как женщине ничто в ней не отнять:
Обворожительна, свежа и своенравна,
Скромна, мудра, прекрасна и желанна.

Считать её богинею своею,
Из недр любви к ней страсти не жалея
И, жизнь свою ей на алтарь кладя,
Чего ж хотим мы: возвести себя
На пьедестал безумия страстей;
Иль ищем счастья в услуженье ей?
Когда и день, и ночь кромешный ад,
Чему только безумный может рад.

Не тлеть, а заживо гореть
И никогда себя жалеть не сметь.
Как бы себя с пристрастием пытать,
Но я своё ни в чём не потерять.

И в муках понимания сгорая,
С трудом за бегом мысли успевая,
За таинства, как прихоти, любя,
Рождаем новь и, вместе с ней, себя.

Сомнения

Сколь семь на восемь? Восемь на семь, точно.
Я проверял, все так, без дураков.
Сомнения в зачатье непорочном
Меня гнетут из глубины веков.

Да только что вот, Моника и Билли,
Следы от брызг на платье налицо.
Однако, ты поди, установили,
Что он, негодник, не был подлецом.

Наместник власти — он вершитель судеб,
Придумал право, людям для красы.
Незрячую Фемиду выбрал в судьи,
Решая сам, что бросить на весы.

Как трудно мне, я весь погряз в сомненьях.
Они проникли в поры моих жил.
Из вечных истин старый плот спасенья
Мне прежний мир опорой предложил.

Пристало мне с тех пор в бурлацкой лямке
Плот истины по времени тащить.
Не первый я, вы помните, как Гамлет
Кричал в сомненье: «Быть или не быть?»

Подвергнуть всё сомненью — моё кредо.
Известный факт и тот на вес кладу,
И если на меня озлится небо,
Потом проверю, ладно ль там в аду.

Писатель

Каждым утром нужно прийти на работу. Погружаясь с утра в пучину дня, выныриваешь из неё только ближе к вечеру, осознавая, что день безвозвратно прошёл. И если в этой круговерти проблем случится необычное, выбивающее из неё, организм ведёт

себя на уровне подсознанья, так, как приучен всем своим прошлым, то есть, вот здесь-то и проявляется то, что называется культурой. Вот тут-то и узнаёшь, какая она у тебя эта культура.Кроме работы каждый обычно ещё что-то делает для себя, как говорят, для своей души. Кто что, а я пишу. Пишу стихи и не только. Конечно, хочется поделиться написанным с другими пишущими, поэтому хожу на собрания писателей и поэтов, таких, как сам. По мере написания большого числа стихов собирается материал для книги. Через какое-то время издаются первая книга, затем вторая, третья и далее. После издания нескольких книг можно подавать заявление на вступление в «Союз писателей», после принятия в который, наверное, становишься настоящим писателем или поэтом. Это уж, как говорится кому как. А если не примут, будешь ли ты тогда писателем, пусть и оставшись внесоюзным?

После выхода очередной моей книги, в ЛИТО (литературном объединении) мне стали настойчиво предлагать подать заявление о вступлении в «Союз писателей». Кто-то даже принёс мне анкету для вступления. Анкета была напечатана на толстой плотной бумаге, почти картоне, почему-то жёлтого цвета. Кроме того, надо было ещё собрать рекомендации трёх членов «Союза писателей» в поддержку своего заявления. Такие желающие поддержать меня нашлись. Когда все необходимые документы были собраны, настало время обратиться непосредственно в сам «Союз писателей». Телефон секретариата союза, конечно, мне дали.

И вот среди круговорота дневной рабочей суеты начинаю крутить диск телефона, набирая известный номер. Наконец в трубке раздаётся привычный гудок, на том конце провода берут трубку, и начинается разговор:

— Здравствуйте, я такой-то, это секретариат «Союза писателей»?

— Да.

— Я бы хотел подать заявление о приёме в союз.

— Чтобы подать заявление нужно выполнить несколько условий.

— Каких?

— Иметь печатные работы, не менее трёх.

— Имею.

— Необходимо иметь рекомендации от трёх членов союза.

— Имею.

— Ещё необходимо заполнить анкету.

— Заполнил.

— А кто Вам её дал?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Если дело с анкетой так серьёзно, может она подотчётна и выдаётся строго под роспись. И, если я назову того, кто мне её дал, то я подставлю этого человека. Что за бред? Анкета — набор каких-то несерьёзных вопросов на бумаге, даже не имеющей водяных знаков. Содержание анкеты напоминало такую же анкету при вступлении в коммунистическую партию в советское время или анкету при поступлении на работу в те же времена на какое-нибудь оборонное предприятие. Пока эти мысли проносились у меня в голове, и искался какой-нибудь достойный ответ, другой, тот который во мне сидит, не выдержал и ляпнул прямо в трубку:

— Какая разница.

На том конце провода трубку положили.

Он, тот, который это сделал, ещё не знал, с кем связался. Я перезвонил.

— Это опять я. Сейчас я что-то скажу, а ты, секретарь «Союза писателей», предназначенный для работы с населением и представляющий лицо этого союза, слушай и трубку не клади.

Дальнейшее содержание моего монолога память моя не сохранила. По-моему я пытался объяснить секретарю его прямые обязанности и то, что демонстрировать мне самые низкие качества российского чиновника, основное из которых чванство, не красит представителя такого союза, как и сам союз. Но последняя фраза запомнилась:

— Через час буду, чтоб был.

Помните у Ф. М. Достоевского в «Бесах» (1870): «Что такое значит русский администратор… Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтёт себя вправе чтобы показать вам свою власть… И это в них до административного восторга доходит»…

С тех пор прошло почти полтора века, сменялись эпохи, проходили войны и революции, человек вышел в космос и освоил энергию атомного ядра, написались миллионы замечательных книг, в том числе и членами союза писателей, и не менее замечательной музыки, но в сути своей человек, каким был, таким и остался.

Конечно, ни в какой союз меня не примут, но надо было проиграть эту пластинку до конца, и я поехал. Через час я был в помещении «Союза писателей» и передал говорившему со мной по телефону секретарю «Союза писателей» набор своих документов. Он их принял, и мы почти молча расстались, ограничившись дежурными фразами.

— Когда можно узнать о приёме?

— Не ранее, чем через месяц.

— Хорошо.

Я вышел на улицу. Пришло чувство полной свободы с пониманием, что никогда мне не быть членом «Союза писателей». Почему-то вспомнился А. П. Чехов с рассказом «Торжество победителя» (1883), в заключение которого, герой бегал по кругу под команду начальника и думал: «Быть мне помощником письмоводителя». С момента написания рассказа минуло более сотни лет, сколько же должно ещё пройти времени, чтобы это явление исчезло из нашей жизни.

Прошёл месяц. Однажды, опять же среди рабочей суеты, позвонил по известному мне телефону, осознавая результат звонка, но отрабатывая вариант до конца, и тот же голос мне без эмоций объявил, что меня не приняли.

— Почему?

— По результатам тайного голосования.

Надо полагать, что обсуждение тоже было тайным и рассекречиванию не подлежало под страхом потери чего-нибудь, наверное, под страхом изгнания из этого союза. Хотя, например, при защите диссертаций обсуждение её происходит на диссертационном совете в присутствии диссертанта с предоставлением ему возможности ответить на все вопросы и замечания, и лишь последующее голосование является тайным.

Я положил трубку уже полностью свободным человеком, свободным от всех тайн загадочного общества, и порешил, что всё, что ни случается, всё к лучшему. Как тут не вспомнить А. С. Пушкина: «…Зависеть от царя, зависеть от народа — не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать; …Вот счастье! Вот права…».

Творец

Но кто-то разложил слова
На слоги, паузы и звуки,
Чтобы сложить их сызнова,
Как глину на гончарном круге.

Когда в новаторстве своём,
Сопоставляя букву звуку,
Горел неистовым огнём,
Творя всевышнего науку,

Среди волнений и тревог
Тысячелетний быт наруша,
Он был не менее чем Бог,
Вдыхавший в тело жизнь и душу.

Спеша заветное прочесть,
Его дрожали, верно, руки,
Когда сложил из букв: «Аз есмь!», —
Итожа творческие муки.

* * *

Мысль возможно лишь оспорить,
А убить никак нельзя.
Тяжела у мысли доля,
Жить, по памяти скользя.

Говорят, что только в споре
Истину рожденье ждёт,
Я б не стал словам тем вторить,
Спор к добру не приведёт.

Так что утверждаю смело,
Так как прожил жизнь не зря,
К истине приводит дело —
Вот вам истина моя.

* * *

«Cogito ergo sum»
«Я мыслю, значит существую»
(Рене Декарт (1596-1650))
«И говорю ей, как Вы милы,
А мыслю – как тебя люблю»
(А.С.Пушкин)

Я мыслю, значит существую,
И в мыслях женщину рисую,
Лишь ту одну, что понимает
И мыслям радостно внимает.

Мечтая о грядущей встрече,
Готовлю праведные речи.
Она само очарованье
И ей одной моё признанье.

Благословляю и ревную,
О ней одной опять тоскую
И мысль спешу под сенью крова
Облечь в немеркнущее слово.

Я мыслю, значит существую
И в мыслях женщину целую,
Её своей богиней числю
И мир меняю силой мысли.

* * *

Раздумье суеты не любит.
Благоразумью невдомёк,
Что осмысленье тоже губит,
Когда оно превысит срок.

Когда невысказанность мысли
Принять решенье торопит,
Цена иному стоит жизни,
Если куда-нибудь спешит.

Понять другого цель благая,
Что может лучшего взамен,
Когда тебя душа другая
Поняв, полюбит насовсем.

Нет понимания без чувства,
Что всем передают слова,
И мы общаемся изустно,
Да будет наша речь жива.

* * *

Произнесённые слова,
Всего лишь слепок мысли тайной.
В минуты грусти, торжества,
Мы узнаём о них случайно.

А мысль, она откуда в нас,
Та, что рождается из чувства,
Что пребывает в нас подчас,
Слывя вершиною искусства.

Но мысль в слова облечена
И чувство оформляем словом,
И в этом жизнь заключена —
В извечном бытие суровом.

И слово создаёт в нас мысль,
Опять же, чувство порождая,
Что нас влечёт куда-то ввысь,
И нет у этой связи края.

И чувства, мысли и слова,
Спеша по замкнутому кругу,
Благословляют на дела,
Придерживаясь друг за друга.

* * *

Читаю чаще по ночам,
Полней вниманье к мелочам.
Сюжета авторская нить
Меня стремится покорить.

Порой читаю между строк,
Какой там стиль, какой там слог,
Какая мысль, в конце концов,
Как у восточных мудрецов.

Читаешь фразу из трех слов,
А между слов такой улов.
Там жар сердец и пыл огня
Направлен прямо на меня.

Так слово было первым? Нет.
До слова мысль пронзила свет
И лишь потом пустой язык
Издал о том истошный крик.

А нынче, как бы мысля вслух,
Твердим порой одно из двух,
Второе прячем, между строк
Храня невысказанный слог.

* * *

Осенний дождь — унылый часослов.
Он обложил всю землю повсеместно.
Есть что сказать, да не хватает слов,
В его душе воспоминаньям тесно.

Он испытал превратности судьбы.
Он сам, как след величья и паденья,
Один из тех, кому без нас, увы,
Дано вкусить блаженство воскрешенья.

В себе хранит он первую капель
И первый гром весеннею порою.
О чем грустит, печалясь, он теперь
Известно мне — он плачет за тобою.

В смятенье чувств, о чём ни говори,
Не хватит слов с просторов всего мира,
И плачет дождь с зари и до зари
И вместе с ним душа моя и лира.

* * *

«… Бог мне свидетель, что я готов умереть за неё; но умереть для того, чтобы оставить её блестящей вдовой, вольной на другой день выбирать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад…»

(Из письма А. С. Пушкина Н. И. Гончаровой от 05.04.1830 г.)

Кто властелин судьбы?
Судьба ль владеет нами
Иль в призрачной тиши
Её мы строим сами?

Кто вольному писцу
Податливую руку
Ведёт по чистому листу,
Жизнь обретя на муку?

Страшиться мук, с чего?
Ведь разве может слово,
Сказавшему его,
Вдруг стать судьбой готовой?

Ведь слово — слепок чувств,
И, вырвавшись на волю,
Возможно ли ему
Играть другие роли.

Коль слову дать судить
Создателя родного,
Как дальше будем жить,
С таким уставом новым?

А за слова ответ
Всегда ли держат словом?
Жизнь убеждает — нет,
За слово спрос суровый.

* * *

Любимым говорите больше слов,
Они их ждут и жаждут слышать кожей.
Хотя бы повторяйте вновь и вновь,
Про что-нибудь, да хоть бы всё про то же.

Про буйство струй июньского дождя,
Про блеск зарниц и про раскаты грома.
Ещё шепчите им про что нельзя:
Про нежность губ и сладостность истомы.

Конечно и без Вас, давно ещё,
Про то и сё они узнали сами.
Но только, как приятно слышать всё
Им сказанное Вашими устами.

Из всех произнесенных Вами слов
Они соткут, не сомневайтесь в этом,
Святое чувство, что зовут любовь,
Так точно, что куда уж там поэтам.

* * *

Всё чаще слово заслоняет дело,
Затмив его словесною картиной,
Порою лживою до беспредела,
Затянутой обманной паутиной.

Распространенью слова нет предела,
Спешит со скоростью почти что, света,
А автор лжи, подстроенной умело,
Не хочет за неё нести ответа.

Во все века доносы, анонимки
Служили достиженью грязной цели
И было время их, как недоимки,
Укладывали в папки для расстрела.

За всё ответит, никуда не деться,
Мир ограничен глыбой континентов,
И время, не замедлив присмотреться,
Найдёт в итоге лживого клиента.

Кто занят делом, безусловно, знает
И помощи ни от кого не ждёт,
Пока шкодливый пёс на ветер лает,
То караван, пусть молча, но идёт.

* * *

Язык, он, как известно, без костей,
Какое же нести он может слово,
Когда оно озвучивать готово
Любую прихоть мыслей у людей.

Всегда ль слова отождествляют мысль,
Иль, может быть, своя их жизнь бывает,
Когда они живут и умирают,
Теряя для носителей их смысл.

Желая что-то миру доказать
Мы завсегда довольствуемся словом,
Во всяком деле есть его основы,
И главное, чтоб было что сказать.

Конечно, словом может быть и ложь,
Когда она всех жалит ядом жала,
Иль в форме ядовитого кинжала
Вонзается вам в душу, словно нож.

Слова известны сами по себе,
Всего-то лишь являясь частью речи,
Они и есть отличье человечье
От всякого живого на земле.

Весь день слова спешат со всех сторон,
Они порой отрывисты и жёстки,
Заполонив дворы и перекрёстки,
И слышатся как колокольный звон.

Лишь ночь даёт спасительную тишь,
В которой чувства бренны и желанны,
И мысли постоянны, как ни странно,
Что о любви мне молча говоришь.

Внук

В общенье с миром обойдён,
Он видит падший лист
И маму с папой слышит он,
И слышит пенье птиц.

Не говорит, а может быть,
Среди волнений дня,
Он хочет главное спросить:
«Зачем на свете я?

Всё это небо и земля,
Дороги и дома?
Зачем берёзы, тополя,
И лето и зима?»

А мама с папой меж собой
Всё что-то говорят,
А может с ними, как большой,
Он высказаться рад.

И по наитью, сызнова,
Как волны на песке,
Слагает первые слова
На детском языке.

* * *

Мир говорит на языках
Различных групп и рас,
Он сотворил их впопыхах,
Не ведая подчас,

Что будет сложно нам порой
Друг другу объяснить,
Как обустроить шар земной
И как нам лучше жить.

Все языки не без прикрас,
Гортанны и строги,
Или, напротив, всякий час
Свободны и легки.

И я учил другой язык
И сносно говорю,
И даже к речи той привык,
И знаю «I love you».

Но, если стану умирать
В любой земной стране,
К себе на помощь буду звать
На русском языке.

Об авторе

Мария Скавронская

Мария Эммануиловна Скавронская родилась в городе Рыбинске. С 1963 года живет в Москве. Окончила Институт культуры по профессии библиограф. Подборки ее стихов публиковались в советских изданиях: в газете «Ленинское знамя», в альманахах «Охотничьи просторы», «Лес и человек», в журналах «Охота и охотничье хозяйство», «Отчизна», «Работница», «Лесная быль», «Новый журнал» (Нью-Йорк). Стихи неоднократно читались по радио. В 2003 году выпустила сборник стихов «Жаворонок». В 2017 году вышла ее книга «Перстень Пушкина». Член Союза писателей России.Является членом литературных объединений при Центральном доме ученых РАН и при «Международном Фонде славянской письменности и культуры».

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

* * *

Сегодня вышел альманах,
Я так ждала его рожденья,
Он чуть дрожит в моих руках,
Ведь в нем мои стихотворенья.

Тугой холодный переплет
Я глажу с бесконечной лаской.
Мечта сбылась, мечта живет
И пахнет типографской краской.

Аз и буки

Поклонись им, великая Родина,
Благодарность твоя глубока —
Два монаха, Кирилл и Мефодий
Просветили тебя на века.

И построились в ряд «аз» и «буки»,
На «земле» «люди» сеют «добро».
Я хочу, чтоб задумались внуки,
Если взяли сегодня перо,

Как просты эти четкие знаки,
Как нарядна кириллицы вязь.
Так задумали братья-монахи
Меж славянами крепкую связь,

И от первой пергаментной книги
И до наших больших тиражей
Мы пришли в мир культуры великой,
В мир науки, общенья людей.

Гордость наша — Кирилл и Мефодий —
Для славян просвещенья исток.
Песен нам не сложить без мелодий,
И не будет без азбуки строк.

* * *

Льются поэзии строки сакральные
Искренне, четко, в размер.
Только у лучших найдешь идеальный
Образов редких пример.

* * *

Л.Н.Саницкой
Переделкино

Пруд, затянутый ряскою,
Тихо дремлет — не спит.
Под изменчивой маскою
Чьи-то тайны хранит.

Тайны творчества здешнего
Все у Вас на слуху.
Просто рифмы развешены
Тут на каждом суку.

А для Вас Переделкино
Что Кастальский родник.
Ничего здесь нет мелкого,
Важен Вам каждый миг.

Тут живет Созерцание,
Растворившись в тиши,
Как момент ожидания
Для ранимой души.

И для нас Переделкино —
Остров творческих сил.
Ничего тут нет мелкого,
Вспомним тех, кто здесь жил.

Старый дом в запустении
И притих, и поник.
Но его назначение
Сохранит Ваш дневник.

КРЕДО

Девясил

Человек травозная спросил:
—Что за трава — девясил?
— Девясил — девять сил, —
Травознай объяснил, —
Всякая сила творится в природе,
Мудрая сила живуча в народе,
Разная сила повсюду нужна,
Каждому сила по силе дана.
Человек травознаю сказал:
— Эти бы силы ты мне назвал.
Я их запомню, скорей назови.
— Первая сила – сила любви,
Сила вторая живет в материнстве,
Третья сила — в дружбе, в единстве,
Четвертая сила — в достойном труде,
Пятая — в вечной земной красоте.
Сила шестая — в познании, в учении,
Седьмая — в таланте и вдохновении.
Без силы восьмой ты как лодка без весел,
Без веры течение в омут забросит.
Девятая — честь, и от века до века
Беречь надлежало ее человеку.
И травознай на прощанье сказал:
— Я тебе силы эти назвал.
Силы нам сверху даны. И ты можешь
Их растерять или их приумножить.

У истока Волги

Ручеек из тихого болотца
Между ароматных медуниц
Волгою великой назовется,
Русскою душою без границ.

Приходи и преклони колени,
Нет святее места на Руси,
Тут бывало столько поколений,
Ты у дедов и отцов спроси.

И нагнись к траве, испей водицы,
И постой в кристальной тишине,
Раз пришел святыне поклониться
На Тверской прославленной земле.

И вдохни настоянный на травах,
Солнцем гретый, трепаный в ветрах
Воздух здешний, напоенный славой,
Русской славой, вписанной в веках.

Встанешь над рекой, расправив плечи,
Голубую даль охватит взор,
И пойдешь своей судьбе навстречу,
Вместе с Волгой выйдя на простор.

* * *

Чем мерить жизнь? Прожитыми годами
Или длиной написанной строки,
Любовью, налетевшей, как цунами,
Иль музыкой, где звуки высоки.

Сейчас скажу, лишь отдохну немножко
И посижу на мягком бугорке.
Лишь тем теплом, что детская ладошка
Передает морщинистой руке.

Весна на Волге

Среди мхов курчавых и осоки
В ржавых недрах торфяных болот
Волжские рождаются притоки
И бегут стремительно вперед.

И спешат, спешат ручьи и реки
С кручи соловьиных берегов,
Чтобы слиться с Волгою навеки
Между трав высоких и кустов.

Солнце между облаков прорвется,
Луч косой на воду мягко лег.
Ласково Черемухой зовется
Тихий юго-западный приток.

Голубеют от небес протоки.
В глубине болота крикнет выпь.
Точно набегающие строки
Дунул ветер — побежала зыбь.

И проходит мимо горделиво
Весь нарядный белый пароход.
А волна тяжелая лениво
Бакен в бок по-дружески толкнет.

Улица, заросшая травою…
Домиков косых родной уют…
Годы убегают чередою,
Словно баржи по реке плывут.

Есть в судьбе другое назначенье,
Есть огни далеких городов…
Только началось ее теченье
С кручи соловьиных берегов.

* * *

Найди, мудрец, такое средство,
Чтоб нашу молодость вернуть.
Вернуть бы золотое детство,
Возобновить бы жизни путь.
Мудрец ответил, не шутя:
«Имей, мой друг, свое дитя!»

* * *

Мне бы опыт, мне бы этот опыт
В юность ту, зеленую, шальную.
Чтоб потом идти без слез и хлопот
И найти дорогу голубую.

И, согрета солнечною лаской,
Избегая лжи и кривотолков,
Различать врагов под каждой маской,
Не терять друзей в пустых размолвках.

Отдавать порывы дорогие
Только в очень трепетные руки.
И не лезть порой в дела святые,
Подчиняясь ревности и скуке.

Потому внезапно ночью вскочишь
И поймешь, что жизнь напрасно губишь,
Так как измеряешь словом «хочешь»
То, что надо мерить словом «любишь».

* * *

Наши годы — и опыт, и бремя.
И ничто не воротишь уж вспять.
Как хотелось вернуться в то время,
На руках бы тебя подержать.

Детский запах — в нем сила и свежесть,
Вновь вдохнуть бы той жизни глоток,
А потом ощутить снова нежность,
Теплоту твоих бархатных щек.

Но проносятся годы лавиной,
И сама ты уж дважды как мать.
Но незримую нить пуповины
Невозможно ничем разорвать.

* * *

Засветились Божественным светом
Пустоглазые окна церквей.
И Россия стоит пред рассветом,
Пробуждая надежды людей.

Сколько горя легло ей на плечи,
Вновь подняться хватило бы сил.
Я зажгу пред иконою свечи,
Чтоб Господь ее вечно хранил.

Звон разбудит уснувшие души,
Солнца луч купола золотит.
Стой, замри в ожидании, слушай —
Это с нами Господь говорит.

* * *

От березки пахнет Троицей,
Что на праздник храмовой
По иконостасу строится
Свежей ласковой листвой.

Храм намоленный, но маленький,
Лишь всего один предел.
От молитв священник старенький
Весь душой помолодел.

Люди празднично одетые,
Радость светится в глазах,
И ветвями, и букетами
Украшают образа.

Праздник. Храм. Как это правильно,
За Россию не боюсь.
На таких простых и праведных
И стоит Святая Русь.

Хлеб наш насущный

Я вспоминаю то время нередко —
Корочка хлеба была, как конфетка,
Мы ее мяли, вдыхали глубоко,
Долго сосали, запрятав за щеку…
Хлебные полки в большом магазине,
Мама и дочка стоят у витрины.
Вот «Бородинский», «Орловский» и «Рижский»,
Длинный багет, много булок, коврижки,
Бездрожжевой, заварной и «Домашний».
Смотрят на дату, чтоб был не вчерашний.
Неподалеку стояла старушка,
Правой рукой опираясь на клюшку
И теребила концы старой шали,
Глядя с улыбкой, как хлеб выбирали,
И подошла: «Я скажу тебе, детка,
Корочка хлеба была, как конфетка…»
Люди в блокадном аду умирали,
И пайки хлеба им жизни спасали.
Так поклонитесь насущному хлебу.
Значит не зря была наша победа,
Значит не зря та великая плата —
Если страна наша хлебом богата.

* * *

Слышишь звон? Он над речкой, над лесом.
Я стою, замерев, не дыша.
И как будто упала завеса,
И, вздохнув, просветлела душа.

Слышишь звон? — Это музыка Бога,
Это каждому сердцу посыл.
Благодатною будет дорога,
Коль Господь мне ее освятил.

Об авторе

Член Союза писателей России, член Союза писателей XX1 века, член литературного клуба «Московитянка» при Центральном доме литераторов, член ЛИТО Центрального дома ученых РАН. Доктор филологических наук, профессор. Автор пяти поэтических книг. Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Родники России», «Православная лира» и др. Публиковалась в российских и зарубежных изданиях и альманахах, в журналах «Муза», «Работница», «Российский колокол», «Поэзия», «Великоросс», «Словакия», «Меценат и мир», в газете «Московский литератор», «Литературные известия» и др. Лауреат международных литературных конкурсов. Награждена орденом С. А. Есенина, медалями А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др. Лауреат конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013» с вручением награды «Серебряный крест» за книгу «Листаю осени страницы». В 2017 г. МГО СП России ей присвоено почётное звание и наградной знак «Заслуженный писатель». На стихи автора написаны песни и романсы. В 2017 г. в соавторстве с композитором Ольгой Кузьмичевой-Молчановой выпущен музыкально-поэтический альбом «Минутой каждою с тобой».

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

В храме

В храме крепнет и множится слово,
как из горного родника
льётся щедро в струю родного
первородного языка.
И я верую — очищенье
через глубь языка обрету,
у звучанья его прощенье
испросив за свою немоту.
Дай мне, Господи, право былого:
звук свечи на странице зажечь,
ибо силою Духа Святого
охраняет нас русская речь.

Муза

Когда мгновение дрожит
подобно капле росной влаги
и капает на лист бумаги
и в нём Поэзию вершит,
то ощущаешь, как трава
растёт под хмелем майской ночи,
где гроздья звёздных многоточий
таит загадочно листва…

Как хочется продлить в строке
созвучия озёрных всплесков
за лунной тканью перелесков
на серебрящейся тропе.
Веками в пламени росы
душа небес брала начало,
а Муза дерзкая писала
нерукотворные холсты…

ИЗ ЦИКЛА «ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА» (ВОСЬМИСТИШИЯ)

1

Пока еще листва не отгорела,
пока в ней блещет неба синева,
пусть на странице осень кистью смелой
оставит, как лучи, любви слова...

Они погаснут, может, но незримо
в душе моей — божественной строкой —
оставят след, как свет неугасимый,
в котором вечен будет... образ твой...

2

Слова, как листья, стелются, кружась,
и оседают в памяти мгновенья,
в котором рощи светлая душа
полна бесплотной прелести осенней.

Роняют небеса слезинки дней,
просвеченные отблеском багровым.
Озябший трепет нежности твоей
согрею я стиха осенним словом...

3
Сколько поэзии дарите вы,
хрупкие лучики блёклого солнца...
Гулко осеннее эхо куется
в бронзе и меди опавшей листвы,

чтоб, замирая в душе у меня,
снова в строке октября отозваться
тихой мелодией старого вальса
с шелестом... шёпотом... шорохом дня...

4
Мне кажется порой: слова
в ладони — оседают с неба...
Вкушаю их, как мякоть хлеба,
и пью, как влагу пьёт трава.

И ощущая запах строк,
как аромат лозы тенистой,
благоговея, речи чистой
храню божественный исток.

5
Почувствовать земное чудо —
строку в порыве ветерка,
с ним прилетевшую… откуда? —
С небес, где тают облака…

И в зыбкой светотени лета,
в ракитах, под озёрный плеск,
понять душой, что долг поэта —
мгновение запечатлеть.

6
Бывает так порой: строка,
ещё в слова не оперившись,
дробинками дождя по крыше
стучит у самого виска,

рождая звук, что изнутри
врывается лавиной в мысли,
сметая всё, и ясно — с выси —
звучит настойчиво: «Твори!»

7
И будет час, когда морская гладь
от бриза, словно птица, встрепенётся,
и алый бубен рдеющего солнца
плеснёт на берег звучных красок всласть...

И будет миг предчувствия строки́,
берущей в мироздании истоки.
Ещё не оперившиеся стро́ки
едва крылом касаются руки...

8
Не гостью редкою — строку
жду ежечасно терпеливо,
как наступление прилива
на том пустынном берегу.

Дни ожиданий — дань перу,
когда оно уже готово
отдать листу бумаги Слово,
как волнам — парус на ветру.

9
Когда воды журчащий говорок
в истоме зноя различим, как чудо,
слова берутся, будто ниоткуда,
искусным бризом вьются нити строк.

Да будет так! И будь благословен
тот самый миг, когда, как откровенье,
рождается на свет стихотворенье,
и ничего не хочется взамен.

10

День такой же, как все, в Подмосковье:
разнотравье цветёт на лугу.
Там вдали, на лесном берегу,
август к речке прилёг в изголовье.

Тишина. И на лапах шмеля
есть частица бессмертья земного. —
капля мёда, подобная Слову —
дар того, что рождает земля.

11

Поймав строки незримый след,
как отраженье очертаний
звезды в озёрной древней тайне,
хранимой много сотен лет,

поверю в то, что Слова власть
над миром также вездесуща,
как свет, по глади вод бегущий
в мою раскрытую тетрадь…

12

Здесь в шуме волн, на солнечном песке,
я нахожу неведомые смыслы,
как ни гадай, — они приходят с выси,
и кем-то воплощаются в строке.

Кто ж автор? Может быть, прибой?
иль волн кипящих неумолчный рокот?
Смотрю и вижу — чайки пишут строки,
и только ветер правит их рукой.

13
Порой слова безмолвны... но подчас
слышны в них ассонансы и созвучья.
Так луч внезапно пробивается сквозь тучи
аккордами с небес касаясь нас.

Творимая мгновеньем тишина,
не терпящая суеты и лести,
так первозданно музыкой полна,
как строчка из ещё не спетой песни...

14
Увидеть и услышать тишину,
творимую из облачка сирени,
из бликов, многозвучий, отражений,
лучами солнца спрятанных в волну.

Увидеть тишины незримый след
в чреде метаморфоз и воплощений
и ощутить мгновенье, как прощенье,
как вспыхнувший в зерне и Слове свет...

15
Блуждая по мирам Вселенной,
душа вдруг залетит в эфир,
где соткан тишью сокровенной
поэзии нетленный мир...

где времени созвучно имя,
где жаждой речи и стиха
звучит бессмертная поныне
струны серебряной строка...

16
Да, мир лишь Божие творенье!
А Слово сотворил Господь,
чтобы вкусить в стихотворенье
Поэзии живую плоть.

Чтоб свято, трепетно, не всуе
щедроты сердца и ума,
страдая, мучаясь, ликуя,
душою воплотить в слова...

В. Набокову

Я проникаю вздохом в тишь,
из неба сотканную светом,
в которой ты со мной молчишь
в туманном сумраке рассветном,
в которой Слова Божий миг —
безмолвной музыкой просвечен —
вдруг обретает ясный лик
и тихо зажигает свечи,
и воском капает в тетрадь,
творя миры, чтоб в одночасье
дать окунуться в благодать
гармонии, таящей счастье,
где звуки благостны ко мне,
и зов пера высок и светел,
когда бессонно в тишине
заря отряхивает пепел...

На кончике пера

На кончике пера трепещет мирозданье,
на кончике пера струны мерцает звук,
и с кончика пера срываются признанья,
и ожиданье встреч и маета разлук.

На кончике пера то оттепель, то стылость,
то чуткий свет икон в дыхании свечи,
то нежное «Прости» и тихое «Простила»,
то жар бессонных строк и бред огня в ночи.

На кончике пера рождается прозренье,
предчувствие пути и родника исток,
что было, что сбылось, что станет исцеленьем,
началом и концом, скрещением дорог...

На кончике пера — поодаль заоконья —
простор и тишина, церквушки силуэт,
текущая с небес щемящая исконность
своей земли, родней которой в мире нет.

* * *

Сердцу ве́дома строка,
и ведОмо будет Слово
к чудотворности живого —
с жилкой света — родника.
Пригублю его исток,
чтобы солнце со страницы
тишиной могло пролиться
и забрезжить между строк.
Чтобы запахи земли
и лугов российских росы,
растворившись в Слове, просто
стать моей строкой могли!

* * *

Порой мне кажется: строка
ростку подобна: словно стебель,
она растет, а в ясном небе
плывут над Русью облака,
и смотрит ввысь, а дождь шальной
вдруг с неуемностью ребенка
обрушится струею звонкой
и вспоит влагой землю в зной.

Лелея сердцем смыслы слов
из глубины российской речи,
я далью напою заречья
окрепшие ростки стихов,

чтоб родниковостью дыша
и небесами Подмосковья,
строка бы полнилась любовью,
как светом полнится душа.

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ АННЕ АХМАТОВОЙ

* * *

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
А. Ахматова

Порою думаю: откуда стих берётся?
Кем создан он погожим летним днём?
Поэтом ли? Иль просто — небом, солнцем,
июньским лесом, утренним дождём?
Откуда в каплях рифмы свет искрится,
и кто вложил созвучия в слова?
Кем щедро на простор немой страницы
из поднебесья льётся синева?
И оживают в строках после ливня
на пашне всходы и засохшие цветы?
Откуда это чудо — Слово-имя?
Скажи, поэт, ответить можешь ты?

Ответ простой, быть может, и не новый:
«Растут стихи, не ведая стыда…»
растут из жизни, воплощаясь в Слово.
Растут, «как лопухи и лебеда».
Растут (добавлю я) колосьями пшеницы —
земное и небесное сберечь.
Живое Слово на купель страницы
святой водою проливается — как речь…

* * *

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять
А. Ахматова

Прислушиваюсь к голосу внутри...
Он никогда (я знаю) не обманет.
Бессонной ночью, в маете зари,
я доверяю Слово это Анне.
С ней снова я до третьих петухов
беседую, всем сердцем ожидая,
что прямо к солнцу строчками стихов
взовьётся в небо стая голубая.
И ничего от мира не тая,
всё сущее молитвенно приемля,
душа постигнет тайны Бытия,
благословляя небеса и землю…

Мысль и слово

1
Величественна простота
слиянием строки и света,
когда срывается с листа
мятежная душа поэта...
Душа, способная творить
и чудотвОрить кистью словно,
чтоб над холстом листа парить
могли бессмертно — мысль и Слово!

2
Мы помолчим. Слова нам не нужны.
В их тайных смыслах столько притяженья...
Так музыка крадет у тишины
невыразимый промысел творенья...

Когда не здесь — за гранью бытия —
разлита музыка молчанья, где любовью
мир оживает в Слове, но творя …
становится сиянием безмолвья...

3
Пока любовью и поэзией согрета,
пока надежды лучик не погас,
волной стиха — как благодатью света
омоет жизнь нас в самый трудный час...

И высшим смыслом нас одарит Слово,
огнём священным амфору строки
наполнит, чтобы в ней звучали снова
крылатой Музы лёгкие шаги...

Русский язык

Сколько в русский язык Бог вложил глубины!
Слово может спасти от утрат и невзгод.
Слово — это исток, в нем разлив тишины,
птичий гомон, простор, родники, небосвод....

Слово может зажечь в сердце искру добра,
пробудить ото сна неокрепшую мысль.
И живое наследие Словом творя,
наш язык проникает в духовную высь...

Поэзия

Слово — тень, слово — блеск, дар эфира,
тьмой и светом на гребне волны
гонит в бурю суденышко Лиры
по просторам морской седины.

Шторм крепчает и мачту колышет,
злобно блещет на скулах ветров.
Так стихия Поэзию пишет
гулом яро-рокочущих строф.

А когда воцарится истома,
нанесённая кистью волны,
Лира-чайка, в пространство несома,
оперит солнцем строчек холсты...

Слово — тень, слово — блеск, дар эфира,
как поэту его разгадать
в языке — этой клеточке мира —
и плеснуть шумом волн на тетрадь?

Как, в штормах иль в затишье промучась,
удержать рифм и ритма весло,
разделяя Поэзии участь —
чтобы Слово до сердца дошло?!

* * *

Образы тенью пройдут по стене,
образы-лики небесной породы,
стих остается — не вам и не мне,
стих остается — загадкой природы...
Людмила Колодяжная

Стих остаётся частицей тепла —
августом, небом, простором Отчизны.
В нём отзываются колокола,
звуком пронзая осенние ризы...

В таинстве света, сошедшем с икон
и растворённом в дыхании свечек,
Слово родное, как встарь, испокон,
льётся молитвой — над Замоскворечьем...

Слово родное, в его глубине,
в корнях славянских — исконность природы.
Стих остаётся на этой земле —
исповедально — истоками рода.

Об авторе

Сорокина Наталия — поэт, родилась в Москве в семье научных работников. Окончила Московский инженерно-экономический институт, кандидат экономических наук, преподает в Московском государственном строительном университете.

Русское слово

С детства нас радует русский язык,
Он с нами живет с колыбели.
К сказкам и песням слух наш привык,
Мы в душу впитать их сумели.

Читали мы книги, учили стихи,
Мы с классикой русской дружили.
И не были к лучшим твореньям глухи,
К ним возвращались, любили.

Русское слово, оно нас вело,
Мы новое с ним познавали.
Нам с ним становилось легко и тепло,
Мы думали с ним и мечтали.

И даже порою в других языках
Мы корни свои узнавали.
Значит когда-то, в далеких веках,
Слова наши мир покоряли.

Так будем и впредь мы со словом дружны,
Всегда, до последнего вздоха.
Мы его сохраним, будем словом сильны
И это, поверьте, не плохо.

И было слово

И было слово: «Да будет свет!»
И было дело ему в ответ.
А сила света дала, летя,
Начало миру и бытия.

Так от мгновения возникла вечность,
А от крупицы — мир, бесконечность.
Но высший разум в таком решеньи
Задал этапы своим твореньям.

И каждый новый, с благословенья,
Имел природу и измеренье.
И было слово: «Да будет так!»
И было дело — низвергнут мрак!

Мир озарился его звездой
И окропился живой водой.
А высший разум преобразился —
Во всем живущем он отразился.

Цивилизации уходят

Цивилизации уходят,
Обломки бросив на пути.
Лишь мифы их по свету бродят,
Не дав забвенье обрести.

Они несут следы величья
И достижений прошлых лет.
Героев гордые обличья,
Культур, которых больше нет.

Давно ушла Гиперборея.
Она лежит на дне морском.
Лишь ветры Арктики — Бореи
Нам навевают сны о том.

Мы знаем миф об Атлантиде —
Чудесной, сказочной стране.
Но где она в том прежнем виде?
В Атлантике, лежит на дне.

Вода волнуется, бушует,
Она с землею заодно.
И нас ничто не застрахует,
Кто в этот раз уйдет на дно?

Космос вокруг нас

Космос вокруг нас, он не молчит,
Своим языком он нам говорит,
Что время в пространстве работает странно —
Оно переменно, оно постоянно.

Что позывные из дальних миров
Приходят на землю. Принять бы их зов!
Что энергия — та, что соседствует с нами,
Есть проводник между мирами.

Что земля, как планета, память имеет,
Она зло и добро сохраняет и сеет.
Что чудеса в разных точках земли
Когда-то пришельцы создать помогли.

Особые знаки повествуют об этом
И путь отмечают, пронизанный светом,
Светом другой, отдаленной звезды,
От которой под Солнцем остались следы.

Каков этот путь и где начался он,
Может быть, мог бы сказать Фаэтон.
А что, если тайну раскроют скорей
Недра земли и глубины морей?

Об авторе

Соснова Маргарита Львовна — актриса, кандидат педагогических наук, доцент, работает на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации в РУДН. Окончила с отличием Театральное училище им. М. С. Щепкина (ВУЗ) при Государственном академическом Малом театре СССР. После окончания вуза — актриса драматического театра им. Ф. Волкова (г. Ярославль.), (дипломы на всероссийских смотрах творческой молодежи); затем — актриса драматического театра им. А. С. Пушкина (г. Москва). Несколько лет провела в Турции (г. Анкара) в связи со служебной командировкой мужа. Работала много лет в Московском государственном университете культуры и искусств, совмещая творческую, педагогическую и исследовательскую деятельность, затем в нескольких других вузах Москвы. Защитила кандидатскую диссертацию, сотрудничает с сектором психолингвистики и массовой коммуникации Института языкознания РАН. У М. Л. Сосновой имеется значительный опыт преподавания дисциплин гуманитарного цикла, ею созданы и апробированы авторские курсы, опубликованы более 50 печатных работ научного и научно-методического характера, среди наиболее значимых: Искусство актера: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2005, 2007, 2008 гг. (Гриф УМО).; Технологии креативных решений (в рекламе и не только). — Калуга, Изд. «Эйдос»; 2009; Тренинг коммуникативного мастерства: Учебно-практ. пособие. — М.: Академический Проект, 2010. М. Л. Соснова является участником нескольких литературных объединений, в том числе ЛИТО ЦДУ РАН. Ею написаны, но не опубликованы, несколько пьес, проза (рассказы и антиутопия), поэма, стихи и басни.

КРЕДО

* * *

В главной роли была не однажды, над сценой парила,
И девчонкой бежала по снегу скрипучему ночью.
Опиралась в Стамбуле на башни Галата перила,
Обмирая: а жизнь-то разорвана в клочья.

И пыталась увлечь за собой молодую ватагу,
Хоть наивна была, не раскаюсь, и нет в том ошибки…
Подменяла, как воин, опасность на пыл и отвагу,
И слабела душой от любимой улыбки.

Жизни вечность откроют любовь, материнство,
Но бывает, «чужие» заглянут в глаза и промолвят: «Спасибо»!
Я бросала богему пустую и чушь каботинства,
В темень шахты спускалась, узнала дороги Турксиба.

Примиряла творений пути в их волшебные сферы,
Меж Наукой, Искусством пока что немного дорог.
Еретик получает в награду удары сверх меры,
Пусть и так, все равно с Леонардо счастлив диалог.

Но судьба — это тайна, летает в ней птица-Фортуна,
Всё уложится странно узором своим, уникальным.
Если женщина ты, королева, у Муз хлопотунья,
Красок жизни добавишь и делом, и сердцем, — буквально!

* * *

Пою источник жизни — страсть!
Лишь мертвый ею не пленится…
Мечта — в ее объятья пасть,
А после — тихо удалиться.
Пусть вечным будет страсти жар,
Ее томление, мученье
И темной удали угар, —
Пустое всё без увлеченья!

Веселие — души маяк,
А радость — лучшая подруга!
Игра, забава, не пустяк,
Салютом вспыхнет вся округа!
Шипы сомнения отринем,
Иных минут они друзья.
Сочли, что полные князья,
Но мы их в дальний угол кинем,

А птицам вольницы, свободы
Откроем душу щедро, смело!
Сейчас и завтра, через годы,
Чтоб сердце высью пламенело.

Так пусть бушует в жилах кровь!
День жизни — праздник удивленья
И потрясенья вновь и вновь,
И нежности, и упоенья!

* * *

Загадка: что такое «Я»?
Нет остановки у меня?
Я — «из огня да в полымя»:
Игрушка страсти и огня?
Зачем нужна Я для житья?
Во мне слои чужих потоков,
Идей и образов, уроков?
Я — лишь мгновенье Бытия?
«Я» — только слово, буква только,
Частица азбук языка?
Из древности течет река:
Вот — миссия, вот ролька…
А вдруг Я — лишь условность?
Продлю договоренность
Реальность создавать,
Не просто так летать?
Вдруг я — сюжет для повести,
История, рассказ?
А чьё-то «Я» потратит час,
Прочтет о долге, совести?
Я — образ или тело, я?
Пишу в протест от забытья?
В моих делах сквозит ответ?
Я из падений иль побед?
А в целом, сколько их, «меня»?
Быть может, сотни этих «Я»?
Во всех веках — мои друзья!
Но только ясно: без меня,
Пока я здесь, живу, ни дня…
Я — дочь Земли, России, я.

* * *

Что это значит: быть самим собой?
Души по пустякам не тратить?
И слушать шум листвы, морской прибой,
Под вкус толпы себя не перекрасить?
Другие — только повод самому
Решать и выбирать слова, поступки.
Раскаявшись, принять свою вину,
(Ведь самомненье хуже душегубки).
Тебе картина ясна и другим
С мечтой-идеей, тянущей к чему-то,
Что кажется бесценным, дорогим, —
Себя обрел ты! Но — еще минута…

* * *

«Познай себя, что толку в том,
Познаю, а куда бежать потом?»
(И.-В.Гёте)

«Куда» и «я» — предмет единый,
Твою природу отражает.
Деяния неоспоримы,
За них иль бьют, иль уважают.
Каков «я» и «куда» — собратья,
Один другого созидает,
Сраженье грянет иль апатия,
Душа горит иль замерзает.
Путь только мой, другим неясен,
Для них и странен, и нелеп.
Призванью верен, тем прекрасен,
Что с юности душе окреп.
Себя познаем с миром вместе,
Отдельно мы не существуем.
Рыдаем, любим и ликуем, —
Фортуна пики шлет да крести…

* * *

Всё те же мы, советские девчонки…
Нам двор как школа, университет.
Мы бегали от злющей собачонки,
А братья старшие — авторитет.
За керосином мамы посылали,
Давая званье «главного снабженца».
Сердца надеждами на счастье воспылали,
В достатке близки, не рабы-лишенцы.
Но главное — мы искренне дружили,
Не различая нации и веры.
Проблемы-беды позже окружили,
Служение избрали, не аферы.
Нам, детям, прививалась
Человечность.
Искусство открывало
Встречность, Вечность…

Аристос

Я званье «Аристос»* вручила б
Тому, кто точно роли верен.
В своих амбициях умерен,
Кто благороден, не ловчила.
Тот Аристос, кто в ситуации
Увидит истину, не блеф.
Не хитрый лис, не гневный лев,
Высокой служит акции.

Мы только Аристосом живы…
Он благо общее творит,
К деянью юных вдохновит,
Сердечно, не фальшиво.
Постигнет он глубины, дали,
Чтоб Идеалы воплотить,
Души достоинства хранить
В бою, в забвении, в опале.

* *Идея и имя - от Джона Фаулза (книга «Аристос»).*

Трудяга Аристос, искатель
И мастер, что создаст орудье
Не ради «бронзы многопудья»,
Он вечный ученик-старатель.
Нам Аристосов не хватает,
Чтоб был талант и разуменье,
И стойкость, воля и терпенье…
Жаль, редкий ими обладает.

Трое — внутри

Дитя, Тиран и Реалист
Не сходятся ни в чем:
Дитя — шалун, циркач, артист:
«Играем и поём!»
Тиран задавит всех подряд
Своим авторитетом,
Решимостью глаза горят,
К идее — с пиететом,
Прохладен к «тет-а-тетам».
А здравый смысл у Реалиста:
Проникнет вглубь явления,
На время станет фаталистом:
Защита от падения,
Коль безнадежно рвение.
— А кто нужнее человеку?
В ком лучшая подмога?
Кто даст развитию опеку?
С кем верная дорога?
— Читатель, догадайся:
По очереди — все!
Мечтай, трудись, старайся
И — бегай по росе!

Личинки

Личинка Добра с Личинкою Зла
Знакомы, но не дружны.
Ни одного не связалось узла,
Привычки свои важны.
Личинка Добра так не просто жила,
Пришлось потрудиться, страдать.
В пути не всегда идеальна была,
Споткнется, но сразу — вставать.
Другая Личинка — гордячка,
Удач, видно, с неба ждала.
Себя обожала, занятие — спячка,
И в скуке частенько плыла.
Считала себя самой умной, красивой
И дивной, и необычной.
На деле заносчива стала, спесива,
Язвить, издеваться — привычно.
Шло время… исчезли Личинки,
На месте их — Зло и Добро.
От Доброго взгляда растают и льдинки,
У Зла только гнева ведро.

Последствия наших поступков, деянья,
Как будто круги по воде.
В порыве — добра или зла предвещанье?
Движение к миру или к вражде?

Влюбленность в Жизнь

Не в сытости рождается задор,
Там радость жизни может затеряться,
Начнется в голове тупой затор,
И черти злобы, зависти, плодятся.
Судьбе навяжут гибельный сюжет,
Уныние, от мира отчужденность…
Потерянный, среди чужих планет,
Ты позабыл, что есть твоя — Влюбленность!

Влюбленность в Жизнь — от Вечности завет
И наставленье: заново рождаться!
Не много проку в «золоте карет»…
Мечтать, искать, страдать и наслаждаться!
Нас никогда не покидает вера:
Для тайн, любви, родился Человек.
По-прежнему иных «вещей он мера»,
Всё выразит: событья, душу, век.

Влюбленный — рыцарь и энтузиаст,
Пространства испытатель и вершин.
Он на земле не лишний, не балласт,
И не придаток роботов-машин.
Живая жизнь — что может быть дороже?
Пред нею меркнет всё, и даже слава…
Мы любим трепетно, с мурашками по коже,
Нас с головой накрыла эта лава!

* * *

Мы все — творцы, материя истории,
Семья у нас большая – человечество.
Коль мы не пешки и не инфузории,
Не звук пустой для нас Земля, Отечество.
Мы их творенье, дочери, сыны,
Обязаны, коль честны, долг вернуть,
Чтоб в яви воплотить мечты и сны,
Надежду предков чтоб не обмануть.
Останемся не пеплом мы, а словом
И делом — для живых, для умноженья
Сочувствия и счастья, вдохновенья,
Единой строчкой, памяти основой.
Нас привлекает участь человека,
В ком сердце беспокойное стучит,
Кому служенье — альфа и омега,
Душа за ближнего и дальнего болит.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

* * *

Живут столетья бессловесно…
Лишь гений враг для немоты,
От щедрости и теплоты
Он тайну сделает известной.
И все узнают: как всё было,
Как люди жили и страдали,
И сколько стоила кобыла,
И как моря открылись, дали…
Лишь Слово правду закрепит,
Дела, мечты, в одно сведет.
Вернет и к жизни аппетит, -
А кто-то вырвется в полёт!

* * *

«Осторожность в словах выше красноречия»
(Ф.Бэкон)

Словом, фразой, душу убивают
Как бы невзначай и по привычке.
И незримо связи обрывают,
Сердце ждет надежной перемычки.
Ведь любовь есть хрупкое созданье,
Кожа не слоновья у него,
Нежное природы основанье
И гвоздей стальных ни одного.

* * *

От восторга и страдания — звучание, —
Правды-истины откроется секрет.
Млечного пути вдали мерцание,
Бесконечность… не считает лет.

Бытие само себя не знает,
А живет законом естества.
Молча звёзды на небе сияют
Одинокие, без всякого родства.
Только слово смыслы придает,
Миссию подарит, назначенье:
Дружно «Оду к радости» споет
Иль разруху сеет «с увлеченьем»...
Издавна мечтаем о слиянье,
О гармонии природы и людей…
Не отменит никакой злодей
Слов добра и правды обаянья!

* * *

«Уверенность, что всё уже написано,
уничтожает нас или обращает в призраки»
(Хорхе Луис Борхес)

Найти себя и облачиться в знаки…
Дышать и слушать голос Бытия,
И варварские сдерживать атаки,
И не тонуть средь воплей и нытья.
Писать! И душу обтесать пером
И выше быть педантов-критиканов,
Чтоб на плаву удерживать паром… —
Так судьбами завещано титанов.

* * *

Листу доверяя глубинное, главное,
Всё к новым орбитам по строчке летя,
Душой вырываясь из мрака в забавное,
Для опытов новых… Хотя,
Мгновенье поймав, усмиряя его,
Ему удивлюсь непременно.
Созревшее смыслом мгновенье право…
Хоть всё в этом мире и тленно.

* * *

Мысле-образ — дитя, одиночка,
Может, вырастет, может, и нет.
Коль созреет, слова, как росточки,
Зародятся с течением лет.
А с Фортуною вместе — творенье!
Много дел у него и забот.
Для кого-то пустое — паренье,
Для кого-то — спасительный плот.
Только масса слепа, не заметит
И для счастья возможность упустит:
«Нету выгоды, значит, «не светит»…
Мы — для радости, страсти и грусти.

* * *

«Добро» и «зло» — слова… за ними
Дела крушенья или блага.
Твое сольется с ними имя,
И обнажится сущность нага.
Быть может, чернь твоей души
Кого-нибудь погубит?
Подобьем яда, анаши,
Отравит и изрубит.
А если свет — спасенье…
Ты можешь и не знать,
Что слово — потрясеньем
Пришло надежду дать!
И нам самим держать ответ
За все свои мгновенья
Не ради славы и монет,
Для жизни продолженья!

* * *

В поэте двойное чувство:
Жил, как и всякие прочие,
Но издавна болен искусством,
Печали шифрует в отточие.

Быть может, он — агнец в заклании?
И сам это принял и понял,
Что драма — души основание,
А юность извечно — погоня!
Себя он отдал бессмертью,
Благополучия — мало!
Строка, как салют в круговерти,
Со звуком если совпала.

* * *

И пронзает всё стих, словно нож,
И не знаешь, то радость иль боль…
Только опыт да память — крепёж,
Честно выстрадай их и глаголь.
Вырви стих из болящей груди,
Начерти на незримой стене.
Прерываются где-то пути
И судьба по «ничейной» вине.
Стих шампуром нанижет всё-всё,
А читатель вертит на огне,
Проверяя на вкус и чутьё,
Автор грезит или во сне?
«Коль не можешь так жить, не живи»,
А не можешь без строчек, так что ж
Небеса (не толпу) удиви,
Пригодится кому-то крепёж.
Биография — кладка судьбы,
В ней событья — узоры и щель.
Череда то боев, то борьбы…
Полюбуйся: красивая ель!

* * *

Есть волшебники, маги, строки…
Завлекают в такое пространство,
Где игры, красоты, вольтерьянство,
А занозы и боль далеки.

Опыт, свитый с безумьем иллюзий
Плюс мелодия — для ворожбы.
Сберегая талант от контузий,
Выбегаешь из суеты!
Словно в сказке у тайны внутри,
Небывалое открываешь,
Лишь избраннику доверяешь
Тонкий розовый луч — для зари!

* * *

«Так начинают жить стихом»
(Б.Л.Пастернак)

Кто «начинает жить стихом»,
Такому многое не страшно,
Живет с душою нараспашку
И с человечеством знаком.
Ему слова — ступеньки в небо,
Земное, прочее, — пустяк,
Да, он особенный, чудак,
Он жаждет образа, не «хлеба».
Ему воздушный замок — дом,
Мелодия — дорога,
Он в соработниках у Бога
И силой высшею ведом!

* * *

«Давай ронять слова»
(Б.Л.Пастернак)

Люблю «ронять слова»,
Как камни и камеи…
Как листья — дерева,
Как мысли — корифеи.
Быть может, сей закон
В звучание влюбленья —

От ангелов поклон:
Слить вечность и мгновенье.
Напрасно восклицать,
Просить об остановке…
Не лучше ль описать
«Шум времени» в обновке?
Чтоб каждой клеткой жить,
Любовь переживать
И ею дорожив,
Объятья открывать!

* * *

Из бури и сомнений ты рвешься к Идеалу…
Твой дух громаду, космос соорудит в душе,
И зазвучат сонеты, поэмы и хоралы,
Симфонии и вальсы, и туше!
А в них — твоя особость,
Зеркальность отраженья,
Из детства трепет, робость —
До головокруженья!
Лишь к свету направленье
Спасение сулит,
А дикости глумленье
Вернувшись, отомстит.

* * *

Муза, музыка, музыкально!
Музо-нежно,
музо-астрально…
Музой верчены,
Музой перчены,
Музой мечены,
Музой встречены,
Музой солоны, околдованы
И — привечены, облюбованы.

Музой сдвинуты и низринуты,
Музы дочери и сыны,
С Музой в Вечности — диво, сны!

* * *

«Музы ходят хороводом»,
Близкие подружки.
Радость детям и народам
Дарят, а не пушки.
И танцуют и поют,
И стихи слагают…
В душах гнездышко совьют,
В счастье искупают!
Им любая рана — повод
Создавать творенье.
Все нападки, беды, холод,
Всё идет в «варенье».
Музы — чудо, не изменят
И не кинут в яму,
Коль в тебя летят каменья,
Напиши-ка драму!

* * *

Чей дар, такое чудо — Слово?
Кем дадено всевластье, страсть?
Со Словом — Дух, прочна основа,
Они в душе — нельзя упасть.
«Судьба со Словом» уникальна,
Картиной, фреской на стене.
И времена явит зеркально,
И то, что виделось во сне,
И все мечты, событья, беды,
Друзей, врагов и боль, и труд,
И воскресения… и среды…
Шаги веков не всё сотрут.

Об авторе

Елена Ткачевская — кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального дома учёных РАН (http://www.lito-cdu.ru/avtory/Tkachevskaya-Elena), литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», «Литературного сообщества Новые Витражи», член СП XXI века (http://writer21.ru/tkachevskaya-e/contacts.php), автор книг стихотворений «55 Стихо Творений», 2013 г.; «Зимостишие», 2015 г.; «В поисках времени года», 2017 г. (лонг-лист Международной премии «Писатель XXI века» 2017 г.). Публикуется в литературных сборниках, альманахах, газетах и журналах, на интернет-портале «Читальный зал» (http://www.reading-hall.ru/autor.php?id=2870).

КРЕДО

* * *

Не обижать! Не обижаться…
За те мгновения держаться,
Которые теплы, добры,
как те далёкие миры,
что в сновидениях да в сказке.
И дорожить любой подсказкой,
Любым намёком на удачу
И на везение в придачу.

* * *

Жить — просто, если просто жить,
быть рядом с лесом или садом,
А лучше — быть внутри, тогда не надо
Терзаться мыслью: как построить дом?
Когда гармонии вокруг — такая пропасть,
А Солнца луч вращает жизни лопасть
И сердце открывает тем ключом,
который для любых замков годится.
А грань между «родиться» — «возродиться»
Почти пропала…
Мы тут ни при чём.

* * *

Слова свои сбирай по крохам
От тех хлебов, что не для сытости.
Внимая шёпотам и вздохам,
Не сторонись, душа, открытости.

Смерть облик прячет под накидкою —
И к ней в друзья не набивайся,
А с багажами да пожитками
Отправься в путь да поскитайся.

Меняя пункты назначения,
Сбивая чёткость ориентира,
Не доверяя поучениям,
Что — безобразно, что — красиво,

Не перекрикни голос ангельский,
Как шелестит трава послушай.
Сцепленье с небом маломальское
Ничто земное не порушит.

* * *

Я — из плоти живой, из ребра.
Ты — из праха земного, из глины.
И ничуть оба мы не повинны
В том, что жизнь — как без правил игра.

А похожести наши сверять — так рутинно,
Легче верить — мы разные очень,
Серы все лишь в течение ночи.
Днём же — слишком контрастна картина.

* * *

В лес иду — не гость случайный,
Я в наследство получала
Эти тропки в раннем детстве —
И ценнее нет наследства.

Мне понятно птичье пенье,
Где ветвей переплетенье —
Хруст и скрип то здесь, то там.
Я читаю по слогам

Каждый след в снегу глубоком.
Мне в лесу не одиноко,
Слышу, чувствую и вижу
То, что к небу, к Богу ближе

* * *

Г. Гецевичу

Закольцованность формы приводит к сближенью событий,
К примыканью начал, окончаний,
и «здравствуй» прильнуло к «прощай».
А понятие «норма», скорей, превратилось в эпитет,
Отдаляющий то горизонт, то порог, то причал.

Разве претит душе состоянье вокзала?
Разве время меняет дорожные метки?
Ощущение слова, того, что ещё не сказала,
Бьёт в висок, как в стекло оголённая ветка.

И осенние листья с листками стихов вперемежку
Гонит ветер бездумно, не чувствуя смысла.
И — не надо… Ведь мысли шальной перебежки —
Всё по кругу, по кругу, по кругу во веки и присно.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

* * *

Очень долго не знала — кому же сказать, что пишу стихи,
Очень долго читала их травам, деревьям, цветам…
И сказать не могу, что растения были глухи.
Потому-то им — низкий поклон и аз воздам.
А потом вдруг случилось такое, что каждый стих
Принимала, вбирала в себя человечья душа.
И случился чудесный момент или даже миг:
Отпустила стихи, точно птиц — полетели, крылами шурша.

* * *

Закрывала души проталины
По весне лоскутами небесными.
Переулочками да улочками,
И бульварами, и дворами
То известными, то неизвестными
За словами шла со словами.

Открывала души проталины
На потоки тепла бестелесные,
Наполняла души закоулочки,
Не затронутые чудесами,
То понятными, то неизвестными,
Но живительными словами.

И душа со словами этими
Сговорилася да сроднилася,
И того-то сама не заметила,
Что словами надёжно укрылася

* * *

Этот город старинный, тихий, совсем небольшой,
Что расскажет случайному путнику с тонкой душой?
Все преданья, сказания, летописи, письмена —
В прошлом, очень далёком. Сохранённые имена,
Даты, события — в памяти, слову благодаря.
И легенда о серой мышке живёт не зря.

Если этот сюжет дарит городу древнее имя,
Город мифами может вполне дорожить такими.
Я почти наугад выбираю и год, и день. И вбираю
Этот свет золотой, эту тень на избе, на заборе, сарае.
На скамье у крылечка сажусь, любопытства ради,
И вдыхаю чудес светотень, ту, что дарят, не глядя.

В несказанную сказку плывёт городок небольшой.
И почти поравнялся со мной путник с тонкой душой.

* * *

Находит дрожь и ускоряюсь я невольно,
Пересекая деревеньку Волковойна.
И вот уже среди лесов в глуши-тиши
Проистекает речка Сольба, не спешит,
Неужто Сольвейг здесь бывала ранее?
Для деревеньки в верхневолжской глухомани
Баскаки, проскакавшие в ночи,
Оставили названье — Баскачи.
Веками сохраняются названья
Для памяти, для нового познанья

* * *

Мир, по сути, — не сложен, скорее, — прост.
Луч рассветный притянут к земле, освещает погост.

Ведь стихии земли и воды, и огня
Примут всех: и тебя, и меня…

Имя вспомни моё, прошепчи, напиши и сотри,
А тревогу уйми — быть покою извне и внутри.

Притяжение душ — в резонанс с притяжением тел.
Ты ведь эти слова написать и озвучить хотел?

Вослед шагам стихотворения

Эти заметки — о книге Ольги Седаковой «Стихотворения шаги» [О. Седакова. Стихотворения шаги. Избранные стихи, М., изд. «Арт Волхонка», 2017, 336 с.]. Название сборника избранных стихотворений перекликается со строкой автора: «*Всегда есть шаг, всегда есть ход, всегда есть путь*». У смысловой нагрузки слова Ольги Седаковой такая многогранность и многослойность, что чтение стихов возможно исключительно как медленное прочтение, поэтому путь в поэтическое пространство О. Седаковой неспешен, долог и очень часто преодолим не с первой попытки. Поскольку я слышала авторское исполнение некоторых стихов (оно уникально и незабываемо!), то чтение мысленно сопровождалось интонациями автора, что неизбежно приводит к обострённому восприятию текста.

С первых же страниц книги ощущаешь необычайное волнения и трепет, по мере прочтения они усиливаются, добавляется ощущение масштабности, глубины, объёмности творчества автора. Хотя всё это уже понятно и по материалам сайта О. Седаковой [http://www.olgasedakova.com/(дата обращения 19.09.2017 г.)], и по четырёхтомнику её трудов и творений, изданному в 2010 г. [О. Седакова. Четыре тома, М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2010], где, помимо уникальных авторских стихов, — переводы, эссеистика, литературоведение, философские статьи, и по теперь уже многочисленным публикациям её стихов и интер-

вью, и по работам о её творчестве. Но, в любом случае, издание избранных стихов — важный этап в жизни поэта и ценный подарок читателям. Тем более важно, что книга составлена самим автором, о чём Ольга Седакова сказала на поэтическом вечере в рамках проекта «Культурная инициатива» (тема вечера касалась переводов Данте, но о предстоящем выходе книги «Стихотворения шаги» собравшимся стало известно от редактора книги и от ведущего вечера). О том, что для поэта исключительно важно самому составить свою книгу, свидетельствуют выдержки из интервью Ольги Седаковой (вопрос касался журнальной подборки стихов на основе первой книги поэта, изданной во Франции в 1986 г.): «*…сама эта книжка составлена не мной. По какому принципу — затрудняюсь сказать. Конечно, всё равно это мои стихи, я от них не отказываюсь, просто в целом получился другой поэт.*» [https://unotices.com/book.php?id=121810&page=61 (дата обращения 19.09.2017 г.)].

Книга названа очень поэтично — «Стихотворения шаги», звучит как поэтическая строка. Ведь словосочетание «шаги стихотворения» звучит совсем прозаично, хотя всего лишь два слова поменялись местами. Вот уже и начинается чудесное свойство поэтического текста: только нужные слова на нужных местах, в своём уникальном порядке. Первый же стих книги подтверждает эти рассуждения:

Где точка с точкой разговаривает,
звезда с звездою говорит,
где разум лучшее утраивает
и прочее благодарит.

Над замороженными чащами,
над пустырями, где ни зги —
горящие, сумасводящие
стихотворения шаги.

Трудно представить себе ещё бóльшую концентрацию смыслов и мыслей о роли поэзии, чем в этом стихотворении. Здесь — о вездесущести поэзии (от малого до вселенского — от точки до звезды), о совершенной невозможности существования разума без поэзии, благодаря которой «*разум лучшее утраивает*», о неоспоримом значении поэзии как света, несущего и тепло, и возможность видеть, и способность чувствовать и воспринимать жизнь и мир вокруг. Стихотворение названо «*26 декабря*», т. е. датой рож-

дения поэта. И это очень правильно, поэт и человек рождаются одновременно, человек рано начинает осознавать что он поэт, если действительно имеет такой дар. Стихотворение это создаёт образ поэта творящего, постепенно создающего своё поэтическое пространство, шаг за шагом его выстраивающего, а также и образ самого стихотворения, уже созданного поэтом и шагающего к читателю, который, в свою очередь, шаг за шагом осваивает и принимает этот пошаговый путь поэта, идёт по его следам, возникает как бы обратная перспектива этого пошагово создаваемого поэтического пространства, такого динамичного, живого, живущего… Ритмическая характеристика стиха совершенно семантически оправдана, чувствуется ритм этих неспешных, нелёгких шагов.

Поэзия О. Седаковой, будучи принятой и воспринятой читателем, раздвигает горизонты окружающего мира, обозначает вехи пути, направление движения от творений предшественников, от древних текстов до современных, отражает сближение светской и духовной культур.

Корни поэтического текста уходят в философские, теологические, мифологические пласты, текст уникален, изящен, наполнен мыслями и размышлениями о вечности, о жизни и смерти, о знании и вере, о любви в человеческом бытие. Удивительным образом создаётся ощущение одновременного открытия и поэтом, и читателем неведомых им ранее областей в контексте мирового культурного процесса, всё это похоже на совместное преодоление творческого литературного хаоса.

Стихи О. Седаковой затрагивают не только и не столько лирические, но и духовные переживания, а при их трепетной музыкальности воздействие таких стихов глубокое и длительное, читатель и автор вступают на общий путь и идут по этому пути познания Вселенной вместе.

Непознанное, неведомое человеку в этом мире в процессе познания озаряется светом, это и свет огня любви, и свет узнавания и приятия драгоценного и великого в культурном пространстве, и все эти всполохи, лучи, вспышки света могут переплетаться и создавать единый световой поток, отражающийся в поэтическом пространстве, подвижном и прозрачном, как водная стихия, растворяющая познаваемое вещество, ранее бывшее темным и непонятным. Такова магия поэзии… Вероятно именно эта магия заставляет и заставляет меня читать уже который раз вот, например, это, написанное простыми словами стихотворение Ольги Седаковой:

В каждой печальной вещи
есть перстень или записка,
как в условленных дуплах.
В каждом слове есть дорога,
путь унылый и страстный.
А тот, кто сказал, что может, —
слезы его не об этом
и надежда у него другая.
Кто не знал ее — не узнает.
Кто знает — снова удивится,
снова в уме улыбнется
и похвалит милосердного Бога.

Поэтическая магия уже была отмечена в послесловии к первой, изданной во Франции, книге О. Седаковой: «*А словарь стихов был колдовским. Золото и серебряные нити, бусы, кольца, драгоценные минералы, клады, ларцы, свечи и таинственные книги, вода во всех видах, зеркало, алмаз, кубок, деревья, звезды, кусты, цветы, травы. Мир представал как огромный таинственный праздник. Земля раскрывала свои сокровища будто в ночь на Ивана Купалу. Знакомые предметы и пейзажи, подмосковная Азаровка, глаза домашнего кота начинали вдруг взахлеб рассказывать о себе, своем настоящем и прошлом. Поэт-маг выдергивал жало из их ран, жало, заставлявшее их молчать, и, освобожденные от злых чар, они никак не могли наговориться. В самом тембре стихов чувствовалось, что понимание и даже власть над тайнами земного круга для поэта не цель, а ступень к чему-то важнейшему. Он украшает нищий, любимый дом к приходу драгоценного гостя. Грациозный, нежный стих и живая, как волна, композиция открывают ему видение великого события, славимого под именем Рождества. Но Рождество будущее, которое вот-вот должно произойти.*

Или уже произошло.» [http://imwerden.de/pdf/sedakova_vrata_okna_arki_1986__ocr.pdf (дата обращения 19.09.2017 г.)].

Ощущение чего-то не до конца определённого, недосказанного возникает почти для каждого стиха О. Седаковой. И даже, казалось бы, простой стих о любви, написанный простыми словами, не так прост и односложен, как представляется на первый взгляд:

Ты знаешь, я так тебя люблю,
что если час придет

и поведет меня от тебя,
то он не уведет —
как будто можно забыть огонь?
как будто можно забыть
о том, что счастье хочет быть
и горе хочет не быть?
Ты знаешь, я так люблю тебя,
что от этого не отличу
вздох ветра, шум веток, жизнь дождя,
путь, похожий на свечу,
и что бормочет мрак чужой,
что ум, как спичка, зажгло,
и даже бабочки сухой
несчастный стук в стекло.

Потрясение от чтения пережить не просто, силу автора трудно переоценить.

Поэт идёт к читателю книгой, открывается ему, открывает «*язык сердечных крепостей*», и это радость для всех, ведь «*дар поэта так отраден для земли*».

19.09.2017 г.

Имперские интонации

(заметки о книге Евгения Степанова «ИМПЕРИИ» книжной серии «Авангранды»,

[Степанов Е.В. ИМПЕРИИ, М., Издательство Евгения Степанова, 2017]

Ну почему такое неожиданное название для поэтической книги — «Империи»?

Поначалу кажется странным, что применительно к литературному творчеству (или к этапам жизни) Евгений Степанов использует характерное для историков, политиков понятие империи. Но по мере углубления в чтение книги становится совершенно ясно, что понятие империи в данном случае надо рассматривать не в его эмпирическом, а в теоретическом значении: империя как факт сознания. А поэзия — продукт сознания. Понятие империи представляется весьма подходящим для анализа пережитых и пе-

реживаемых явлений и процессов, каждый жизненный этап обретает важность, сравнимую со значимостью империи. Поэтическое пространство стиха как империя? Возможно и так, и именно так автор подчёркивается важность стиха в сравнении со значимостью жизненного этапа, и тогда всё — в согласии со словами К. Кедрова: «…биография — блестящее примечание к поэзии» [http://www.ng.ru/ng_exlibris/2008–07–24/2_kedrov.html]. Если империя — состояние внутреннего мира, то поэзия приобретает имперскую значимость.

Связь понятия империи с властью обусловлена этимологией термина (imperium — власть (лат.)), а связь с пространством обусловлена применимостью понятия к большой, многокомпонентной структуре. Если поэзия исходит от авангардиста и гранда (книга вышла в серии «Авангранды»), то власть её неоспорима и охватывает как самого поэта, так и немалое сообщество его читателей. Носители имперского сознания существуют не только и даже не столько в реальности, сколько в мире своих идей и ценностей, пусть даже и воображаемых. Вот такие имперские интонации появляются в эссе о поэтической книге…

Само название книги звучит как императив, практически не оставляющий читателю надежду на лёгкое и спокойное чтение. Автор, как в литературе, так и в жизни, также не склонен искать спокойное русло (Е. Степанов — поэт, литературный критик, учёный, редактор, издатель, президент Союза писателей XXI в.). Книга и призвана раскрыть читателю, во власти каких мыслей, настроений, состояний, чувств находится её автор. Таким образом, созданное поэтическое пространство воспринимается как совокупность империй, как сложное их взаимодействие и воздействие на читателя и поэта, при этом поэт и пребывает во власти, идущей извне, и властвует сам, в полной мере используя эмоциональность и образность языка.

«…
но троп не трёп а божья милость
судьба сложилась как сложилась
…»

А постоянные размышления о кредо поэта приводят к простым и философским стихам, например таким:

* * *

Чем меньше собственности, тем больше радости.
Диван. Авторучка, Тетрадь.

И совсем не мало стихов, само звучание которых долго не отпускает сознание читателя и даже звуковая характеристика почти сравнима по значимости со смысловой:

* * *

Жизнь тает точно пастила
Во рту — Господь даёт отмашку.
И невозможно постирать
Судьбу — как джинсы и рубашку.

И невозможно изменить
Ни дня, ни собственного взгляда.
И невозможно извинить
Себя — а впрочем, и не надо.

Поэтический язык воспринимается как отзвук простой мелодии с чётким ритмом, с пропадающим значением слова вне контекста.

У автора такой простой композиционный подход — стихи короткие, но поэтическое пространство получается достаточно сложным, многосмысловым, рассчитанным на искушённого читателя. Понимающий читатель узнает автора эпиграфа только по его инициалам, а интонации автора порой почувствует и без таких грамматических заморочек, как знаки препинания. Семантическая насыщенность стихов требует присутствия «воздуха» на странице, и следует отметить, что зрительный облик стихов в книге этому требованию вполне соответствует, белая поверхность не перегружена, каждому стиху — своя страница.

Поэзия

исповедь
покаяние
проповедь
молитва

отповедь
это и есть поэзия
всё остальное —
игра слов

2013

Читатель поэзии Евгения Степанова существует скорее не в публичном пространстве, а в пространстве очень личном: пространство дружеского и/или семейного круга, пространство личных событий, личной истории, личных пристрастий и привязанностей. Власть законов массмедийного потока практически не затрагивают поэтическое пространство, которое представляет Е. Степанов, и в этом тоже заключается кредо поэта.

* * *

Ты не добился успеха —
И это твой большой успех.

Тебя не принял мейнстрим современной жизни —
И это твой большой успех.

Мейнстрим — это ложь и пропаганда

В стихах Евгения Степанова ощущается широкий спектр чувств и состояний: сострадание, сочувствие, благодарность, почтительность к высшим силам и опыту предшественников, боль, страдание, но наряду с этим — и благодать, зачастую тихая, почти бессловесная, а скорее, интонационная.

Памяти Мандельштама

и мы с тобой неодиноки
язык он зык он общий дом
и мандельштамовские строки
как вечный русский чернозём

родной язык — не дебет-кредит
родной язык — не отобрать
и птичий горбоносый лепет
как трепетная благодать

Нельзя не заметить особую чувствительность поэта к явлениям природы, что связано с современными тенденциями наступления индустриальной цивилизации в глобальном масштабе. Опыт современного человека приводит к осознанию драгоценности всего живого, органического, всего, что органично связано с природной средой. В этом смысле поэзия Евгения Степанова — в империи планетарной и даже вселенской цивилизации. Причём поэтический язык может меняться от традиционного до авангардного, метаметафорического, но интонации автора удивительным образом прослеживаются и сохраняются.

Дом

По грядочкам протопал дождь
Реинкарнировались сучья
В печи.
Придёт черёд — поймёшь
Смычные дачные созвучья.
Поймёшь, что прожил жизнь не так,
Не там — что страшен мегаполис.
Поймёшь, что победив сорняк,
Ты вырастишь целебный колос.
Поймёшь — прекрасна колея
Родная —
Будешь добр и кроток.
Поймёшь, что Родина твоя —
Семь этих земляничных соток.

1993 г.

Два стихотворения

1
сосны-экстрасенсы
ноты Сен-Санса
сны сны

2
сосна
сэнсэй моего сна

Поэзия Евгения Степанова уходит корнями в литературное творчество очень многих и очень разных поэтов-предшественников. Этот путь сознательного ученичества и эта взаимосвязь уже были чудесным образом сформулированы А. Ахматовой в поэтическом цикле «Тайны ремесла» (1956 г.): «Не повторяй — душа твоя богата —/ Того, что было сказано когда-то,/ Но, может быть, поэзия сама —/ Одна великолепная цитата». Иногда эти связи прослеживаются явно (с Б. Окуджавой, А. Кочетковым, Н. Рубцовым, О. Мандельштамом, В. Хлебниковым, В. Маяковским и др.) посредством посвящений, цитат и эпиграфов, иногда — не столь явно (например, с Н. Заболоцким). Так, стихотворение Е. Степанова «Октябрь» и стихотворение Н. Заболоцкого «Облетают последние маки…» вполне могут сформировать «одну великолепную цитату».

Октябрь
(Е.Степанов)

закрывают озябшие дачи
засыпает мой сад-огород
и душа потихонечку плачет
хоть она — говорят — не умрёт

плачет точно предчувствует лихо
точно холод нездешний в груди
точно острая как облепиха
замаячила жизнь впереди

ничего-ничего — всё в порядке
очень скоро здесь будет тепло
я вернусь — эти вечные грядки
я вскопаю всем бедам назло

Совершенно явные параллели прослеживаются со стихотворением «Облетают последние маки…» (1952 г.) Николая Заболоцкого.

«Облетают последние маки…»
(Н.Заболоцкий)

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.

По пустынной и голой алее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей,
Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, —
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.

1952 г.

Философские раздумья обоих поэтов касаются души, настроение лирического героя созвучно осеннему увяданию природы и предчувствию трудных испытаний, и оба стихотворения предлагают путь преодоления жизненных невзгод посредством мобилизации душевных сил и духовного самовоспитания.

Читатель Евгения Степанова — современный человек, тонко чувствующий многогранность, многокомпонентность мира, всеобщую взаимосвязанность. А также важным свойством нашего мира является и хрупкость, что предполагает сильнейшее, горячее стремление избежать проявления недоброй воли, некоего насилия в чем бы то ни было: в поступках, в мыслях, в формах выражения человеческой личности, значимость которой сравнима со значимостью империи.

30.10.2017 г.

Нескончаемый поиск слова

(90-летие стихотворения Б.Пастернака «Февраль»)

Елена Ткачевская

Если человек связал свою жизнь с литературой, с поэтическим творчеством, то работа со словом не прекращается никогда… Яркое тому подтверждение — отношение Бориса Пастернака к своему стихотворению «Февраль». Каждый день рождения для человека, и тем более, для человека творческого, — это повод осмыслить дела свои, мысли, чувства… Родился Борис Пастернак в Москве 10 февраля 1890 года, поэтому совсем не удивительно его особое отношению к февралю, а также понятно, почему именно с этим временем увязаны размышления о поэзии. Стихотворение «Февраль» 22-летний Пастернак написал как знаковое, выражающее решимость автора посвятить себя литературному творчеству. О важности стихотворения свидетельствуют неоднократные последующие попытки его редактирования автором в 38-, 55-летнем возрасте. В издании 1955 года присутствует редакция 1928 года, которую Пастернак принял как окончательную

* * *

Февраль.
Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Меня б везли туда, где ливень
Сличил чернила с горем слез.

Где, как обугленные груши,
На ветках, — тысячи грачей
Где грусть за грустию обрушит
Февраль в бессонницу очей.

Крики весны водой чернеют,
И город криками изрыт,
Доколе песнь не засинеет
Там над чернилами навзрыд.

1912 год

* * *

Февраль.
Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1928 год

Не столь велики изменения стихотворения при редактировании, но поэтический слог стал легче, звукопись другая, и мудрое наблюдение за таинственным процессом стихосложения, осознание важности метафизического компонента творчества появилась не у начинающего, а у сложившегося поэта.

Благодаря редактированию во втором четверостишии движение стало ощутимей как по скорости, так и по направлению, автор чётко соотносит стихию природы со стихией чувств и мыслей поэта (лирического героя), проявления сил природы (ливень) понятнее, заметнее и слышнее внутреннего мира героя, который выражается не просто и не стихийно, а со всей сложностью поиска необходимого слова и его записью чернилами, и именно в этом слове выражаются и слёзы, и самые глубокие переживания. Метонимия (движение пролётки, полёт мысли) очень зрима и выразительна.

В третьем четверостишии Пастернак при редактировании бережно сохраняет необычную, даже зловещую, впечатляющую метафору (сравнение черных грачей с обугленными грушами), отражающую переживание, перегорание чувств, волновавших зимой, и надежду на их преображение в весенней круговерти последующих событий (грачи срываются с дерева навстречу лужам как проявлениям весны). В ранней редакции стихотворения такой динамики не прослеживалось. Хотя в стихотворении и ранней редакции чувствовалось стремление к новому состоянию, к обновлению, подобно тому, как природа перерождается и возрождается весной, приближение которой внимательный лирический герой способен почувствовать уже в феврале. Удивительным образом состояние метаний и поисков поэта усиливают неординарные рифмы (гривен-ливень, груши-обрушат), ярко врывающиеся в ритм четырёхстопного ямба в попытке сбить его.

И самые существенные редакторские правки Б. Пастернак сделал в последнем четверостишии. Зрелый человек написал те строки, которые не могли быть написаны юношей. Подобно тому, как от жара весеннего солнца тает снег, появляются проталины темнеющей земли, так и от выжигающей душу грусти растапливается лёд горького отчаяния, и уже нет места слезам. Тема ветра, разносящего птичьи крики, приносит ощущение ожидаемых перемен. Всё неотвратимо меняется и в природе, и в душе лирического героя, поэт ловит эти ощущения и сознательно, и подсознательно («… чем случайней, тем вернее…»), слагает стихи. Пережитое, имеющее трагическую окраску («навзрыд»), глубоко затронувшее душу и сердце поэта, выступает катализатором поэтического творчества.

февраль, 2018 г.

Об авторе

Родилась на Урале, влюбилась в этот удивительный мир чудесной природы, пишет стихи с 20-ти лет. Изданы два сборника: «Снегопады любви», «Святые родники», издан диск песен (2000 экз.), написан цикл песен для Смоленской АЭС. Редактором первого сборника был Мишин Алексей Викторович, смоленский поэт, был на презентации первого сборника в гор. Десногорске в 2001 году.
Татьяна Хатина — учитель с тридцатилетним педагогическим стажем, высшей категории, любит свою профессию, детей — это единомышленники. Поэзия — это способ выживания в нашем таком странном мире.
И улыбнётся жизнь — пока мы верим в небыль,
И ввысь глядим с надеждой. И вот, под Новый Год
Близ Млечного пути, на лунно-звёздном небе
Летит оленья упряжь, свершая поворот.

КРЕДО

У портрета Есенина

Глаз твоих васильковая просинь,
Чёткий профиль, припухлость губ
И волос золотая осень,
Взгляд из прошлого нежен, не груб.

Я листаю стихов страницы,
Что ты нам раздарил на века.
Где-то бродит твоя кобылица,
И с ладони пьёт из родника…

Твой рассвет так же в пламени алок,
Разлита по России грусть.
И берёзовым соком в бокалах
Нас весной одаряет Русь…

10.12.2014г.

Встреча Анны и Марины

(по эссе Ирины Пановой)

Июнь сорок первого года, Москва, ещё нет войны…
Большая Ордынка, погода покоя ждёт, тишины.
Две женщины, два поэта, два гения, два столпа…
Одна только встреча, как капелька света, такая судьба…
Цветаева из Ленинграда, Ахматова из Москвы,
Великую встречу эту им подарили волхвы…
В коморке у Анны тесно, к кушетке придвинут стул,
Но как же с ней интересно, Москвы не услышан гул…

Анна, тебе предстоит встретить войну в Ленинграде,
Чёрного голода дни выдержать, выжить в Блокаде.
Горька Марины судьба, три месяца ей осталось.
Елабуга… Жизнь коротка, и ниточка оборвалась…
Бессильна была страна спасти от беды поэта,
Жесток и кровав Сатана, беда пришла в конце лета…

Августа тридцать первое… Сорвалась в пропасть потерь…
Взорвались тонкие нервы, Елабуги чёрная дверь…
В кровавое месиво времени упала душа Марины…
Обручем боли в темени, грехи все твои и вины…

Комарово Анны Ахматовой

Запахи сосен с могучими кронами
Дышат экзотикой дивных цветов.
Будит с утра колокольными звонами
Старых соборов пленительный зов…
Нежность сирени красуется летом,
Ивы шарами стоят вдоль дорог.
Сосны высокие залиты светом…
«Будка» Ахматовой, старый порог…
Дух старины, где Серебряный век
С Анной Андреевной жил здесь и верил
В то, что свободой горит человек,
Честью и Совестью жизнь свою мерил…

Старые стены хранят дух времён,
Голос Ахматовой слышится, слышится…
Крыши усталой шёпот и стон,
Осень… Дожди… да, стихами здесь дышится…

27.09.2016г.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!...
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..
Михаил Лермонтов

Тарханы

Тарханы, где твоё купалось детство
В любви, заботах бабушки родной.
И от восторга замирало сердце,
Когда играл в аллеях с детворой.
Дворянское поместье, где для Миши
Пруды и речка, парков этуаль,
Слог гувернёров так цветист, возвышен,
И детских тайн мечтательная даль.

Здесь первое стихов очарованье,
Ты уходил в таинственность аллей,
В беседке лёгкое любви признанье
И радость детских шуточных затей.
Зимой снежки, весёлые прогулки,
Катанье в санках с горки ледяной.
Стол для ребят, где пироги и булки,
И чай с вареньем, мёдом и халвой…

Стол, где перо, чернильница, бумага
Так ждали каждый вечер новых строк.
В раскрытое окно весенней влагой
Вбегала ночь, с ней тайны мотылёк…

Писалось так легко и искромётно,
Плясал огонь свечи на фитиле.
Твой взгляд Луны касался мимолётно,
И ангелы парили на крыле…

А в церкви Домовой прохладно, тихо…
К иконе Богородицы спешит,
Глазами Матушки, такая схожесть ликов,
Она на сына ласково глядит.
Твой разговор с молитвою и верой
К любимой Матушке, что рано умерла,
И робкое: «Прости, мне одному так скверно…
Мой Ангел, как хочу, чтоб ты жила…»

Горит свеча, и тот огонь священный,
И жажда бури в пламени души…
Ещё гореть будут в груди нетленно,
Но он — то знает, как нужно спешить…
Кавказ, тот домик с камышовой крышей.
Дианы грот, скрещение дорог…
Гнев молнии и гром… Спаси Всевышний!...
И ливень бешеный… Отчаянья поток…

03.04.2014г.

Николай Рубцов

Тонкий лирик, второй Есенин,
Ты бунтарь, скиталец, поэт.
Николай Рубцов — русский гений,
Свой великий оставил след.
Город Вологда, домик Петра
В тихом сквере ты рядом с ним.
Твои строки разносят ветра,
Они так нужны молодым.

Взгляд задумчивый, берег Волги,
В длинном шарфе, потёртом пальто.
Трудный путь твой такой недолгий,
Где любовью не грел никто.

В тридцать пять перестало биться
Сердце в страшный Крещенья мороз.
Все стихи — твоей жизни птицы
Ты России в ладонях донёс!

10.11.2013г.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

По картине Александра Болотова «Осенний дождь»

Осенний день, симфония дождя,
В прохладных лужах утопают листья.
Плащи… Зонты… В тот сумрак уходя
Дождь с нами говорит, читает мысли…
Деревья в золоте и капельки дрожат
С ладоней листьев убегая в лужи.
И фонари промокшие горят,
День так устал и чуточку простужен.

А в парке под дождём гуляют пары,
Уходят в полумрак златых аллей…
И этот парк такой знакомый, старый
Играет танго грустных фонарей.
Дождь скрипкой ветра музыку выводит,
Стучится в души, бередит сердца…
Влюблённые здесь свой причал находят,
Вновь веруя, что вместе до конца…

Снег в апреле

Дразнит апрель, а с высот над Москвой снежный вальс…
Влажный асфальт, и снежинки рисуют картины.
Радуга зонтиков вновь расцветает для нас,
Ветер качает на крыльях добра вечер синий…

Снег, снег, снег по весне,
Ангелов белых кружение…
Словно в несбывшемся сне
Зимних чудес продолжение…

Небо закутано в плащ с васильковой каймой,
Капли скользят по стеклу так печально и странно,
Лишь снегопад манит нас красотой неземной,
Встреча с тобой мне в любую погоду желанна…

Снег, снег, снег по весне…

По картине Ивана Крамского «Лунная ночь»

Колдовская тайна ночи
В бликах лунного свечения,
Свет течёт сквозь ветви кроны
Тополей в ночи уснувших…
Тени от стволов могучих
У скамьи скользят и манят,
Согревая лунным светом
Женщину в одеждах белых.

Одиночеством, печалью
Чудный лик её наполнен…
Шаль колени прикрывает,
Трепетно скамьи касаясь…
Тишина… В ночной прохладе
Нашу диву покоряют
Ароматы трав и свежесть
Ветерка, что шепчет грёзы…
Шарф прелестный на головке,
Грусть в глазах на тонком лике…
Пруд застывший, где кувшинок
Белопенное цветение
В окруженье диких лилий,
В этом омуте желаний…
Как волшебна ночи тайна,
Лунных бликов провидение…

В белом тонкая фигурка…
Свет серебряный Селены,
Сокровенных грёз видения
В откровеньях лунной ночи…

3.03.2017г.
Селена — Луна

Осень в городе

Осень — вязь сердолика
и дымка опала,
Инея кружевница утром
лужи сковала.
Вновь октябрьского ветра
распоясался отрок,
А рассвет на востоке хладен,
весел и бодрок…

Грозных туч аметисты,
как тёмные люстры, повисли,
Пешеходы скрывают печальные,
грустные мысли.
И зонтов купола разноцветным
над городом роем…
Капли бьются в стекло — всех намочим,
почистим, отмоем…

По дорогам машин проплывает
весёлая свора,
Ветер капли бросает прохожим
на зонт и за ворот.
И, грустя, фонари ловят в лужах
часть лунного блика.
Осень… Дымка опала
и тонкая вязь сердолика…

Печали тонкая игла

Оранж взгруснувших фонарей
В туманной заводи мерцает,
Как будто тайны воскрешает
Души проснувшейся моей.
В окно течёт густая мгла,
Ночи тягучее дыханье…
И бередит воспоминанья
Печали тонкая игла…

Лето на даче

Качели на даче, согретые солнцем,
Синицы на тонких висят проводах.
День солнечный, ясный, раскрытый до донца,
В небе барашки в стройных рядах.

Радио что-то нам тихо играет,
Жаркого солнца шар золотой.
Рядом Полинка в бассейне играет,
Пахнет клубникой, укропом, землёй.

В окнах решётки, солнечный зайчик
Звонко стучит по стеклу кулачком.
Летний денёк, как задиристый мальчик
Светом добра окружает наш дом…

2012 г.

Колокольчик лета

Звенит, звенит от солнечного света
Сладкоголосый колокольчик лета.
Лиловой нежностью украсит луг зелёный,
В ромашку белую, как в первый раз влюблённый.
И юный ветер их закружит в танце,
Под музыку пленительного танго…

А пряный запах трав: чабрец, душица, донник,
Танцуют с ними на большой ладони
Лугов зелёных солнечного лета…
Звени сладкоголосая планета.
Ромашки, колокольчики родные
Краса лугов, цветы моей России.

13.06.2011г.

Кувшинки

Гладь озера кувшинками согрета,
Как нежные невесты разрослись.
По зеркалу воды в фату одеты
В волшебном танце стеблями сплелись.

А в полнолунье из брегов выходят,
Плетут венки и водят хоровод.
Русалочьи мелодии выводят,
А на рассвете тают в бездне вод.

Нимфея, нимфа, белая кувшинка,
Ты — символ нежности и красоты.
Цветок любви, ты в нём свои росинки
Хранишь, как знак девичьей чистоты…

По картине Исаака Левитана «Вечерний звон»

Святые волжские места, соборов древних стены,
Торжественность и красота — природы русской гены.
Взлетают купола церквей в темнеющее небо,
Заката дивный чародей — пленяют краски Феба…

Как Волга праведно течёт, спокойна и широка.
Вечерних облаков полёт в воде летит далёко…
Уходит яркий летний день в вечернюю прохладу,
И леса сказочная тень несёт душе отраду…

Вечерний звон… Вечерний звон… Последний луч заката…
И отражают тени крон колоколов кантаты…
По гладкой тишине воды переплывают в лодке
Паломники к местам святым
с молитвой чистой, кроткой…

Святые волжские места, соборов древних стены,
Торжественность и красота — природы русской гены…
А в высоты под сенью крон так бархатно и свято
Вечерний звон… Вечерний звон… Колоколов кантаты…

Об авторе

Родилась в Москве. Окончила Московский Авиационный институт (МАИ). В жизни занималась разным, побывала во многих уголках России и за её пределами. Доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор в МАИ.
Поэт. Участник литературного объединения Центрального Дома Учёных РАН «ЛИТО на Пречистенке». Автор сборников стихов «Отражённый свет» и «На исходе сна». Публикации в альманахе ЛИТО ЦДУ РАН, в альманахе «Бунинские Озёрки», и др.

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Кто знает, сколько слов перепробовал Бог, прежде чем нашёл то, которое сотворило мир (Станиа́слав Еа́жи Лец— польский поэт, философ, писатель).

Только раз и оглянулась (романс)

«Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!»
(А. Григорьев. Цыганская венгерка)

Лишь легла на мир прохлада,
И сгустилась тишина —
Соткала моя отрада
Явь — причудливее сна.

То ли зельем угостила,
То ль заклятьем оплела…
Сладкой речью обольстила,
Спохватиться не дала.

Губы — цвета ягод сочных,
Охмелят пьяней вина,
В глубине очей восточных
Ночь кромешная черна.

Погибай — ничто не свято —
В этих омутах без дна…
«Ба́сан, ба́сан, басана́та!
Ты другому отдана».

Уходила — не спросила,
Что желала — всё взяла.
Разлюбила — не сгубила,
Да закля́тья не сняла…

Только раз и оглянулась
Через смуглое плечо,
Оглянулась — улыбнулась.

Что ж так сердцу горячо?

2018

Таруса (диптих)

По инициативе Беллы Ахмадулиной в 2006 году в Тарусе был установлен памятник Марине Цветаевой (скульптор Владимир Со́скиев, архитектурный проект — Борис Мессерер). Два цикла стихотворений были написаны Беллой в Тарусе. В городском парке в 2013 году ей установлен памятник на высоком берегу Оки, неподалёку от памятника Марине Цветаевой. Автор архитектурного решения — Борис Мессерер (скульптура о́тлита из бронзы Зурабом Церетели).

I.

Здесь неба цвет аквамариновый,
И жёлтый отсвет фонарей,
Дух новогодний — мандариновый
В озябшей комнате моей…

Здесь слово Беллы музыкальное,
Марины голос молодой.
Моя лыжня — прямая, дальняя
Над запоро́шенной Окой.

К ним — внеземным, о, к ним — небесным
Мне не откроются пути…
До звёзд, бледнеющих над лесом,
По белу-полю не дойти.

Но в ветре чудится мне пенье —
То ль наст под лыжею звенит,
Доносится ль — стихотворе́нье
С какой-то дальней из орбит…

То зазвучит — то умолкает.
Замру на месте, не дыша:
Кого — не знаю, окликает
Туда взлетевшая душа…

II.
В том крае нет страстей и болей,
Рукой не чувствовать руки…
А здесь — по снежному раздолью —
Столь прихотлив изгиб реки,

И небо в цвет аквамарина
Окрашено на склоне дня,
Слеза свечи, огонь камина…
И кто-то ждёт ещё меня,

Порывисто, и осторожно
Руки касается рука —

И в этом мире ненадёжном
Всё не бессмысленно, пока.

2018

КРЕДО

Жизнь это — сон, увиденный во сне (Борис Акунин. *Любовница Смерти*).

Океан

Некогда я уже был… кустом, птицей и выныривающей из моря немой рыбой. (Эмпедокл — древнегреческий философ, врач, государственный деятель, жрец. Труды Эмпедокла написаны в форме поэм).

А океан меня качает,
Рождает призрачные сны,
Воспоминания всплывают
С палеозойской глубины:

Мне мнятся берега изгибы,
Вода прозрачная — мелка,
Я — водоросль, а может, рыба —
Среди воды, среди песка…

Быть человеком — так немало,
Мой курс осмыслен и высок!
Но вновь волна меня вздымала —
И опускала на песок.

«В объятьях ласковых прибоя
Забудь свой горький бренный путь, —
Волна мне пела, — я с тобою,
Кто есть ты в мире — позабудь,

В моих чертогах бездна ночи,
И память — не достигнет их,
И не умножит в сердце горечь.
Усни же в шёпотах моих,

Я дам душе твоей покоя»...
И завершив земной свой срок —
Очнусь подводною травою,
Летучей рыбой над волною,
Иль обращусь в морской песок.
2014

Не хозяйкою в дому — не женой

Я в посёлок прихожу у реки.
Отражаются во льду огоньки…
Дом с балкончиком, за ним поворот.
В одиночестве банкет — Новый Год.

Не найти особняка сквозь метель.
Там сейчас горит гирляндами ель,
Тёплый свет в твоём высоком окне,
Он уюта обещает — не мне.

Не хозяйкою в дому, не женой,
Мне на стуже оставаться — одной.
Размыкает тесный круг твоих рук
Своевольный гений встреч и разлук.

Искры вьюги отрясает с крыла,
Вроде слышится мне: «Я не со зла», —
Дышит холодом: «Утешься, забудь».
В забытьи мой продолжается путь…

Гдé скрывается от взоров твой дом —
Снегом выбелена память о том.
2017

От ягоды сок

То не пуля отыскала висок —
Это только лишь от ягоды сок.

Тонкой ниточкой пульсирует жизнь:
Постарайся, потерпи, продержись.

Впереди у нас опять виражи.
Вновь за явь нам принимать — миражи.

2003

Невольница

А в том забытьи, что как марево тает
Туманною дымкой над тёмной водой,
И в обморок-мо́рок опять погружает
Невольницу страсти мучительной той —

Там вечно распахнуты окна в аллею,
И лип отраженья застыли в реке,
И краски заката всё так же алеют
Оттенком брусники на бледной щеке.

Я там к нему в сон прокрадусь невидимкой,
Скользнув невесомой бесплотною тенью —
И снова кружиться мне с ним под пластинку
До света, в томительно-нежном смятении,

Твоею рабой, заплутавшая память,
Твоею игрушкой, фантомная боль...

Тавро поцелуя — горит-полыхает —
Той страсти губительной след огневой.

2017

Единственный (сны)

И пылали костры, маня,
И брела я холодным днём.
А не ты ль окликал меня —
Отогреться твоим огнём?

А не ты ли сулил кольцо —
Как впотьмах обещают свет,
Да от вьюги закрыв лицо,
Я теряла твой быстрый след…

Был — как не́ был, прошёл — чужой,
Не взглянув, не подняв головы,
Тот, кто избран моей душой,
Мой единственный, но — увы…

Очищают заросший парк —
Разжигают костры вокруг.

Не могу отогреть никак
Онемевших от стужи рук …

2003

А жизнь подобная реке
(оставшись в юности)

Стоит на пристани — дитя субтильное,
На брови сдвинута косынка стильная,
Ветра настырные полощут платьице.
Стою красивая. А жизнь — наладится.

А жизнь подобная реке — не плачу я,
Несётся лодка налегке бродячая…
А годы выскользнут песком в горсти,
А слёзы высохнут, оставшись в юности.

…Блестит искристая вода безбрежная,
Гляжу я пристально куда-то в прежнее,
Где повзрослевшая, прямая, сильная,
Смеётся девушка, взмахнув косынкою.

2014

Какие загадки нас гонят по свету…

Способность познавать вещи — врожденное свойство человека; возможность быть познанными — закономерность вещей (Сюнь-цзы — китайский мыслитель конфуцианской традиции).

Какие загадки нас гонят по свету?
Семичасовой позади перелёт.
Здесь месяц — ладьёй золотистого цвета
По чёрному небу над дюной плывёт.

Босая, впитавшая зимнего солнца
Под шёпоты-вздохи солёной волны,
Носившая заговорённые кольца,
Коварство их магии — приня́вшая в сны.

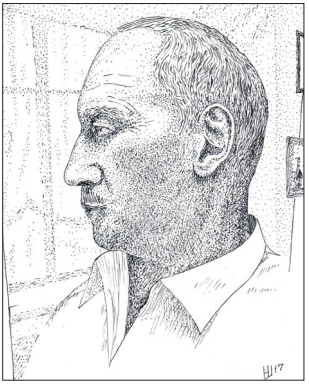
Не будет в душе ни отрады, ни мира,
Что́ так повелительно ма́нит меня?
Под ультрамариновым оком сапфира,
Мне быть меж пределами ночи — и дня,

Во власти враждебного взора кристалла,
Под пологом тайны над чуждой страной…
А птица над морем крыло распластала,
Судьбой перелётною — схожа со мной.

2017

Об авторе

Николай Шведов — поэт, художник, иконописец. Автор нескольких поэтических сборников. Член ЛИТО ЦДУ РАН с 1995 года.



Саянские элегии

1 Емеля

Слева пропасть — справа горка,
Ледяная вьётся плеть,
Что-то в горлышке прогоркло,
Эх, до стопки б дотерпеть!

Если что — тащить готовься
Сам себя за волоса,
Там внизу — не страшно вовсе:
Рыжим пятнышком — лиса,

Ёлки чёрная заноза,
Да нашедшие приют
Косточки от лесовоза —
Года три поди гниют…
Будет спать не одиноко!
Всё!... о грустном помолчи...

Вспомни дом в снегу до окон,
Звёзды близкие в ночи.

Что там звёзды — очи сини,
Промелькнут стремглав в окне,
Вышивные мокасины
Выбегут навстречу мне.

С распростёртыми крылами,
С запрокинутым лицом —
Будет радость между нами,
Печь с ковровым изразцом,
Встану я как небожитель
И счастливей всех Емель….

Что ж ты тащишься, водитель!
Совесть, что ли, поимей!

2 из дневника Емели

Сиреневые склоны гор — не от сирени,
Цветным ковром юродствует багульник,
В сенях ботинки за ночь отсырели —
Мой друг с похмелья всех клянёт огульно.

Но, выйдя по нужде из душной хаты
И оглядев расцветшую природу,
Он улыбается счастливый и щербатый,
Волшебного отведав кислороду.

А пелось как вчера — слеза пробила!
Так в городе и близко не умеют.
Я профиль твой, саянская сивилла,
Запомню как бесценную камею…

Сиреневые склоны гор — не от сирени,
В дали исчез посёлок, мы на марше,
Но знаю, сладкопевные сирены
Рукой с порога всё ещё нам машут.

Насквозь пронизывает ветер даже горы,
По-старому, багульник — «ядовитый»,
Народ в округе крепкий и матёрый,
А девушки,как есть, мастеровиты.

В домах не часто встретится икона,
Монастырей здесь отродясь не знали.
Багульник проповедует на склонах.
А дышится легко!.. Какие дали!

3 Емелин сон

В беседке от детей спасенье,
Здесь белый лист и карандаш,
Но пишут пальцы не весенний,
Не окружающий пейзаж.

…Там дом, не ниже и не выше,
И перед ним во льду река,
Ломтями снег лежит на крыше
И лает пёс издалека.

Меня к нему несёт как птицу,
Как будто ветер тащит вспять,
И если чудо вдруг случится,
Мы там увидимся опять.

Растопим печь, а после свечи
Зажжём и будет посему:
И тени зацелуют плечи
Очарованью моему….

И слышно как ворчит в прихожей
И всхлипывает пёс во сне,
И всё печальнее и строже
Глаза иконы на стене,

Окно замёрзшее двулико,
И пахнет летней резедой
Забытая во сне улыбка,
Улыбка девочки седой.

Лыжня

Зимой, что озеро, что поле —
Холст, выбеленный для картин,
Деревья по краям в неволе
И только лыжник — господин.

И щёки розовы от бега,
И шаг размерен и упруг,
И виден замысел побега
В усильях ног его и рук…

По краю снежного настила
Бежалось лыжнику легко.
А к вечеру лыжня застыла
Как тень забытая его.

И видит месяц еле-еле,
Сквозь облака разбавив темь —
Судачат на опушке ели
Про потерявшуюся тень.

Второй триолет сестры

Какая удивительная тишина,
Как лань, остановившаяся на бегу.
Я этот миг для сестры сберегу,
Какая удивительная тишина!
Как на ребре монетка, луна
Застряла в осоке на берегу.
Какая удивительная тишина —
Как лань, остановившаяся на бегу.

Картой краплёной играют дожди

Картой краплёной играют дожди,
Дрозд на юг улетел,
Картой краплёной играют вожди,
Ангелы не у дел

Где в почерневшем старом саду
Ветром лист унесло —
Тайную сад сохранил красоту:
Девушка держит весло

Семьдесят лет как его бережёт
В зарослях бузины,
Ну а зимой на снегу хорошо
Виден символ страны

Дети кидали в неё кирпичом,
Зло наводило сглаз,
Холод и голод ей нипочём —
Были ж люди у нас!

Ты не бросай нас ещё, подожди,
Наша кузькина мать,
Картой краплёной играют вожди,
Им тебя не сломать!

Пора прощаться
Ни милых сплетниц, ни стихов —
Один лишь труд непреходящий.
А вечером — закат кричащий
И запахи ночных цветов.

Такую жизнь я выбрал сам,
Спасаясь от сердечной боли —
Душе, не верящей слезам,
Полезны добрые мозоли.

Мой серый преданный вассал
На любопытных лаял веско
И молоток мне подавал,
Когда просил его — стамеску.

…Теплу не скажешь: погоди!
И лист, как сын заблудший, кружит,
А в доме новом печь гудит,
Всё — веселее, чем снаружи.

Наутро, если повезёт,
Над перепаханною глиной
Воришка эхо донесёт
Остаток песни журавлиной.

Беги, дружок, пометь наш сад,
Давно пора вам попрощаться.
Мотор бубнит и рваться рад
Назад в объятья домочадцев.

Об авторе

Шорр Борис Фёдорович — советский и российский учёный, специалист в области механики и авиационного двигателестроения. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального института авиационного моторостроения им. П. И. Баранова, ветеран ВОВ. Б. Ф. Шорр начал писать стихи с юношеских лет. Некоторые его стихи были впервые опубликованы в 2004 году малым тиражом («От 16 до 76. Избранные стихи» — М.: Изд. Информконверсия) и более полно — в 2016 году («От 16 до 86 и далее. Избранное» — М.: Изд. «Спорт и Культура). С 2017 года — участник ЛИТО ЦДУ РАН.

КРЕДО

Свой век прожил…

Свой век прожил — другому ты не нужен, —
Так было сказано одним неглупым мужем.
Но раздвигают рамки поколенья
плод мысли,
плод любви
и рук твоих творенья.

Дочери — семнадцатилетней

Со школьной партой уходит детство…
В иную всматриваясь даль,
Что хочешь взять ты себе в наследство
И с чем расстаться тебе не жаль?
Порой, случалось, тебя бранили,
А то и шлёпнуть, в сердцах, могли,
Но даже в гневе тебя любили,
И защищали, и берегли.
Секрет едва ли тебе я выдам,
Сказав, что легче бывало жить,

Когда могла ты свои обиды
На наши плечи переложить.
Но все мы люди — и мы не вечны,
И наши дети — им дальше жить —
Должны когда-то себе на плечи
Всю тяжесть жизни переложить.
Дорогу к счастью никто не знает,
Не каждый, встретив его, поймёт,
И то, что счастьем один считает,
Другой бесчестием назовёт.
Но есть тропинки ему навстречу:
К себе быть строже, к другим — добрей,
Ценить все радости человечьи,
Увлечься делом, беречь друзей.
Любить детишек — своих и всяких,
Семью построить — кому судьба,
Смывать мещанство с себя, как накипь,
Не превращаясь в его раба,
Любить свой дом — и в беде, и в силе,
Упорной в долге быть и в правах,
И видеть завтрашнюю Россию
В её сегодняшних облаках.

Дочери-невесте

Друзья вниманьем тебя смущали,
Пылали щеки, дрожал букет.
Тебя не знали, но узнавали —
Ведь это мама в семнадцать лет!
А память требует так немного:
Походку, жесты, движенье глаз…
И сходство кажется нам залогом,
Что дети жизнью продолжат нас.
Но продолженье — не повторенье,
Искать дорогу — тебе самой.
Тобою принятое решенье
Сегодня станет твоей судьбой.

Теперь вас двое. Но как не просто,
Пройдя медовые рубежи,
Понять: семья — не игра, а взрослость,
И строить надо её всю жизнь.
Себе свой мир открывают дети,
Нам не судить их — благословлять,
Чтоб в нескончаемой эстафете
Секреты счастья передавать,
Чтоб вместе радуясь и тревожась,
Не знать покоя от их затей,
Любя упрямую непохожесть
Таких похожих на нас детей.

Твой дом

Входя в свой дом, не бойся верить,
Что встретят близкие твои
Тобой распахнутые двери
Глазами, полными любви.
Входи в свой дом самозабвенно,
Как в песню входит соловей,
Чтоб откликались пол и стены
Открытой радости твоей.
Не вороши свои потери,
Расстанься с горечью обид,
Оставь за запертою дверью
Всё то, что душу леденит.
Оставь тревоги, огорченья,
Входя в свой дом, неси с собой
Всёпониманье, всётерпенье,
Любовь, улыбку и покой.

Народная мудрость

И не ахаться, и не охаться, —
Если мрак на тебя надвинется, —
Надо, силы собрав, нахохлиться
И душою всей напружиниться!

Мне шестьдесят

Я полюбил науки мощь и стать
И творческую радость узнавать
В необычайном — будущего норму,
В набросках — красоту задуманных картин,
В изяществе тобой рождённых формул
Ревущее неистовство турбин.
Мне нравилось простор давать ученикам,
Ценя в них новой мысли завязь.
Я никогда не знал, что значит зависть,
И их успехам радовался сам.
Среди друзей, в кругу своей семьи
Скучающим и замкнутым я не был.
Мой дом — не здание, не комнаты, не мебель, —
Он там, где близкие мои.
Мне дороги и предки, и еврейство,
Но чужд их себялюбия угар,
Равно приветливо шумит мое семейство,
Встречая русских и татар.
Напрасный труд на старости гадать,
Каких ещё высот достигнуть мы могли бы.
Со мной мои прожитые года,
И жизни поклонясь, скажу за них спасибо.

Плетусь за прогрессом…

Живёшь в сумасшедшем темпе —
Будто под хвост — вожжа.
Работа, как старый джемпер:
Не греет, а бросить жаль.
Покоя нет ни минуты.
На отдых пора.
Ан, нет!
Едва одолел компьютер —
Уже влезай в Интернет.
Плетусь за прогрессом, пленник,
А юным — сам чёрт не брат:

Двухлетки включают телек,
Мобильник несут в детсад.
Им всё в паутинке просто,
А мне — одна маята…
Осталось слетать лишь в космос!..
Да жаль, зарплата — не та.

Лет своих не считаю…

Лет своих не считая,
Кручусь, как волчок заводной.
Лишь изредка вспоминая —
Костлявая — не за горой.
Но чем ждать, пока она стиснет,
Тебя в постельном бреду,
Пусть лучше с поезда жизни
Сбросит на полном ходу.

К 80-летию

Вот и восемь десятков встретил я
В удивительном исчислении,
Захватив целых два столетия
И даже другой миллениум.
А что годы летят — не грустите вы,
Обижаться на них не в праве я,
Раз меня поздравляют с дожитием
При остатках ума и здравия.

Вечерняя наша любовь

Нам осталось так мало —
скрывать свои чувства нелепо,
Мы не можем любовь
как десерт отложить на потом.
Наша близость сейчас,
сумасшедшим подарком от неба,

Как весеннее солнце
врывается в мерзнущий дом.
Только Богу известно,
когда, задохнувшись, устанем,
Но пока — молоди нас! —
вечерняя наша любовь —
Не шагреневой кожей,
сгорающей с каждым желаньем,
А костром,
раздуваемым
каждым порывом ветров.

Не хочу

Не хочу столетней скукой
Годы жизни продлевать.
Не хочу детей и внуков,
Как чужих, не узнавать.
Не хочу, кусая локти,
На людей смотреть, как сыч.
Не хочу, чтоб даже ногти
Я не мог себе отстричь,
Чтоб неделя за неделей
Отмирал уставший мозг,
Чтоб в ещё живущем теле
Мысли таяли, как воск…
Но пока навстречу деду
Внучки радостно бегут,
И друзья со мной беседу
Задушевную ведут,
И пока мой мир не сужен
До расплывчатых теней,
И я сам зачем-то нужен
Молодой жене моей,
И рассудок мой на шутки
Может шуткой отвечать, —
До последней, до минутки
Не хочу я умирать.

Только как минуту эту
Угадать?
Не упустить?
Может, знает ключ к секрету
Генетическая нить?
Нам, увы, не подобраться
К вожделенному ключу,
И фортуна, может статься,
Не услышит:
«Не хочу!»
Чтоб не быть ничьей обузой,
Душу чёрту бы продал,
Чтоб в загадочную лузу
Шар он вовремя загнал!

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ

Ты любишь меня?

Быть может, вопрос мой ты строго осудишь,
Но значит так надо, чтоб слышала я
Твой голос.
Я знаю, что ты меня любишь,
Но только скажи мне, ты любишь меня?

Рифмы

Пусть не так бела бумага
И не то перо в руках,
И не тот поэт-бедняга
Тянет Музу за рукав,
И другой настрой, и лады,
И совсем не тот масштаб,
И давно разрыты клады,
Что таил бессмертный ямб, —
Но запой запою близок,
За строкой строка бежит,

Муза, полная капризов,
Щедро строфами дарит.
Рифма молит, рифма просит:
«Не своди меня с ума,
Ты же видишь, стыд отбросив,
Я пришла к тебе сама!
Словно Болдинская осень —
Подмосковная зима.

Если б я могла говорить…

Ты сегодня хмуришься, Хозяин,
И меня не хочешь приласкать.
Я сама, конечно, понимаю,
Что не надо прыгать на кровать.
Я ведь знаю, что мне делать нужно,
Где еда, куда должна ходить.
Хочешь ты, чтоб я была послушна,
Но природу трудно изменить.
Нахожу у ног твоих я место,
Обожаю хвостиком идти,
Прятаться под стол или за кресло —
Только так, чтоб мог меня найти.
Я люблю твоих ладоней запах,
Осторожный чёс твоих ногтей,
И на спину лечь, раскинув лапы,
В неге от хвоста и до ушей.
Ты — в дверях. Ну как тебя растрогать?
Поднимусь на лапы и скулю.
Ты ушёл — лежу я у порога
И шаги знакомые ловлю.
А вернёшься — будет мне не стыдно
Завизжать и броситься на грудь.
Жаль, до головы я не допрыгну.
А как хочется в лицо тебя лизнуть!

2017

ПЕРЕВОДЫ

Стрела и песня
(Генрих Лонгфелло – с английского)

Стрелу прямую я в высь послал,
Куда упала — никто не знал.
Стрела на солнце блеснёт — и нет.
Кто видел стрелы промелькнувшей след?
Любимую песню я громко спел,
Её послал я вдогонку стрел.
Песни звонкой стремителен взлёт —
Кто может увидеть песни полёт?
Время прошло — я стрелу нашёл,
Её сохранил мне берёзки ствол.
А песню, что спел я, всю до конца
Мне возвратили друзей сердца.

На баррикаде
(Виктор Гюго – с французского)

Вышли патроны. Молчит баррикада.
Выжившим — тоже не светит пощада.
Всех расстрелять приказал капитан:
Семеро взрослых, один мальчуган.
Меньше тринадцати, малого роста,
Грязный, весь в ссадинах, кожа да кости.
«Ты что здесь делаешь, эй, шпингалет?» —
«Я — вместе с ними» — мальчишка в ответ.
«Вот как! Так с ними и будешь расстрелян».
Вскинуты ружья, намечены цели.
Вдруг — «Не стреляйте!», — крикнул малец.
«Жалко часов, что купил мне отец.
Вы мне поверьте под честное слово —
Маме отдам их и буду здесь снова.»
«Струсил, мерзавец? Ну ладно, гони!».
Мальчик умчался под смех солдатни.
С храпами раненых хохот мешался.
Ружья вдруг замерли. Смех оборвался.
Мальчик, к убитым друзьям подойдя,
Встал у стены и сказал: «Вот и я».

Лореляй
(Генрих Гейне – с немецкого)

Не знаю, с чего вдруг ожил
Преданий сказочный сон,
Он душу мне растревожил
Печалью былых времён.
    Со склонов прохлада льётся,
    Покоем дышит река,
    В лучах вечернего солнца
    Купаются облака.
А там, где поздно темнеет,
В разрыве дальних высот
Сидит златовласая фея
И, косы сплетая, поёт.
    И во́лос её чудесен
    В огне закатных лучей,
    И звукамАсомнови дивных песен
    Пленяет она людей.
Рыбак, — детинушка рослый,
Забыл о скалах вокруг.
Тоскуя, он бросил вёсла
И выпустил руль из рук.
    А скалы — острее и выше,
    И лодку тянет ко дну,
    А он и видит, и слышит
    Лореляй одну.

2018

Мои годы
(Сократ Ханян – с армянского)

Строй стиха, приближающийся к оригиналу

К вершинам гор,
Мои годы,
И в звёздный мир
Вознеслись.
Там, в вышине
Небесной
С солнцем самим

Обнялись.
А ныне, во тьму
Ущелий
Тянет их
Жизни груз.
Молю я вас,
Мои годы,
Пусть медленней
Будет спуск.

Вариация на ту же тему

В годы юности казалось,
Всё мне было нипочём.
Я не знал, что есть усталость,
За подъёмом шёл подъём,
В россыпь строк слагались мысли,
Что задумал — то вершил,
И достиг к полудню жизни
Я заоблачных вершин.
Но с годами всё труднее
Путь прокладывать в горах —
Меньше дерзости в идеях,
Больше вялости в ногах.
Вниз, не слушая дороги,
Тянет прожитого груз...
Не спешите мерить, ноги,
Убыстряющийся спуск!

Кемерово – март 2018

Вспышка.
    Крики.
        В конец не веря,
Природа гонит:
    Беги, держись!..
Но всюду дым
    и заперты двери.
С последним вдохом уходит жизнь…

Растут, как грибы, дворцы-развлекуши,
Красавцы с виду, с ядом внутри.
И дети для них — не живые души,
А только средство множить рубли.

Ни люди, ни Бог не простят такое
Вам, кто на жизнях строит доход.
И если закон поладит с тюрьмою,
Потоком слёз вас с постов сметёт!

27 марта 2018

Русское слово
(Непридуманная история)

Моей внучке — три года. Уже несколько месяцев она живёт с родителями в Германии, где её отец (мой зять) получил стипендию Гумбольдта. Она ходит в детский сад, по-немецки еще не говорит, но уже кое-что понимает. Меня позвали на пару недель погостить в Германии. В воскресенье мы пошли всем семейством в местный театр на детский спектакль «Красная шапочка» — разумеется, на немецком.

Зал большой, человек на двести. Все дети — примерно внучкины ровесники. Их рассадили по местам, принимая во внимание рост, и моя внучка оказалась почти в центре зала. Родители остались стоять вдоль стен.

На сцене — здоровенный волк-хулиган. В зале тихо, малыши следят за его проказами, затая дыхание. Перед тем, как «проглотить» бабушку, волк рыщет по всей избушке в поисках, чем бы поживиться. Увидел на тумбочке лекарства и протянул за ними лапу — сейчас их схватит.

И тут! Посереди зала вскакивает во весь рост моя внучка и во всю глотку (а голос у нее — что надо) кричит по-русски волку:

— Нельзя!.. Это бабушкины!..

(Дело в том, что перед отъездом внучки в Германию, бабушка лежала больной, и внучка в меру своих сил трогательно за ней ухаживала. Она твердо усвоила, что бабушкины лекарства трогать нельзя).

Немецкая детвора на непонятный крик никак не реагировала. Возможно, дети решили, что так и должно быть по сказке. Но волчья лапа застыла в воздухе, и лекарства остались не тронутыми.

Внучка села на место, спектакль продолжался. К бабушкиным лекарствам волк-хулиган больше не подходил.

«МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!»:

девятый альманах произведений участников Литературного объединения Центрального дома ученых Российской академии наук.

Этот сборник размещен на сайте «ЛИТО НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»
по адресу ***http://lito-cdu.ru***

***На этом сайте можно посмотреть все предыдущие сборники,
ежемесячные концерты участников ЛИТО,
а также страницы авторов.***

«МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!»

Альманах произведений участников Литературного объединения
Центрального дома ученых Российской Академии наук
под редакцией канд. филол. наук Л. И. Колодяжной.
Технический редактор к. хим. наук. Е. П. Ткачевская

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Ирина Ракитина*
Корректура авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 200 экз.
Сдано в набор 05.06.2018
Подписано в печать 08.08.2018

ISBN 978-5-91865-521-4

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.